E43 972

К ВОПРОСУ О РАССЛОЕНИИ КРЕСТЬЯНСТВА

ПОЛИТИКЕ ПАРТИИ В ДЕРЕВНЕ

"КУБУЧ"
1926

55488/8

1-й экз с.-ф.

Е43-972

335.4:63](471)

Сб. ст. 1-а

К ВОПРОСУ

О РАССЛОЕНИИ КРЕСТЬЯНСТВА И ПОЛИТИКЕ ПАРТИИ В ДЕРЕВНЕ

(МАТЕРИАЛЫ)

СБОРНИК I

(От XIII Съезда РКП (б.) до Октябрьского (1923 г.) Пленума Ц. К. РКП (б.) (включительно).

V Ср. 2495

55488

Издательство „КУБУЧ"
ЛЕНИНГРАД — 1926

Н. К. Крупская.

Товарищи, я начну с того, с чего начинает большинство ораторов, — со ссылки на то, что говорил Владимир Ильич. Тов. Калинин уже говорил о речи Владимира Ильича на VIII съезде советов в 1920 г. В этой речи Владимир Ильич говорил:

«Классовая борьба в деревне стала фактом, теперь она пошла в самую гущу, теперь нет ни одной деревни, где бы ни разбирались между тем, что такое кулаки, что такое бедняки».

В 1920 году эта классовая борьба в деревне началась, но за три года НЭП'а расслоение деревни пошло так далеко, что эта классовая борьба увеличилась во 100 раз. В настоящее время мы видим, что борьба принимает все более острый и острый характер. Появились новые факты. Мы наблюдаем в середняцких и бедняцких слоях деревни чрезвычайно повышенную активность, стремление к организации. Надо сказать, что многие партийные товарищи в начале относились к этой самодеятельности середняцких и бедняцких слоев несколько подозрительно. Однако, в деревне идет не процесс об'единения всех слоев деревни против рабочего класса, в деревне идет другой процесс — объединения середняков и бедняков против кулаков. И, конечно, рабочий класс, советская власть, партия не могут не поддер-

жать этой борьбы трудящихся масс против кулака, не могут не поддержать об'единения их в организацию, которая могла бы противостоять в деревне кулаку.

Организация середняка и бедняка — это нечто другое, чем организация профсоюзов против капиталистов. Экономическая организация пролетариев, не имеющих собственности, конечно, отличается от экономической организации мелкого крестьянства, имеющего свой дом и свое хозяйство. Историей классовой борьбы до сих пор не даны еще формы этой организации середняка и бедняка против деревенского кулака. Сейчас только идет нащупывание этих форм организации. Повидимому, этой формой могут быть комитеты крестьянской взаимопомощи. Конечно, товарищи, лучше знающие деревню, могут сказать, есть ли основание для того, чтобы именно эта форма стала формой экономического об'единения середняка и бедняка. Но форма эта должна быть найдена и должна быть укреплена. Если эта форма не будет найдена, тогда будет засилие кулака, и в классовой борьбе, которая происходит сейчас в деревне, верх возьмет кулак, и крестьянство наше пойдет не по пути кооперирования, а по пути капиталистического развития. Это — вопрос колоссальной важности, и поэтому он должен быть обсужден партией со всей серьезностью. Сейчас мы переживаем определенный переломный момент. Середняцкие и бедняцкие слои заставили партию говорить и думать о себе. Мы видим ряд обследований деревни, которые вызваны именно самодеятельностью этих слоев. Одна организация за другой, следом за пар-

тией, производят такие обследования волостей, обследования деревни, думают над тем, как сейчас помочь деревне. Это — результат самодеятельности бедняцких и середняцких слоев, заставивших говорить о себе.

(Из речи на XIII с'езде РКП(б)).

I.

Подход к деревне.

Хозяйственная обстановка совершенно изменяет не только экономику деревни, но и требует нового политического подхода к тем новым явлениям, которые возникают в общественной жизни деревни.

В настоящий момент связь крестьянской десятины, крестьянского двора с городом и фабрикой идет по тысяче нитей, которых раньше совершенно не было.

Мы имеем сейчас в деревне, кроме изб-читален, школы, больницы и т. д., еще такие учреждения, как кооперативы, кредитные товарищества, заготовительные органы, машинные товарищества и т. п. В деревне происходят такие факты, как массовый переход от старинного трехполья к новой системе обработки земли, к культурным методам землепользования и т. п.

Политическая активность крестьянина выросла на почве новой, радикально-противоположной военному коммунизму, экономической обстановки в деревне.

Восстановление сельского хозяйства таит в себе большое количество осложнений, потому что в деревне сохраняют еще свою силу законы капиталистического накопления. Когда мы говорим теперь: «лицом к деревне», «больше внимания деревне», — мы говорим это не потому, что мы с вами стали добрее, а потому, что по сравнению с предыдущими годами обстановка в деревне радикально меняется.

Темп расслоения деревни сейчас не установлен в каких-либо точных цифрах. Термин «кулака» толкуется по-разному, и подчас эти различные толкования ведут к крупным ошибкам. Сейчас еще трудно точно определить значение этих новых явлений деревенского быта, трудно точно определить роль кулака в экономической и политической жизни советской деревни. Только всесоюзная перепись в будущем году даст нам точный цифровой материал о положении в деревне.

Но уже теперь можно, на мой взгляд, установить ряд ошибок в толковании слова «кулак». Часто под кулаком понимают просто хозяйственного крестьянина. Один товарищ рассказывал, что будто бы в одной деревне крестьяне идут в кулаки по жребию. Я не знаю, была ли «кулачья жеребьевка» или нет, но самая возможность такого рода рассказов указывает, что в этом вопросе палка определенно перегнута.

Мы должны сейчас принять все меры к тому, чтобы восстановить крестьянское хозяйство. Каждый двор должен окрепнуть настолько, чтобы стать в десять раз богаче, чем сейчас. С голодным,

безграмотным и темным крестьянином мы никакого социализма во веки-веков не построим. Чтобы этого достигнуть, достигнуть социализма, необходимо прежде всего во что бы то ни стало восстановить крестьянское хозяйство.

Ошибки в этом вопросе происходят потому, что по отношению к деревне для измерения ее экономического уровня до сих пор пользуются аршином военного коммунизма, мерилом того времени, когда значительное большинство крестьян находилось в наибольшей нужде.

Этот аршин военного коммунизма сейчас оказывается негодным, ибо все государство, все население стало гораздо богаче.

Ошибку в толковании слова «кулак» необходимо исправить. К кулакам относятся только те крестьяне, которые живут не за свой счет, а за счет работы других крестьян, закабаляя их при помощи разного рода ссуд, аренд, скупки и т. п.

Тот крестьянин, который работает и силами своей семьи укрепляет и восстанавливает свое хозяйство, не есть кулак и не может считаться кулаком. Это — самый лучший советский хозяин.

В той сложной обстановке, которая создалась в деревне в связи с товарооборотом и товарностью крестьянского хозяйства, ответственность советов и партии становится в тысячу раз больше. На ряд новых явлений в деревне партия и советы стремятся отвечать рядом встречных мер.

Если было бы нужно указать главную хозяйственную цель всех этих мер, то мне кажется, что

через них мы в первую очередь должны взять на себя инициативу помощи бедняцкому и середняцкому крестьянству.

(Из доклада на III секции ЦИК'а в Тифлисе.—„Известия ЦИК СССР и ВЦИК", 7/II, 1925 г.).

II.

Оживление работы советов предотвратит кулацкую опасность.

Указывалось в некоторых беседах со мной на опасность со стороны кулачества. Я меньше, чем кто бы то ни был, склонен недооценивать эту опасность. Но мне кажется, что в этом вопросе делают две ошибки. Первая ошибка заключается в том, что ведь настоящей буржуазии и настоящего кулака, как класса, в деревне в угрожающих размерах еще нет. Мне недавно рассказывали такой случай: один товарищ выступил с сообщением о том, что кулак у них хотел захватить власть в совете; этого товарища спросили, а сколько у этого кулака скота, и тот ответил — две коровы и две лошади. Такой кулак, у которого две коровы и две лошади, нам не страшен ни в какой степени, и нужно стремиться к тому, чтобы все были такими кулаками с 2-мя лошадьми, с 2-мя коровами. Но опасность заключается в другом. Опасность заключается в том, что если кулак, как значительная классовая прослойка, не вырос еще, то условия товарного хозяйства сами по себе представляют собою благоприятную почву для расслоения деревни с кулаком на

одном из его флангов. Против этого необходимо принять предупредительные меры, но ни в коем случае нельзя думать, что в систему этих предупредительных мер входят тот застой, та мертвечина, которые характеризуют сейчас многие наши советы. Для борьбы с кулачеством необходимо как раз оживление в советах, а не мертвечина; необходимо привлечение широкой крестьянской массы к активной работе в советах и через советы; необходимо, чтобы в процессе своей работы, и в первую очередь хозяйственной работы, как основной, она служила порой для борьбы против кулака. Работа, подлинная работа, а не застой, в интересах середняка и бедняка,—это и есть борьба против кулака, ибо середняков и бедняков подавляющее большинство.

Если середняк и бедняк иногда идут за кулаком, то не из-за любви к нему, а из-за того, что часто не находят в совете помощи, встречают там пренебрежение, сухую формалистику, отказ в удовлетворении часто вполне разрешимых силами совета нужд.

Не получая от совета не только помощи, но даже просто внимательного отношения к своим нуждам, встречая бюрократизм, волокиту, иногда граничащую с издевательством, крестьянин идет за помощью, за советом к кулаку, лезет в кабалу к нему.

Такое положение необходимо в корне изменить, бюрократизм, иногда административное самодурство вытравить, и мы этого добьемся через широкое привлечение к деятельности советов широких кре-

стьянских—бедняцких и середняцких—масс. При том курсе, который сейчас нами берется, меньше всего можно видеть опасность со стороны кулака.

III.

Не забывать интересов бедняцких элементов.

Гораздо реальнее другая опасность, и то не настоящая, а возможная в будущем, которая заключается в том, что советы будут обслуживать преимущественно интересы зажиточного середняцкого слоя, будут игнорировать интересы бедняцких элементов. Здесь, понятно, я хочу коснуться одного довольно широко распространенного среди зажиточных крестьян предрассудка. Зажиточный слой крестьянства иногда указывает, что беднота—это лодыри, которые работать не хотят, и поэтому вы зря об этой бедноте заботитесь, они бедны по своей вине, из-за своей лени. Я хотел бы указать, что бедность не всегда бывает от лодырничества и богатство бывает от работы. Если думают, что Савва Морозов своим трудом заработал свои фабрики и заводы, то это—величайшая ошибка. Сколько ни работай, а столько не заработаешь. Если на почве посредничества между городом и деревней, того, что у нас в деревне имеются скупщики и что богатые крестьяне могут давать ссуды беднякам и т. д., может расти кулак; если условия товарного хозяйства создают благоприятную обстановку для роста зажиточного крестьянина, то, с другой стороны, из гражданской войны крестьянство в целом ряде районов вышло с 40—50 проц. безлошадных. И я хотел бы

знать, как крестьянин, не имея лошади и имея только жену, на которой он чуть ли не пашет,—как он может выйти из нищеты. Бедность, огромный процент безлошадных—это результат войны и царской России; безлошадные, которых в отдельных районах насчитывается 40—50 проц., а по 48 губерниям в прошлом году средний процент их определялся 30,6 проц. всех крестьянских дворов,—это не лодыри, а это те, которые от гражданской войны и при помещиках пострадали больше, чем кто-нибудь другой. Задача советской власти—в том, чтобы быть в первую очередь правительством этих бедняков, чтобы им в первую очередь помогать. Этого требует и хозяйственный расчет. Тем, кто хочет стать на ноги, нужно помочь в первую очередь.

(Из доклада на Всесоюзном Учительском с'езде.—„Известия ЦИК СССР и ВЦИК", 16/I, 1925 г.).

М. И. Калинин.

I.

К кулачеству подходят с различных сторон: во-первых, в ряде работ отрицают серьезный рост кулачества — к числу их принадлежит А. П. Смирнов; другие, как т.т. Яковлев, Ларин, бьют тревогу о сильнейшем расслоении деревни, ее пролетаризации и росте кулачества; третьи — всякое антисоветское проявление в деревне считают делом рук кулака. Вообще кулак из экономической категории деревни превратился в политического козла отпущения; где что бы ни стряслось, — гадит кулак. По глубоко укоренившемуся мнению советского аппарата и значительного числа наших товарищей, кулак является первой причиной всех зол в деревне, тем самым, по-моему, он невольно несет уже большую положительную работу: вносит «успокоение» в советское общество, что причины зла и бед найдены, остается найти лишь средство излечения их. В отыскании лечебных средств от кулака у нас серьезно работают, и вне всякого сомнения такие средства общими силами будут найдены. Это движение столь сильно захватило советское общество, что и я, несмотря на инертность своего характера, не

избежал участия и приобщился к столь важной работе.

До сих пор я вместе с А. П. Смирновым стремился от кулацкого слоя оторвать, с нашей точки зрения, трудовую часть кулачества; теперь надо разобрать, что собой представляет кулачество и каковы причины его возникновения и роста. Я вполне согласен с А. П. Смирновым, что надо раз и навсегда отмежевать от кулачества сильное трудовое крестьянство. Оно может быть настроено противосоветски, контр-революционно, оно может иметь кулацкие наклонности, но оно не есть суть кулачества. К нему должен быть подход политического воспитания, переработка в сторонника советского строя. Кулак не то: это — слой, по своей экономической сущности враждебный обществу. Он строит свое благополучие на бедствии, на несчастии своих односельчан, как паук, распуская паутину, чтобы бедняки, попавшие в нее, были обескровлены полностью.

С кулаком мы должны бороться безотносительно к его политическому мировоззрению, ибо род деятельности кулака по самому существу враждебен, непримирим с советским строем, и потому вполне правильно и последовательно он лишается у нас гражданских прав. Надо указать, что наша конституция лишает части гражданских прав ряд категорий советских граждан, как-то: торговцы, служители культа, живущие на доходы с ренты и т. д. Но данные категории граждан не преследуются за свою профессиональную деятельность; их по чисто политическим мотивам лишают избирательных

прав. Кулаки же преследуются за запрещенный род деятельности. Поэтому вполне понятна реплика Владимира Ильича на вопрос, кто же является кулаком: «Чтобы сказать, кулацкое ли данное хозяйство, необходимо знать его историю». Именно надо знать историю хозяйства, каким способом оно наживалось: кулаческим, общепринятым в буржуазных странах присвоением, или трудовым. Конечно, между кулацким и буржуазным присвоением есть много общего, но все-таки их разделяют такие оттенки присвоения, что, например, в советском государстве законодательством допускается капиталистическое присвоение, а кулацкое карается, как уголовное преступление, и, главное, оно особо презирается и ненавидимо народом.

Рост кулачества многими выдвигается, как досадный результат досадного расслоения деревни. Собственно говоря, само-то расслоение потому так и опорочивается, что несет за собой рост кулачества. Но можно ли говорить серьезно о действительном росте производительности в деревне без параллельного роста расслоения. Слов нет, заманчивая мечта, чтобы деревня в своем благосостоянии росла, как деревья в культурном саду по усмотрению садовника. К сожалению общественных садовников, крестьянская Россия по своим размерам значительно больше, чем имеют сил садовники, настолько больше, что общественные садовники вынуждены считаться с капризами крестьянского сада и с 1921 года проводят так называемый нэп. Тот, кто думает о подстриженном росте деревни при данном экономическом, политическом и культурном состоя-

нии СССР, является утопистом чистой воды, ибо у нас еще рабочий класс по заработку, а значит и по материальному положению основательно разнороден.

II.

Расслоение деревни.

Расслоение деревни есть необходимое следствие ее экономического роста. И советская власть всеми имеющимися в ее распоряжении средствами помогает экономическому росту деревни, значит, косвенно, и расслоению. Кто хочет серьезно мешать, затормозить расслоение, должен остановить и рост деревни. Но неужели советская власть сознательно несет расслоение деревни, преднамеренно середняков превращает в маломощных, с одной стороны, и растит кулачество и богатое крестьянство — с другой. Да, действительно, этот процесс происходит, но вместе этот же процесс несет и положительные элементы, которые покрывают отрицательные стороны процесса. Ведь вместе с расслоением растет и общее благополучие, в том числе и бедняка. Статистика, говорящая о 40 процентах безлошадных в 1924 году, неравна, неравноценна такому же числу безлошадных 1921 года. Она тем более неравноценна в советском государстве, где увеличивающаяся производительность теми или другими каналами все-таки дойдет до бедняка. Если говорить по правде, не подделываясь к бедноте, так увеличение производительности в деревне есть един-

ственный способ действительного улучшения положения маломощного. Ясно, что насильственная борьба с расслоением, поскольку она будет тормозить увеличение производительности, экономически вредна и политически бесцельна. Но ведь это ведет к росту кулачества... — скажут. Когда сжигают в топках каменный уголь, от него остается ни на что ненужная в горении, страшно вредная, для хозяйства убыточная зола. Почему, несмотря на зольность, употребляется уголь? Да только потому, что его полезные свойства перевешивают вредные.

Но я ставлю вопрос, действительно ли ведет расслоение к росту действительного кулачества [1]). Обыкновенно формы кулацкого капитала именно пышно расцветают там, где крестьянство мало дифференцировано. Для кулачества, как особого вида накопления, благоприятной почвой является именно слабость товарных отношений. Расслоение же деревни в результате ее экономического роста развивает и товарные отношения, т.-е. большая часть крестьянских продуктов идет на рынок, как товар. В свою очередь и крестьянин большую часть своих предметов потребления берет с рынка. В деревне появляются деньги, уже не в виде редкости, которую можно получить только от кулака, а как нормальное явление. Уже одно то, что деньги появляются в кармане крестьянина не случайно, наносит сильный удар кабально-кулацким отношениям. Но, ко-

[1]) Кулачества в том смысле, как оно трактуется выше.

нечно, расслоение деревни уменьшает однородность крестьянства, разрушает натуральную крестьянскую равнину с небольшим количеством кулаков, борозд я ее по всем направлениям.

III.

Беднота.

Начнем с бедноты: беднота расслоенной, захваченной товарными отношениями деревни не похожа на бедноту натуральной. Беднота в деревне с натуральным хозяйством это — несчастненькие производственные инвалиды. Беднота деревни с капиталистическими отношениями это — наиболее производительная часть деревни: батраки, профессионалы-рабочие (кузнецы, портные), служебный персонал и т. д. А в Центрально-Промышленном районе значительный слой бедноты занят отхожими промыслами. По статистике исчисления их производственного имущества они являются беднотой, а по экономической сущности эта крестьянская беднота переваривается в деревенский пролетариат. Она уже на свой крестьянский инвентарь смотрит, как на страховку на случай безработицы, и обработка земельного надела все больше переходит к женщине, как второстепенная работа. Ибо основными рессурсами к существованию маломощного хозяйства все больше становится заработная плата, а главный товар, с которым выступает на рынок это хозяйство, есть рабочая сила.

IV.

Середняки.

Середняцкая группа, которую стремятся сохранить, законсервировать противники расслоения деревни, имеет также целую гамму имущественных переходов. Она начинается с хозяйства только-что вышедшего из маломощного состояния и оканчивается мощно-трудовым.

Когда говорят, что при расслоении убывают середняки, надо понимать, что убывает именно середняцкая часть, примыкающая к бедноте, и увеличивается мощная часть середняка. Увеличение процента мощных трудовых хозяйств за счет слабых, мне кажется, надо приветствовать, ибо оно служит показателем развития крестьянского хозяйства и производительности в деревне. Многие как бы страшатся развивающейся инициативы в слоях мощного трудового хозяйства, боясь, что вместе с ростом хозяйства соответственно возрастает и буржуазно-кулаческая идеология среди этого слоя крестьянства, а через него и во всем крестьянстве. Мне кажется, эта мысль обосновывается по аналогии старых дореволюционных отношений к крестьянству. Действительно, тогда мощное трудовое крестьянство соприкасалось с буржуазным миром, поставляя капиталистическому хозяйству служебный персонал из своих членов семьи, а через них, как бы в уплату за верную службу капиталистам, получало буржуазную идеологию.

При советском строе мощное трудовое крестьянство своей производительной стороной соприкасается с государственным капиталом, а с идеологической стороны — с советской общественностью и

советским государственным строем, откуда и будет черпать советскую идеологию. Думать, что государственный, советский капитализм менее влиятелен, чем буржуазный, что советская идеология уступает буржуазной в своей привлекательности и что советский строй дает меньшее удовлетворение честолюбивому стремлению подрастающей крестьянской молодежи, — нет основания.

Наоборот, все говорит за то, что идеологическое влияние нашей государственности гораздо сильнее буржуазного. Да так и должно быть, — поэтому и большой опасности в расхождении советского строя с мощным трудовым крестьянством нет.

Наконец, расслоение деревни создает небольшой слой настоящей мелкой буржуазии в лице хозяйчиков, ремесленников, торговцев, кустарей, очень ограниченного числа высоко поставленных товарных хозяйств. Но если мы допускаем частный капитал в городе, заключаем концессионные договоры с полной надеждой использовать их в интересах развития коллективного хозяйства, нет никакого сомнения, что и сельская мелкая буржуазия через государственный кредит, госторговлю и кооперацию будет способствовать росту общественного хозяйства.

Подводя итоги сказанного, я утверждаю, что расслоение деревни не только не мешает росту коллективного хозяйства, а наоборот, увеличивает производительность и товарность в сельском хозяйстве и, следовательно, подготовляет элементы к коллективизму и, как бы это ни казалось парадоксальным, расчищает почву для советской деревни.

(Из статьи „Вопросы работы в деревне—теория и практика борьбы".—„Известия", 22/ш, 1925 г., № 6).

А. П. Смирнов.

I.

О крепком трудовом крестьянстве.

Еще в прошлом году, перед XIII съездом нашей партии, в статье «К вопросу о дифференциации крестьянства» («Правда», № 95, от 25-го апреля 1924 г.) я отмечал, какое огромное значение имеет установление ясной линии нашего отношения к крепкому трудовому крестьянскому хозяйству.

В настоящий момент вопрос о роли среднего крестьянства вообще и нашего отношения к нему уже настолько ясен и настолько отновательно усвоен всеми, что останавливаться на нем не приходится. Но, как и год назад, мы должны еще и еще добиваться установления четкого недвусмысленного отношения к той части середняков, которая представляет из себя более или менее зажиточные слои этой группы, т.-е. к так называемому крепкому хозяйству.

Отмечая в упомянутой выше статье наличие целого ряда точек зрения по этому вопросу, я указывал, что наша политика должна заключаться не в том, чтобы крепкое, здоровое товарное хозяйство тянуть назад, а наоборот, что во всей своей работе

по дальнейшему укреплению и развитию сельского хозяйства все усилия мы должны направлять в сторону подтягивания слабых, отсталых хозяйств к более крепким, передовым, втягивая и те и другие в коллективные формы. Мы вели и будем продолжать вести беспощадную борьбу со всеми проявлениями кулачества, применяющего различные формы эксплуатации и ростовщичества; всякий же здоровый рост, ведущий к усилению товарности хозяйства, его укреплению и развитию, должен в переходный период к коллективным формам хозяйствования нами всецело поддерживаться и поощряться.

Однако, несмотря на то, что эта линия подхода к крепкому хозяйству в настоящее время разделяется рядом товарищей, все же у многих наших работников, и особенно на местах, есть еще склонность рассматривать крепкое, зажиточное, хотя и трудовое, крестьянское хозяйство, как кулацкое

На необходимость весьма осторожного подхода к среднему крестьянину в вопросе о возможности причисления его к кулачеству указывал еще в 1919 г. тов. Ленин. Выступая на VIII съезде партии с отчетом Центрального Комитета, Владимир Ильич говорил: «Мы стояли, стоим и будем стоять в прямой гражданской войне с кулаками. Это неизбежно. Мы видим это на практике. Но сплошь и рядом по неопытности советских работников, по трудности вопроса, удары, которые предназначались для кулаков, падали на среднее крестьянство. Здесь мы погрешили чрезвычайно. Собранный в этом отношении опыт поможет нам сделать все для того, чтобы избежать этого в дальнейшем. Вот задача, которая

стоит перед нами не теоретически, а практически». А в своей речи, произнесенной на том же съезде «О работе в деревне», тов. Ленин говорил: «На практике происходят такие случаи, как рассказывал один товарищ из комиссии: его обступили крестьяне и каждый спрашивал: «определи, середняк я или нет. У меня две лошади и одна корова. У меня 2 коровы и 1 лошадь» и т. д. И вот, этому агитатору, разъезжающему по всем уездам, необходимо обладать таким безошибочным термометром, чтобы можно было поставить его крестьянину и сказать, середняк он, или нет. Для этого надо знать всю историю хозяйства этого крестьянина, отношение к низшим и высшим группам, а знать этого с точностью мы не можем». И, наконец, в резолюции об отношении к среднему крестьянству, принятой VIII съездом партии, тов. Ленин писал: «Смешивать средних крестьян с кулачеством, распространять на них в той или иной степени меры, направленные против кулачества, значит нарушать самым грубым образом не только все декреты советской власти и всю политику, но и все основные принципы коммунизма, указывающие на соглашение пролетариата со средним крестьянством в период решительной борьбы пролетариата за свержение буржуазии, как на одно из условий безболезненного перехода к устранению всякой эксплуатации. Партия должна во что бы то ни стало добиться полной ясности и твердого сознания всеми советскими работниками и деревни той вполне установленной научным социализмом истины, что среднее крестьянство не принадлежит к эксплуататорам, ибо не извлекает прибыли из чу-

жого труда». (Собр. соч. т. XVI, стр. 107, 108, 147, 148 и 158).

Анализируя вопрос о линии поведения по отношению к крепким хозяйствам, находящимся в зажиточной части середняцкой группы, следует прежде всего иметь в виду, что, поскольку в результате Октябрьской революции изменилась основная социально-экономическая база деревни, капитал в крестьянском хозяйстве может накапливаться теперь или в форме денег, поле приложения которых, за уходом земли из оборота, сузилось до мелкой аренды, или уйти в занятие торговлей и посредничеством, или же, наконец, быть вложенным в сел.-хоз. инвентарь.

Именно эта последняя форма приложения накапливающегося в деревне капитала, с точки зрения восстановления сельского хозяйства, должна нас интересовать больше всего.

В то время, как капитал, идущий в торговлю и посредничество по сбыту как сельскохозяйственной, так и особенно растущей кустарной продукции, в виду слабости работы низовой кооперации, может повести в деревне к кулацкому накоплению и поэтому должен нами, как таковой, рассматриваться со всеми отсюда вытекающими последствиями, — накопление в форме инвентаря служит целям производственного укрепления хозяйства, и такое накопление никоим образом не должно рассматриваться, как явление отрицательное; для того, чтобы этот капитал (в форме инвентаря) в условиях трудового хозяйства стал опасен, чтобы он стал служить целям эксплуатации кулацкого типа, — хозяйство

должно перейти за пределы надела. Следует отметить, что капитал в живом или мертвом инвентаре и до революции не заводился специально с целями эксплуатации ростовщического типа, в особенности, поскольку хозяйство не выходило за пределы трудового землепользования.

Количественный и качественный прогресс нашего сельского хозяйства связан, главным образом, не с вопросами труда, избыток которого у нас наблюдается в огромном большинстве районов, но, прежде всего, с вопросом об инвентаре. Все наши планы поднятия сельского хозяйства прежде всего упираются либо в необходимость насыщения крестьянского хозяйства инвентарем, либо в необходимость поднятия его качества (рабочий скот). Целый ряд важнейших вопросов, связанных с недостатком капиталов в крестьянском хозяйстве, стоит поперек дороги планам его рационализации, и решение вопроса о восстановлении маломощных хозяйств в наших советских условиях — это на 90 проц. есть разрешение вопроса о хозяйствах, где есть земля, есть свободный труд, но нет средств производства (скот, семена). Количество безлошадных хозяйств достигает у нас, по данным ЦСУ, по 20 губ. Евр. части РСФСР в 1924 году все же еще 32,4 проц. против 33,9 проц. в 1923 году по тем же губ. Такая же картина наблюдается и с мертвым инвентарем: спрос на инвентарь растет, и деревня предъявляет чрезвычайно повышенное требование на сельскохозяйственный кредит именно при снабжении мертвым инвентарем.

Поэтому, поскольку капитал крестьянского хозяйства, накапливаемый в инвентаре, является производственным капиталом, от которого зависит то или иное будущее нашего сельскохозяйственного производства, а следовательно и укрепление основной базы не только промышленности, но и всего хозяйства Союза вообще, постольку мы должны сделать совершенно определенный и ясный вывод и о нашем отношении к накоплению капитала в крестьянском хозяйстве в форме инвентаря в производственных, а не ростовщических целях, а следовательно и о нашем отношении к крепкому зажиточному, но трудовому крестьянскому хозяйству.

В практической работе советских органов в деревне это крепкое трудовое крестьянское хозяйство, находящееся в зажиточной части середняцкой группы, часто причисляют к кулацким хозяйствам. Это объясняется, прежде всего, тем, что у нас совершенно не установлено ясного понимания того, что скрывается за этим, как будто популярным, выражением «кулачество». В результате были случаи, когда крестьянин с двумя коровами искренно почитался кулаком со всеми по этому пониманию выводами, хотя этот мужик не торговал, никого не нанимал и работал на 5 десятинах своей земли только своей семьей.

До революции вопрос о том, что такое кулак, решался как будто просто.

Это — богатый, гораздо реже — просто «крепкий» крестьянин, имевший, кроме надела, порядочно земли (купчей или арендованной) и инвентаря, нанимавший работника, очень часто приторго-

бывавший и одновременно излишек капитала (преимущественно в форме зерна или денег, а не инвентаря) пускавший в рост за «божеские» проценты или отработки, при которых «божеские» проценты становился уже прямо живодерским. Такого рода кулачек держал часто курс на то, чтобы сделать занятие чисто сельским хозяйством лишь подсобным занятием, а все свое внимание сосредоточивал на спекуляции землей, покупке и продаже, помаленьку прибирая к рукам на этих занятиях, плюс займы за «божеские» проценты, всю крестьянскую округу. Такой тип кулачества — глубоко эксплуататорский тип и, по своей природе, враждебный всякому массовому прогрессу сельского хозяйства, так как прогресс, прежде всего, лишает кулака возможности эксплуатировать.

В современной деревне такой тип крестьянского кулачества, выросшего на основе развивавшейся до Октябрьской революции земельной собственности, исчез с момента национализации земли, и возможность его нарождения на трудовом наделе чрезвычайно затруднена, так как одно только владение капиталом-инвентарем, да еще в измельчавшем хозяйстве, не является прочной базой для широкой эксплуатации.

Такого рода типичная деревенская буржуазия может более или менее прочно сложиться и стать вождем и крепкого трудового крестьянства и даже середняка только в том случае, если мы допустим в какой-либо форме овладение землей со стороны наиболее обеспеченных групп крестьянства, например, если мы предоставим бедноту самой себе, до-

пустив широкое развитие аренды надельной земли.

Но при наличии советской власти всякая возможность такой постановки вопроса абсолютно исключена. Следовательно, у нас трудовое, хотя и крепкое середняцкое хозяйство имеет все шансы остаться трудовым и быть всегда усеченным, если выйдет за эти пределы.

Возможность той или другой эксплуатации маломощных со стороны этого слоя, конечно, есть (так как эксплуатация лежит в самой мелкобуржуазной природе индивидуального крестьянского хозяйства). Такой, хотя и измельчавшей, эксплуатации слишком благоприятствует бедность низших слоев крестьянства, лишенных основного — лошади, при недостатке семян и т. п. нуждах. Но в основе своей, в нашей обстановке, крепкое хозяйство, мало выделяясь над окружающей массой по размеру землепользования, будет оставаться крепким только в силу повышенного размера владения живым и мертвым инвентарем.

Этот повышенный размер владения инвентарем, конечно, неизменно будет отражаться на большем размере посевной площади, большем урожае, большем благосостоянии. Вместе с тем в трудовом крепком крестьянском хозяйстве владение инвентарем даст возможность использовать до пределов труд своей семьи и тем самым получить более высокую его оплату. Есть пара лошадей — можно пахать плугом, лучше обработка — больше урожай и т. д. Таким образом, большее благосостояние крестьянского хозяйства будет результатом не только наличия капитала, но и больших затрат труда.

Но разве это плохо?

Между тем, в нашем распоряжении имеются данные, говорящие о том, что даже на Украине, где средние нормы обеспеченности живым и мертвым инвентарем относительно высоки, там крестьянское хозяйство, имеющее на 9 душ 12 десятин земли, полный инвентарь, коня, 2 коровы, пару волов, свинью и домашнюю птицу, уже считается типичным кулацким (материалы обследования 18 украинских сел в октябре п. г.). В тех же материалах мы читаем, что «средний урожай у кулака, вследствие наличия у него мертвого и живого инвентаря, лучшей и современной обработки полей, обыкновенно в 1½ — 2 раза выше урожая середняка и в 2 — 2½ раза превышает урожайность у незаможника»—вот такое хозяйство причисляют не просто к крепким, а наоборот, к явно кулацким хозяйствам.

Советская власть дала трудовым землепользователям обставленное известными ограничениями право найма рабочей силы. Такое применение наемной рабочей силы, если оно не является длительным, при наличии своих работников при ведении хозяйства не может быть рассматриваемо, как признак кулацкого хозяйства. Временные наймы бывают чаще всего необходимы для производства спешных сезонных с.-х. работ, когда промедление, хотя бы на один день, грозит потерей всего урожая. В таких случаях приходится прибегать к наемной силе не только крепким хозяйством, но сплошь и рядом случается, что бедняцкое и середняцкое крестьянство пользуется наемным трудом своих со-

седей членов семьи даже более крепких хозяйств, и, таким образом, один только факт найма рабочей силы не является единственным определителем того или иного состояния мощности хозяйства...

Такие случаи весьма разнообразны в зависимости от района и бытовых условий. В большинстве же случаев в трудовых хозяйствах к наемной силе приходится прибегать вследствие отсутствия трудоспособных членов семьи, а также когда совпадают в хозяйстве некоторые сезонные работы, как, например, уборка яровых и посев озими и др.

Во всех таких случаях временное применение наемной силы в хозяйстве ни в коем случае не может быть рассматриваемо, как признак кулачества, т. к. сам хозяин, работая по 18 часов в сутки, в то же самое время получает за свой труд в оценке дневной заработной платы относительно менее, чем он платит наемному рабочему [1]).

---

[1]) В виду того, что трудовое хозяйство прибегает к наемному труду в самое горячее время, в разгар сельскохозяйственных работ, оно оплачивает труд наемного рабочего в соответствии с этим в повышенном размере.

Весь годовой доход такого хозяйства, который определяет заработок отдельных работающих членов хозяйства, является результатом затрат труда, главным образом, немногих месяцев с.-х. сезона.

При годовом доходе в среднем на хозяйство (данные за 1923—24 год) в 424.2 рубля для Саратовской губ. и 414.9 руб. для Тверской губ. на одного работника (с переводом полуработников по коэффициенту на взрослых работников), мы имеем: по Саратовской губ. — 108 руб., по Тверской губ. — 115 руб., это на весь год, в то же время трудовое хозяйство, нанимая работника в горячее сезонное время, платит за день: по Тверской губ. — 1 руб. 10 коп., по Саратовской губ.—95 коп., по Ставропольской—1 руб. 20 коп. (данные 1924 года) против поденного заработка работника своей семьи, как мы видим, достигающего в среднем за год лишь 30—32 коп. в день.

Сезонность в с.-х. работе не терпит шаблона, и поэтому нельзя применять здесь отвлеченно нормы кодекса законов о труде без учета всех бытовых и естественно-исторических особенностей. При определении категории хозяйства по признаку применения наемной рабочей силы необходимо сообразоваться с районом и местными бытовыми условиями, и если хозяйство пользуется наемным трудом по причине отсутствия трудоспособных членов семьи или срочности выполнения работы, то оно во всяком случае не может быть отнесено к типу кулацкого хозяйства. Отнесение таких хозяйств к категории кулацких можно рассматривать лишь как отвлеченное теоретизирование со стороны работников, ничего не видящих дальше своих кабинетов и не знающих нашей деревни.

Итак, мы должны в зажиточной части деревни ясно разграничить два типа хозяйств.

Первый тип зажиточного хозяйства — чисторостовщический, занимающийся эксплуатацией маломощных хозяйств не только в процессе производства (батрачество), а, главным образом, путем всякого рода кабальных сделок, путем деревенской мелкой торговли и посредничества всех видов, «дружеского» кредита с «божескими» процентами; хозяйства этой группы не только не заинтересованы в ведении своего сельского хозяйства, но и все свободные средства направляют, главным образом, в указанном, чисто ростовщическом направлении.

Второй тип зажиточного хозяйства—это крепкое трудовое хозяйство, стремящееся максимально укрепить себя в производственном отношении,

вкладывающее свои свободные средства (зачастую получающиеся в результате жесточайшей урезки своих потребительских нужд, доходящих даже до форменного недоедания), главным образом, в живой и мертвый инвентарь хозяйства, улучшенные семена, стремящееся применять при ведении сельского хозяйства все известные ему улучшенные способы обработки и ведущее хозяйство на трудовом наделе (временная аренда в таком хозяйстве, если она имеет место, носит случайный характер).

Наше отношение к этим двум группам крепкого, зажиточного крестьянского хозяйства также должно быть строго определено и разграничено.

С настоящим доподлинным кулаком мы должны, отделив его от всей массы крестьянства, вести беспощадную борьбу: налоговой политикой, путем недопущения кабальных сделок, организацией для маломощных слоев деревни дешевого кредита и т. д.

Наоборот, крепкое, но трудовое крестьянское хозяйство, восстанавливающее живой и мертвый инвентарь, расширяющее посевную площадь в пределах своего хозяйства и трудовой нормы данного района, не занимающееся эксплуатацией, должно пользоваться в рамках общей массовой работы всемерной поддержкой. Всякая легкомысленная травля такого рода хозяйства должна быть решительно прекращена, во-первых, по политическим соображениям, так как в конечном счете она падает на значительную часть чисто середняцких хозяйств, во-вторых, по производственным, ибо она вызывает сокращение как раз в важнейшей области с.-х. производства.

Крайне важно понять, что неверный подход к этой группе создает в деревне панику, которая прежде всего отражается на середняке, создает психологию своего рода производственного пораженчества.

Наоборот, наша задача—создать в деревне производственную психологию, психологию накопления ценностей, а не такую, при которой мужик боится завести лишнюю корову («в кулаки запишут»). Подтверждением этого ненормального положения является хотя бы и такой характерный факт, как обращение ко мне одного из делегатов недавно происходившего совещания по укреплению работы советов при ЦИК СССР с вопросом: может ли он без ущерба для своей репутации низового советского работника купить вторую лошадь, необходимую для ведения собственного хозяйства.

Перед нами стоит задача не борьбы с этим здоровым ростом хозяйства, а, наоборот, задача использования его сбережений в нужном нам направлении.

Эти сбережения крепкого трудового хозяйства мы должны стремиться направить в русло производственной сельскохозяйственной кооперации всех видов. Производственные сельскохозяйственные объединения обеспечат организованный охват крепких хозяйств и вовлечение их в русло коллективного строительства, одновременнно лишая эти крепкие хозяйства возможности и базы для развития чисто эксплуататорских тенденций.

При этих условиях избыток дохода крепкого крестьянина в сравнении с рядовым середняком

пойдет в первую очередь на удовлетворение его возрастающих потребностей в предметах широкого потребления и домашнего обихода, что является совершенно нормальным.

Таким образом, наша политика в этом вопросе должна быть построена не в направлении уничтожения стимулов к поднятию и развитию крепкого трудового хозяйства, а наоборот — содержать в себе все необходимые меры для поощрения производственного роста и повышения товарности крестьянского хозяйства.

Процесс восстановления и развития нашего сельского хозяйства может пойти быстрым темпом только при условии накопления ценностей в крестьянском хозяйстве. Без этого условия, без восстановления до необходимых размеров живого и мертвого инвентаря, ни о каком действительном движении вперед говорить нельзя. Поэтому все наши разговоры и резолюции останутся пустым звуком, если мы не создадим всех предпосылок для необходимого накопления в деревне. Вся наша работа по направлению перестраивающегося по-новому в советских условиях крестьянского хозяйства в русло товарищеских коллективных форм труда должна получить реальную базу в системе сельскохозяйственного кредита. Основой этой системы должна служить низовая кредитная ячейка—с.-х. кредитные товарищества.

Без вовлечения в это русло средств самых широких масс крестьянства, только на государственные средства мы многого не сделаем. И поскольку основной нашей задачей здесь является вовлечение кре-

стьянских сбережений в это кооперативное русло,— особенно важно понять то значение, какое при таком подходе приобретают сбережения крепкого трудового хозяйства, привлекаемые разумной политикой государства в эту систему.

Без правильного подхода к крепкому трудовому хозяйству этой цели нельзя достигнуть, а это значит — затормозить общий подъем широких бедняцко-середняцких масс крестьянства.

В соответствии с таким подходом в общей системе мероприятий Наркомзема по восстановлению сельского хозяйства крепкое трудовое крестьянское хозяйство не изолируется, а втягивается в проводимую земорганами и кооперацией работу; сбережения крепкого трудового хозяйства вовлекаются в общую систему, обслуживающую всю массу бедняцкого и середняцкого крестьянства, и служат делу общего укрепления и развития как сельского, так и всего народного хозяйства в целом.

(„Правда", 3—7/II 1925, № 27).

II.

Еще раз о крепком трудовом крестьянстве.

Выдвинутый всем ходом хозяйственного подъема и развития производительных сил нашей страны вопрос об отношении к происходящему расслоению деревни и, в частности, вопрос об отношении к крепкому трудовому хозяйству продолжает оставаться одним из важнейших вопросов сегодняшнего дня.

Приходится еще и еще раз останавливать внимание всей советской общественности на этом вопросе, от правильного разрешения которого, без преувеличения можно сказать, зависит в значительной мере темп дальнейшего роста и укрепления не только сельского хозяйства Союза, но и всего нашего народного хозяйства в целом.

Выступления в печати и докладах ряда ответственнейших центральных работников, затем в основном целиком подтвержденные постановлением III сессии ЦИК Союза по докладу союзного правительства о внешнем и внутреннем положении (п.п. 13, 14), полностью направлены в сторону такого разрешения вопроса об отношении к трудовому крепкому товарному хозяйству, как это было установлено во всей политике Наркомзема, начиная еще с весны прошлого года (см. «Правда», № 95, от 25 апреля 1924 г. «К вопросу о дифференциации крестьянства»). Эта политика в основном сводится к тому, чтобы поддерживать всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами производственный подъем в деревне, чтобы крепкое трудовое товарное хозяйство не тянуть назад, к разорению, а наоборот, стимулируя его рост и повышение товарности, стремиться подтягивать до этого уровня более слабые, производственно отсталые хозяйства. Проводя эту основную линию нашей политики в деревне, мы в то же время сосредоточивали особое внимание на процессах простейшего кооперирования распыленных крестьянских хозяйств по производственному руслу и строили свой план массовых агрикультурных мероприятий в направлении воздей-

ствия на основную массу трудового крестьянства, вовлекая в производственную работу наравне с середняцко-бедняцкой его частью также и крепкие трудовые хозяйства, находящиеся в зажиточной части середняцкой группы.

В упомянутом мною постановлении III сессии ЦИК, принятом в Тифлисе 4 марта с. г., совершенно определенно говорится: «Видя в развитии крестьянского хозяйства основное условие дальнейших успехов всего социалистического строительства, Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР признает настоятельную необходимость всемерной помощи хозяйственному росту старательного крестьянства и внимательнейшего отношения к его нуждам и запросам» (п. 13). И далее:

«Признавая, что это старательное крестьянство при правильном отношении к нему местных властей должно во всей своей массе сделаться еще более прочной опорой советской власти, Центральный Исполнительный Комитет СССР предлагает местным органам власти наблюдать за тем, чтобы не происходило смешения старательного, культурного и хозяйственно крепнущего крестьянства с кулаком» (п. 14).

Теперь, после того, как мы имеем постановление такого авторитетнейшего органа, как сессия ЦИК, остается только «всерьез и надолго» вплотную подойти к разъяснению этой линии нашей политики среди широких слоев советских работни-

ков и, особенно, работающих в самой толще крестьянства.

Надо прямо сказать, что правильное и твердое усвоение этого «нового курса» не такая простая вещь, и здесь мы должны поставить как следует точки над всеми «и».

Когда в конце декабря прошлого года появилась моя книжка «Наши основные задачи по поднятию и укреплению крестьянского хозяйства» (изд. «Новой Деревни», Москва, 1925 г.), а затем, после того, как в «Правде» была помещена ее первая часть, где ставился достаточно твердо этот вопрос о трудовом старательном хозяйстве, мне пришлось и в разговорах с рядом товарищей, и в корреспонденциях с мест, а также и в ряде кружков, в вузах и на рабфаках в Москве, слышать замечания, сводящиеся в основном к тому, что, мол, такая линия вряд ли себя оправдает, что здесь, якобы, имеется угроза для дальнейшего производственного развития бедняцко-середняцких слоев деревни и, наконец, что такая политика благоприятствования крепкому трудовому хозяйству, якобы, приведет к быстрому росту кулацких хозяйств, которые окончательно закабалят деревенского маломощного хозяина.

Некоторые товарищи представляют себе дело так, что, становясь на изложенную выше точку зрения в отношении крепких, сытых хозяйств, советская власть собирается будто бы бросить на произвол судьбы деревенскую бедноту. Все эти сомнения и опасения совершенно неснователь ны и неверны, это надо усвоить самым серьезным образом.

Вернемся еще раз к вопросу о том, кого у нас до самого последнего времени (а зачастую и по сей день) считали в деревне кулаком, и какие отсюда проистекали—да и сейчас еще не изжиты—последствия.

До самого последнего времени у нас было широко распространено вредное и совершенно неправильное понятие о деревенском «кулаке», по которому под эту позорную кличку подводили зачастую каждое крепкое трудовое хозяйство, выделяющееся из общего уровня благосостояния деревни повышенным размером живого или мертвого инвентаря, или владеющее, скажем, хорошим племенным жеребцом, или обрабатывающее свой надел машинами по указаниям агрономической науки, и потому получающее повышенный урожай по сравнению со своими соседями.

Всякое даже кратковременное пользование в хозяйстве наемным трудом, например, в горячее время уборки урожая — также почиталось признаком кулачества, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Мы видим, таким образом, что укрепился вредный, в корне неправильный, подход ко всякому передовому, культурному, трудовому хозяйству, которое усиленным и упорным трудом, пользуясь указаниями агрономической науки, часто отказывая себе в удовлетворении самых насущных нужд, все свои трудовые сбережения вкладывает в капитал хозяйства в виде живого и мертвого инвентаря, приобретая улучшенный посевной материал, заводя в хозяйстве породистый и потому более доходный скот,

увеличивало свои доходы, укреплялось и тем самым поднималось над общим уровнем современной деревни. А, между тем, как раз, именно такое крепкое, товарное трудовое хозяйство должно быть тем образцом для всей массы крестьянства, на примере которого мы должны основную толщу бедняцко-середняцких хозяйств подтянуть вверх к этой крепкой, сытой, зажиточной группе.

Советская власть в строительстве новой жизни на трудовых началах стремится к тому, чтобы в самом же ближайшем будущем поднять общий культурный и экономический уровень деревни, а это возможно только тогда, когда станет бесспорным и будет закреплено ясное сознание необходимости итти по пути роста сытости и укрепления мощности крестьянского хозяйства.

Итак, мы должны твердо и решительно сказать, что производственный рост крепких трудовых хозяйств должен всячески поддерживаться, и такие хозяйства не только не могут причисляться к кулацким, а наоборот, должны служить примером всему трудовому крестьянству и быть проводниками культурных способов ведения сельского хозяйства. Проводившаяся местами (а таких мест, пожалуй, большинство) легкомысленная травля такого рода хозяйств должна быть решительно прекраще-

на (как я уже писал и раньше): во-первых, по соображениям политическим, так как в конечном счете она падает на значительную часть чисто середняцких хозяйств, а во-вторых, и по соображениям производственным, ибо такая травля крепкого трудового хозяйства создает в деревне панику, создает своего рода производственное пораженчество.

Тут еще надо отметить, что, благодаря огульной травле «кулака», нередко разным проходимцам удавалось сводить личные счеты в деревне, зачастую прикрывая под этим флагом свои злоупотребления. Я считаю, что нужно не только прекратить такую вредную травлю крепкого трудового крестьянства, но и самыми суровыми мерами бороться со всякими стремлениями борьбу с «кулаком» использовать в личных интересах.

Это положение крайне важно очень многим товарищам понять и прочно усвоить.

Ни на минуту нельзя забывать, что на ближайший довольно длительный период, измеряющийся, по крайней мере, 5—10 годами, такое крепкое трудовое товарное хозяйство будет служить основной базой для наших дальнейших успехов в области увеличения сельскохозяйственной продукции, особенно технических и рыночных культур; от степени развития и укрепления таких хозяйств и осо-

бенно от роста их числа будут также зависеть размеры нашего сельскохозяйственного экспорта, а вместе с тем и дальнейшие успехи по расширению рынка для нашей крупной промышленности и, таким образом, укрепление всего народного хозяйства в целом.

Наше сельское хозяйство до сих пор еще находится во власти стихии, и если середняк, попав под хороший урожай, может в один год сделаться крепким, сытым хозяином, то такой случай, как падеж лошади, может сразу сделать его полунищим, так как, кроме инвентаря, у него никаких сбережений нет.

Кроме того, в зависимости от районов, невозможно определение мощности хозяйства по одному шаблону. В Сибири, например, менее чем при 5 лошадях вообще трудно быть даже посредственным хозяином, а в других районах это уже очень крепкое хозяйство. То же можно сказать и в отношении других орудий и средств производства.

Имея в виду эти основные предпосылки, мы должны со всей решительностью подчеркнуть необходимость не только немедленного и полного прекращения всякой травли таких хозяйств, а наоборот,—необходимость создания в деревне производственного сдвига, создания психологии накопления ценностей, когда мужик не стал бы бояться завести лишнюю лошадь или корову, или сложную с.-х. машину («в кулаки запишут»).

С настоящим же, доподлинным кулаком мы должны повести самую решительную борьбу всеми имеющимися в распоряжении советского государства средствами.

Что же такое кулак в деревне? Мы должны прямо сказать, что это, прежде всего, ростовщик, занимающийся эксплуатацией маломощного соседа не только путем эксплуатации его труда, а, главным образом, путем всякого рода кабальных сделок, путем деревенской мелкой торговли, посредничества, «дружеского кредита с «божескими» процентами»—одним словом, это хозяйство, которое ведению своего хозяйства на земле уделяет самое ничтожное внимание, а свои силы и средства направляет, главным образом, для использования бедственного положения своих маломощных соседей в целях их закабаления.

Такое действительно кулацкое хозяйство является глубоко отрицательным явлением в нашей деревне. Оно является ярым противником таких необходимых улучшений в ведении крестьянского хозяйства, как, например, переход к многополью, образование животноводческих союзов для совместного пользования племенными производителями,—вообще противником всего, что ведет к поднятию благополучия широких масс крестьянства, так как этим такое кулацкое хозяйство лишается возможности накопления за счет эксплуатации на почве нищеты и отсталости широких крестьянских масс.

Если обратиться к практике довоенного времени, то мы увидим, что всякого рода попытки перехода к более высоким формам хозяйствования возбуждали против себя прежде всего кулачество. Кулачеству выгоднее было сидеть в общине на трехполке и чересполосице и эксплуатировать всю окружающую крестьянскую массу; эксплуатация давала тем больше барышей, чем беднее и хозяйственно более отсталой была эта масса. Такому кулачеству была выгоднее трехполка и чересполосица, чем многополье в своем хозяйстве.

Кулацкое хозяйство, являясь по своей природе глубоко реакционным экономически, в такой же мере реакционно и политически. Оно неминуемо должно становиться противником рабоче-крестьянской власти, ставящей преграды на пути его эксплуататорских вожделений.

В силу этого мы вели и ведем с ним борьбу «не только рублем, но и дубьем», лишая избирательных прав в советы, не допуская в общественные организации и т. д.

Но когда с настоящим кулаком начинают смешивать крепкое трудовое хозяйство (о котором речь шла выше), применяя по отношению к нему только что перечисленные меры, здесь приходится кричать «караул!» Не говоря уж о том, что крепкое трудовое хозяйство ни по каким советским законам не может быть лишено своих гражданских прав, мы долж-

ны по отношению к такому хозяйству пойти еще дальше и не отталкивать его от советских организаций, а, наоборот, всячески стараться (если оно временами настроено не совсем дружелюбно) переубедить и воспитать его в нашем советском духе.

Установив, что такое трудовое, сытое хозяйство должно послужить базой для дальнейшего продвижения нашего хозяйства по пути своего укрепления и развития, мы должны принять его в свою советскую семью полноправным ее членом.

Может ли такая политика соввласти по отношению и зажиточной части деревни отрицательно влиять на процесс хозяйственного укрепления ее бедняцко-середняцкого слоя?

На этот вопрос следует ответить резко отрицательно. Экономически более слабая бедняцко-середняцкая часть деревни, составляющая еще и сейчас значительный процент всех крестьянских хозяйств, как это было до сих пор, так и в дальнейшем, будет предметом повседневных забот соввласти. Да иначе и быть не может!

Поскольку этот слой, отсталый экономически, является по своему существу более революционным, более близким по своей психологии к основным целям советского строительства, постольку советское госу-

дарство должно и будет свою политику в деле поднятия и рационализации крестьянского хозяйства строить в направлении максимальной поддержки и вовлечения в созидательную работу как раз этого бедняцко-середняцкого большинства деревни.

Основной задачей здесь является такая организация всех видов государственной помощи (которая должна быть максимально увеличена) и экономического регулирования, при которой эта бедняцко-середняцкая масса крестьянства действительно и быстро пошла бы по пути своего производственного укрепления.

И если для дальнейшего укрепления и роста крепких трудовых хозяйств от государства не требуется никаких материальных затрат, а лишь благоприятствующая вообще развитию сельского хозяйства экономическая политика, то в отношении бедняцко-середняцкой части, и особенно для более слабых ее слоев, надо прямо сказать, что материальная помощь советского государства необходима. Больше того, надо определенно установить, что помощь эта должна быть теперь же максимально увеличена, как по линии облегчения, а для некоторых групп и полного или частичного освобождения от уплаты сельхозналога, с одной стороны, так одновременно должны быть приняты все меры к усилению и удешевлению сельхозкредита, — с другой.

Что в наших условиях представляет собой такое маломощное хозяйство?

Это крестьянское хозяйство, располагающее и достаточным земельным наделом (результат общей национализации земли и последующего уравнительного передела), и достаточным количеством рабочих рук, а зачастую даже и избытком свободной рабочей силы, но в то же время это—хозяйство, не имеющее средств производства в виде живого или мертвого инвентаря, семян и т. п.

Перед нами стоит задача: такое хозяйство, располагающее в равной мере с остальными группами крестьянства возможностями приложения труда и капитала, именно вот этим-то, недостающим ему, капиталом снабдить.

Сделать мы это можем легче и быстреее, с наименьшими затратами средств со стороны государства, вовлекая эти хозяйства в производственные объединения всех видов, начиная с самых простейших форм кооперирования труда на земле, оказывая этим объединениям максимально возможный в наших условиях льготный кредит.

Основную свою задачу производственного подъема бедняцко-середняцкой массы крестьянства, а следовательно, и освобождения ее от возможной

эксплуатации ростовщическо-кулацкого типа, мы сможем выполнить, проводя с неослабной настойчивостью и вниманием все мероприятия, так или иначе толкающие эту массу крестьянства к производственному кооперированию. Как я уже писал в своей брошюре (см. выше), для указанной цели необходимо прежде всего единство усилий, направленных на кооперативное строительство как со стороны государственных (главным образом, Наркомзема), так и кооперативных органов, и теснейшее согласование и увязка их планов. Имея в руках государства такое могущественное средство, как кредит, и располагая возможностью соответствующего построения как налоговой, так и общеэкономической политики, — к осуществлению этого плана, завещанного нам Владимиром Ильичем (см. его статьи «О кооперации» от 4—6 января 1923 г.), мы можем подойти вплотную и вполне реально.

Направляя ссудную помощь преимущественно объединениям, а не отдельным хозяйствам, мы будем организовать крестьянство вокруг таких неотложных мероприятий, как, например, племенные товарищества и контрольные союзы, в области животноводства и молочного дела; это в свою очередь вызовет кооперирование процессов по сбыту и переработке продуктов животноводства. Поднятие животноводства повлечет за собой травосеяние, потребность в корнеплодах и т. д. Те же самые процессы будут происходить и в области полеводства: орга-

низация семенных товариществ, опирающихся на сеть государственных семрассадников (госсемкультур), очистка посевного материала, пользование дорогими и сложными уборочными машинами и орудиями при надлежащем построении с.-х. кредита — все это также пойдет по коллективному руслу.

В районах с большими земельными площадями, где особенно остро ощущается недостаток в рабочем скоте, внедрение с помощью льготного государственного кредита таких машин, как трактор, непосредственно влечет за собой образование машинных товариществ и товариществ по совместной обработке земли. Здесь наш кредит, направленный, прежде всего, в сторону кооперирования безлошадных маломощных хозяйств, сразу вызывает к жизни такие объединения, которые, несомненно, будут развиваться дальше по пути коллективизации и других сторон сельскохозяйственного производства, переработки и сбыта своей продукции.

Вот план, по которому должны быть построены наши мероприятия по производственному укреплению бедняцко-середняцкой части крестьянства.

Здесь я хочу еще остановиться на так называемом лодыре. В бедняцкой части деревни мы можем наблюдать некоторый процент хозяйств, которые вполне заслужили эту позорную в деревне кличку — лодыря. Насколько наша современная деревня ненавидит кулака-ростовщика, настолько же с презрением она относится и к лодырю. Старательное трудовое хозяйство и не может иначе относиться к такому «хозяину», который, например,

в самый разгар полевых работ вместо того, чтобы наравне с другими трудиться, отправляется, как говорят, «с удочкой у речки посидеть» или «в лес по грибы». Это такое хозяйство, которое никакой помощью, ни убеждением, ни принуждением нельзя поставить на производственные рельсы. Если такому «хозяину» попадет государственная помощь, в виде ли семссуды или денег, — он употребляет ее куда угодно, только не по прямому назначению, т.-е. не по производственному направлению. С такой «беднотой» соввласти, конечно, не по дороге, и рассчитывать на помощь государства такие хозяйства никоим образом не могут. Мы должны еще раз твердо сказать, что бедняк, который беден потому, что лодырничает или пьет, это не тот бедняк, с которым рука об руку хочет итти коммунистическая партия и советская власть. и, наоборот, тот, кто работает, и хорошо работает, никого не эксплуатирует, тот заслуживает всемерной поддержки.

В начале этой статьи я говорил, что у ряда товарищей возникают сомнения о том направлении, в котором будут развиваться крепкие трудовые хозяйства, и вопрос об использовании трудовых сбережений этих хозяйств. Высказывается мнение, что эти сбережения послужат для эксплуатации маломощных и что тем самым крепкое трудовое хозяйство якобы неизбежно переходит в группу кулацких. На этот вопрос следует твердо и решительно ответить, что выраженные сомнения также неверны.

Крепкое трудовое хозяйство мы не оставляем в стороне от своего организующего влияния. Надо твердо установить, что такое хозяйство мы наравне со всей бедняцко-середняцкой массой крестьянства должны втягивать в русло производственного кооперирования. Более того, надо прямо сказать, что без привлечения этих крепких хозяйств в производственные объединения всех видов дело кооперирования основной массы крестьянства будет чрезвычайно затруднено и замедлено. Вовлечение крепких хозяйств в дело с.-х. кооперирования обеспечит их организованный охват, поможет ближе подтянуть их к руслу коллективного строительства и одновременно лишит эти хозяйства возможности и базы для развития чисто эксплуататорских тенденций.

Временное пользование наемным трудом в таких хозяйствах (многие до сих пор склонны рассматривать это, как признак кулачества) не может считаться явлением отрицательным; наоборот, оно дает маломощному соседу дополнительный подсобный заработок, конечно, если только не имеет типа кабальных отношений.

Вот как ставится вопрос, и только в этом направлении мы и должны строить свою работу.

Я считаю необходимым еще раз повторить то, что я писал в «Правде» по этому вопросу «О крепком трудовом крестьянстве»:

«При этих условиях (при вовлечении крепкого трудового хозяйства в производственную кооперацию) избыток дохода крепкого крестьянина в сравнении с рядовым середняком пойдет в первую очередь на удовлетворение его возрастающих потребностей в предметах широкого потребления и домашнего обихода, что является совершенно нормальным».

Процесс восстановления и развития нашего сельского хозяйства может пойти быстрым темпом только при условии накопления ценностей в крестьянском хозяйстве. Без этого условия, без восстановления до необходимых размеров живого и мертвого инвентаря ни о каком действительном движении вперед говорить нельзя. Поэтому все наши разговоры и резолюции останутся пустым звуком, если мы не создадим всех предпосылок для необходимого накопления в деревне. Вся наша работа по направлению перестраивающегося по-новому в советских условиях крестьянского хозяйства в русло товарищеских коллективных форм труда должна получить реальную базу в системе сельскохозяйственного кредита, основой которой должна служить низовая кредитная ячейка — с.-х. кредитные товарищества.

Без вовлечения в это русло средств самых широких масс крестьянства, только на государственные средства, мы многого не сделаем. И поскольку основной нашей задачей здесь является вовлечение крестьянских сбережений в это кооперативное русло.

особенно важно понять то значение, какое при таком подходе приобретают сбережения крепкого трудового хозяйства, привлекаемые разумной политикой государства в эту систему.

Без правильного подхода к крепкому трудовому хозяйству этой цели нельзя достигнуть, а это значит — затормозить общий подъем широких бедняцко-середняцких масс крестьянства.

В соответствии с таким подходом в общей системе мероприятий Наркомзема по восстановлению сельского хозяйства, крепкое трудовое крестьянское хозяйство не изолируется, а втягивается в проводимую земорганами и кооперацией работу; сбережения крепкого трудового хозяйства вовлекаются в общую систему, обслуживающую всю массу бедняцкого и середняцкого крестьянства, и служат делу общего укрепления и развития как сельского, так и всего народного хозяйства в целом.

К сожалению, до сих пор в нашей прессе, в статьях и заметках о кулаке, товарищи не определяют, что такое кулак, а обрушиваются огульно и беспредметно на всякое крепкое хозяйство, поддерживая тем самым вредное настроение по отношению к крепким трудовым хозяйствам. Надо строго разграничивать — идет ли речь о сытом крепком мужике, или о кулаке-эксплуататоре и ростовщике. Сделать это необходимо теперь же.

(„Правда“ от 6 и 7 апреля 1925 г., №№ 78 и 79).

Н. Осинский.

На тему о кулаке.

На всесоюзном совещании по советскому строительству мне запали в голову три места из трех различных речей. Председатель одного из волисполкомов Курского уезда, рассказывая о расслоении крестьян волости по их зажиточности, сказал: «У нас в волости имеется около 900 «многоскотных» хозяйств; так их у нас называют, хотя скота у них головы по три; называют таких хозяев также и кулаками. Я их кулаками не считаю, потому что какой же это кулак, если у него три головы скота на хозяйство. Это, конечно, не кулак, а просто крестьянин, у которого хозяйство в порядке. Но называют их и кулаками».

Другой товарищ, из Звенигородского уезда, рассказал интересный факт из жизни одной волости, как 2—3 местных крестьянина, потолковее и п о з а ж и т о ч н е е, помогли основать в деревне народный дом и избу-читальню, и задал вопрос: «надо ли принимать такую помощь от таких кулаков»?

Третий товарищ, предволисполкома, из Муромского уезда, Нижегородской губернии, на этот вопрос ответил и ответил отрицательно. «Нечего внушать нам тут, — говорил он (говорил п р и б л и-

зительно так, излагаю по памяти), — благодушное отношение к кулакам. Эти толковые и зажиточные мужички — кулаки настоящие. Они народный дом основали, они избу-читальню устроили. Но если бы мог вернуться в Россию генерал Деникин — они бы вышли ему навстречу и сказали бы: «Вот что мы вам приготовили, т.-е. этот народный дом и эту читальню».

Очень характерны все эти три выступления. И характерны они по робости заявлений первых двух и по административной решительности третьего. Первые два только сомневаются: а не следует ли не подвергать опале, — и что еще смелее — принимать содействие от крестьян, выделяющихся из общего, — скажем это отчетливо, — пауперизованного войной и революцией уровня крестьянской массы. Третий это решительно отрицает: он взывает к бдительности по отношению к подымающимся выше среднего уровня. Это — кулаки. А что означает приложение такой клички — ясно. Кулак есть «социально-вредный элемент», это раз, политический враг советской власти — два. Недаром же сразу появляется на сцену и генерал Деникин.

Когда на исходе зимы 1921 г. был введен в жизнь новый курс экономической политики, то очень быстро, уже летом, пришлось (на апрельской, кажется, партийной конференции) ясно и отчетливо установить, что нэп — это «всерьез и надолго». Многие на местах, и притом в самом низу, не хотели брать этого всерьез. Написано было в декретах — свобода торговли сел.-хоз. продуктами, свободное распоряжение излишками крестьянского хозяйства,

но решительные администраторы полагали: нет, это так написано «для политики»; а на деле это и не всерьез и не надолго; статочное ли дело: «свободное распоряжение своими излишками». Да, ведь, этого же требовал кулак; да на этом выиграет кулак; да от этого радуется кулак. Нет, напрасно он радуется.

Уже в те времена разъяснилось и еще одно: надо различать между кулаком и старательным хозяином. Кто таков кулак? Кулак есть тот крестьянин, который эксплуатирует путем найма или путем ростовщичества чужую рабочую силу; который накопляет за счет другого — также и на торговой спекуляции. Но кто поднимает свою индивидуальную, единоличную зажиточность собственным трудом, других не эксплуатируя, накопляя свое, а не чужое — тот не кулак, тот старательный хозяин, и такого хозяина надо приветствовать.

Даже в этом чудилась огромная ересь. Во-первых, как это коммунисты-большевики могут приветствовать единоличных хозяев, мелких буржуа, накопляющих для себя, а не на пользу общую? Во-вторых, где грань между «старательным» и кулаком? Этот «старательный» «без эксплуатации своего соседа» подняться-то подымется, но вот когда он подымется — тут ему дорога в кулаки и открыта: он по этой дорожке непроизвольно и покатится. В-третьих, вы приветствуете старательного хозяина, но тем самым вы бросаете бедноту. Как бы она ни старалась, а без наличия средств она никак на ноги не станет. Если вы при-

ветствуете подымающихся из общего уровня, то вы тем самым оставляете на произвол судьбы низшие слои этого общего уровня. А ведь беднота сделала революцию в деревне. А ведь в ней опора против кулаков, и пр.

В сущности вся эта психология так и осталась до сих пор. И вопрос стоит так: надо и здесь сказать и незыблемо внедрить в головы — нечто вроде «всерьез и надолго». Это пора сделать, ибо без этого крепкого, реального подъема сельского хозяйства быть не может. Предволисполкома из Курского уезда лишь робким штрихом очертил нечто, о чем рассказы слышатся со всех сторон. Повсеместно крестьяне заявляют, что заводить лишних лошадей и коров они не хотят, потому что, если заведешь лишнее против соседа, значит — ты к у л а к. А это означает известное к тебе отношение в вопросах налоговых, хозяйственных и политических. Какое отношение — это понятно.

Надо здесь заметить, что в такой постановке вопроса — и это очень существенно понять — повинны отнюдь не только пережитки военного коммунизма или органическая нелюбовь низового коммуниста к нэпу и индивидуальному накоплению. В такой постановке вопроса во многом сказывается к р е с т ь я н с к а я п с и х о л о г и я. Эта психология двоякая. С одной стороны, мужик без свободного рынка при своем качестве мелкого единоличного хозяина не обойдется. Посему он протестовал и будет протестовать против стеснений его в смысле рынка твердыми ценами, разверстками, хлебной монополией и т. п. Тут у крестьянина «нэповская»

психология. А с другой стороны, сам крестьянин очень боится всякого, кто хочет подняться из общего уровня. Опять-таки тут не просто пережитки общинного порядка, а боязнь того, что такой человек этот «общий уровень» сейчас же и начнет эксплуатировать. «Поравнительная» тенденция—это совсем не пролетарская психология, а отчетливая мелко-буржуазная психология. Мелкому хозяину свойственно, с одной стороны (если только у него есть какие-либо шансы), горячо желать самому подняться над общим уровнем, но в то же время, с другой стороны, ему свойственно горячо желать, чтобы другой не влез ему на плечи. И так как «общий уровень» составляет большинство, то и естественно, что поравнительная тенденция преобладает. При общем объединении, при сильном все же политическом влиянии беднейших элементов деревни, при частичном совпадении их психологии с психолгией низового коммуниста получается весьма устойчивая поравнительная тенденция.

Никакого сомнения нет, что крестьянин, выделяющийся из общего уровня своей более высокой развитостью и хозяйственностью, легко превращается в кулака. В товарном хозяйстве его к этому прямо-таки увлекает стихия. Кто поумнее и побогаче — очень легко тому стать совсем богатым за счет эксплуатации слабейших. А продавать и покупать, брать и давать в долг приходится почти каждому крестьянину. И нанимать соседа в отдельных случаях тоже приходится огромному количеству. Направить свой ум и свою хозяй-

ственную деловитость на то, чтобы поднять всех односельчан при помощи кооперации — для этого во многих случаях нужно еще иметь буквально самоотвержение, необходимый характер (конкурренты-кулаки и даже масса несознательных крестьян сейчас же пустят в ход сплетни, обвинение в хищениях, в желании поживиться за мирской счет и пр.), редкую настойчивость. И потому уж, по крайней мере, половина на половину людей умных и хозяйственных идут в обе стороны: в сторону обогащения за чужой счет и в сторону работы на общую пользу.

Правильно отчасти поэтому подозрительное отношение рядового крестьянина к «выскочкам». Но вот беда-то в том, что без твердого закрепления во всей нашей практике возможности отдельному хозяину улучшать отдельное свое благосостояние даже с выделением из общего уровня никакого глубокого подъема сельского хозяйства быть не может. Введение свободного распоряжения излишками только пустило в ход движение сельского хозяйства, его кругооборот. Дабы этот кругооборот был расширяющимся, дабы крестьянин не только воспроизводил, но и накоплял, неизбежно, чтобы стало свободным также и единоличное накопление. Ибо так же, как стимул для производства в мелком хозяйстве является свободное пользование излишком, так же стимулом для накопления во всей массе деревенских хозяйств является свободное пользование плодами этого накопления.

Единолично накопляющий может превратиться в кулака. Отлично. Так будем бороться с действительным кулаком, т.-е. с тем, кто уже начал эксплуатировать других производственным порядком, ростовщичеством или спекулятивным посредничеством. Когда он станет кулаком,—ладно. Но пока он им не стал — оставьте его в покое. Есть ли у него одна, две или три лошади (а ведь в степном районе без трех и более лошадей никак и не обойдешься, если употреблять настоящие орудия), есть ли у него одна, две или три коровы, продает ли он выгодно свой хлеб или свое молоко и обзаводится избой получше, а в избе мебелью, одевает жену и дочерей пофасонистей,— оставьте его в покое, если и пока он не стал мироедом. Между этими двумя вещами — большая дистанция. И на этой дистанции лежит— ни много ни мало — подъем сельского хозяйства в Советской России.

Между прочим, при рассуждениях о судьбах сельского хозяйства у нас совершенно не считаются с разницей в районах и системах хозяйства. Мелкий капиталист (социально-политическая кличка «кулак») в центральном (не степном районе) России есть фигура отрицательная; концентрации производства, поднятия производительности труда он фактически не создает. В районе степного низового земледелия получается совсем другая картина: здесь мелкий капиталист, каковым надо именовать крестьянина с большим наделом в десятки десятин, с большим количеством лошадей, с собственными машинами и с наемными рабочими в период

уборки урожая — здесь такой крестьянин ведет более крупное хозяйство, с большей производительностью труда, с большей товарностью. Поскольку здесь мы не можем организовать производительных артелей батраков и поскольку наделы еще не разбиты по мелочам — здесь стоит вопрос о том, чтобы такому «кулаку» не мешать производительно работать (ибо и сам он при этом работает). Надо здесь защищать от его эксплуатации его батраков и его соседей. Но здесь может стоять вопрос о том, чтобы на него не давить: этого также требует подъем производительных сил.

Но все-ж таки, после происшедшей аграрной революции, повсеместного раздробления наделов и хозяйств, — главным вопросом является вопрос о подъеме массового середняка. И что нам безусловно необходимо — так это точное установление политики свободы накопления для середняка, поскольку он не превращается в мироеда.

Если нужен ответ на вопрос, поставленный выше; «как же это коммунист может приветствовать единоличных хозяев, накопляющих для себя, а не на пользу общую», то он гласит так. Коммунист, во-первых, должен понимать, что без соглашения рабочих и крестьян ни политически, ни экономически нового порядка не удержишь. Этого соглашения без понимания своего партнера, без предоставления ему тех условий, которые вытекают из его социальной природы, быть не может. Любителям немедленного осуществления коммунистических принципов в сельском хозяйстве надо выбирать: либо крах всяких коммунистических принци-

пов при «разделении на ся» рабоче-крестьянского единого фронта, либо общественная, культурная борьба за эти принципы путем пропаганды и строительства. Во-вторых, поскольку хороший коммунист убежден, что при отсутствии у нас засилья крупного капитала, при наличии советской власти, при господстве пролетариата над всеми культурными рычагами он путем пропаганды и строительства сможет направить использование плодов накопления в русло общей пользы, — постольку он может приветствовать накопляющих эти плоды. Ибо — увы! — организовать их использование «по-хорошему», убедить в необходимости этого крестьянство — трудно, но еще потруднее — эти плоды накопить, в этом начало всех премудростей, исходная точка более совершенного общественного устройства и для более высокой культуры.

Бедноту мы отнюдь не бросаем, поскольку даем возможность единоличного накопления середняку. Бедноту мы должны, во-первых, охранять от эксплуатации — и это также «всерьез» и по-настоящему. Во-вторых, поскольку речь идет о сохранении за нею собственного хозяйства, мы можем и должны помогать ей организовываться в производительные товарищества и обеспечивать ее участие в других видах кооперации, требуя (как условие предоставления государством кредита кооперативам) предоставления ей доли в тех средствах и возможностях, которые кооперация дает крестьянству.

То, что написано выше, приблизительно совпа-

дает с мыслями, изложенными на том же всероссийском совещании тт. Рыковым и Калининым [1]). Эти мысли необходимо конкретизировать с полной

---

[1]) В одном пункте с тов. Рыковым не приходится согласиться. Для того, чтобы заострить свое выступление против слишком рьяных администраторов, тов. Рыков произвел нападение на относящуюся к эпохе военного коммунизма идею планового засева. Он объявил ее „высшим достижением бюрократического извращения и административного перебарщивания", при чем сказал, что это было „проектом Наркозема", в котором „определялось, сколько и чего должен засеять каждый крестьянский двор". Тов. Рыков забыл, что плановый засев был принят постановлением 8 съезда советов, и что это постановление было разработано под ближайшим руководством тов. Ленина. В нем отнюдь не определялось, сколько и чего должен засеять крестьянский двор (план доходил только до селений). Проводиться план должен был через крестьянские комитеты в селениях. Категорически было разъяснено одновременно с введением нэпа, что никакой принудительности в этих планах нет и что они являются ориентировочными цифрами для работы земорганов. В исторической перспективе надо признать, что дело тут было вовсе не в бюрократическом извращении или в административном перебарщивании. В условиях старого курса экономической политики, при отсутствии рынка, это было единственное мыслимое средство к поднятию сельского хозяйства. Надо было либо менять весь курс, либо итти на госуд. контроль сел. хоз. Тов. Рыкову, может быть, неизвестно, что в Англии в 1917—21 гг. существовали посевные планы, исполнительные комитеты с принудительными полномочиями в каждом графстве и т. п. Аналогичные условия (упадок сел. хоз., отсутствие вольного рынка) вызвали анологичные меры. В 1918 г. посевные планы появились и в С.-Ш. По существу наш закон 1920 г. является мерой военного регулирования хозяйства, как и многое, что обычно относится за счет военного коммунизма. Надо еще отметить, что именно в этом законе впервые появилось „индивидуалистическое" понятие старательного хозяина и премирование таких хозяев за старательность. По существу этот закон—поиски пути для выхода из кризиса, создавшегося в старом русле. Вообще, обосновывая нэп, нет никакой надобности огульно бранить военный коммунизм, как это у нас часто делается. Надо понимать историческую и экономическую закономерность того и другого.

точностью, перевести их на язык категорических партийных директив и ясных административных распоряжений (если не декретов) и добиться проведения их в жизнь с твердостью и неуклонностью.

Так же, как новая экономическая политика в основном своем разрезе была, наконец, усвоена и воспринята повсеместно, так же должна быть усвоена и воспринята повсеместно и эта линия в ее схеме, линия основная, без которой новая экономическая политика не даст полных плодов. В этом нет даже никакого шага вперед в области нэпа, никакой новейшей экономической политики, которую несколько раз объявляли разные товарищи в разных смыслах. Это одна из основных линий, надолго заторможенная поравнительной тенденцией послереволюционной деревни, которая так же, наконец, должна получить полное осуществление.

(«Правда», апрель 1925 г.).

Ю. Ларин.

О деревенском НЭП'е и линии партии.

За последнее время длинный ряд товарищей (статья А. П. Смирнова, Осинского, Квиринга и др. в «Правде», речи Калинина и т. д.) вновь и вновь возвращается к вопросу о «зажиточных». Если не в жизни, то на страницах печати во всяком случае происходит своего рода «признание де юре» зажиточного домохозяина, как законной разновидности советской деревни. Особенно энергично подчеркиваются две мысли: 1) зажиточный крестьянин—это еще не формальный кулак: 2) следовательно, он имеет право на спокойное существование и на дальнейшее совершенствование своего хозяйства.

В основе этой логической цепи лежит молчаливое допущение невозможности и недопустимости существования в деревне буржуазно-предпринимательского (кулацкого) хозяйства. Между тем, экономическое развитие в условиях свободного рыночного товарно-денежного хозяйства выдвигает в деревне слои, значительно превосходящие середняка своей зажиточностью. А потому видящим это товарищам, понимающим неизбежность такого явления при данных условиях и не решающимся или не умеющим

в то же время ясно определить свое отношение к нему в неприкрашенной, незамаскированной форме,—приходится только бродить кругом и около вопроса. Экономический анализ заменяется рассуждениями о нравственных качествах «зажиточного», нужные обобщения не делаются, начинаются клятвы и самоуговаривания в отсутствии кулацких (т.-е. буржуазно-эксплуататорских) черт, доходящие иногда до смешного. Например, в «Правде» т. Квиринг серьезно уверял, что зажиточный крестьянин, нанимающий десять сезонных рабочих, должен считаться отнюдь не кулаком, а середняком. Так католические попы в постные дни, желая полакомиться мясом, крестили и называли его рыбой.

Да ничего и не остается, как объявлять середняком этакую «рыбку» с десятью наемными рабочими, если желать сочетать видимость непризнания буржуазно-предпринимательского хозяйства в деревне с фактом его несомненного существования и роста. Подобно этому другой автор, тов. Смирнов, выставил в печати не менее неудачное положение: тот крестьянин, который хотя и нанимает рабочих, но аккуратно платит им установленную плату, не должен считаться эксплуататором. Такими рассуждениями можно обратить в совершенно неэксплуататорскую «рыбку» любого американского фабриканта (если он аккуратно платит установленную зарплату), хотя бы он имел десять тысяч постоянных, а не только квиринговских десять сезонных рабочих.

Попытки связать идейные концы с концами фак-

тической жизни без четкого классового экономического подхода неизбежно, даже при лучших намерениях — превращаются в несолидное полуобывательское «обеление» верхушечных элементов. Между тем, нам нужно не это и не борьба с ветряными мельницами, «отрицающая» на бумаге (как отрицает наш земельный кодекс) существование в земледелии буржуазно-предпринимательского хозяйства с наемными рабочими и предпринимательской арендой земли. Нам нужен такой подход к несомненной наличчности в сельском хозяйстве растущих буржуазно-предпринимательских отношений, который наиболее облегчал бы защиту интересов пролетариата и полупролетарской бедноты при этой наличности, который облегчал бы улучшение положения эксплуатируемых масс и накопление социалистических элементов хозяйства, а не отделывался бы не особенно членораздельным лепетом о «невинном» характере «зажиточных», имеющих «десять сезонных рабочих». Это и будет реальный учет партией действительного существования нэпа в деревне.

Факт наличия и неизбежности при нэпе известного роста предпринимательского крестьянского хозяйства ясен. Отрицание его нашими законами вредит не кулаку, а бедняку. В центре внимания должно быть поставлено не «обеление» верхушечных элементов, а укрепление политических и экономических по-

зиций батрацкого и полубатрацкого хозяйства. Не перекрещивать на бумаге «мясо» в «рыбу»,—Ленин учил нас не этому,—Ленин учил нас прямо смотреть на вещи, а вместо этого, открыто признавая мясо мясом, на деле направить хозяйственную и политическую помощь государства деревне по линии поддержки именно батрацких и полубатрацких элементов, явных и замаскированных.

Если у нас в сельском хозяйстве полтора миллиона явных батраков, то скрытых, замаскированных у нас во много раз больше. Безлошадных крестьян в СССР свыше 40 проц. всего количества дворов (по военно-конской переписи 1924 г., см. «Бюллетень ЦСУ», № 89, стр. 26). Такие безлошадники якобы «нанимают» себе для вспашки более зажиточных с лошадьми или только их лошадей и за одно это платят обычно половину урожая, а иногда и больше. Потом отдельно еще платят «пятый сноп» и т. д. за привоз с поля на двор. В итоге юридическое отношение (по нашему земельному кодексу) совершенно оторвано от действительного экономического отношения. По ком бьет эта оторванность?

Юридически наш безлошадный—самостоятельный хозяин, нанимающий лошадь у более благополучного соседа и уплачивающий сельхозналог за всю свою землю, как пользующийся ею за свой счет. Экономически же, т.-е. на деле, здесь не бедняк арендовал лошадь у кулака, а кулак арендовал землю у бедняка и превратил его в сво-

его батрака на условиях гораздо худших, чем какие имеют место при открытом выступлении батрака—батраком, а нанимателя—нанимателем. Зажиточный получает большую часть урожая (за вспашку и привоз), но имеет следующие преимущества перед случаем открытых батрацких отношений:

1) зажиточный дает только часть средств производства (лошадь), а не все (т.-е. перелагает аммортизацию бороны, сохи и проч. на рабочего) и иногда не дает даже таких материалов, как семена;

2) сельхозналог за землю платит рабочий, ибо официально зажиточный не числится ее арендатором;

3) свою зарплату рабочий получает не деньгами, а натурой—в виде части урожая, при чем на него перелагается риск не получить ничего, если будет неурожай (тогда как явному батраку зажиточный обязан оплатить его полугодовой сезонный наемный труд), и на него же перелагается риск понижения цен;

4) рабочий подвергается дополнительной эксплуатации при реализации своей заработной платы, так как должен сначала продать натуру скупщику (и быть нагретым на этом).

Площадь такой «замаскированной» аренды далеко превышает площадь аренды легальной, а количество «замаскированных» батрацких семей исчисляется миллионами (впрочем, как показала

анкета ЦСУ, и явная аренда, вопреки кодексу, уже довольно распространена). Беднота нуждается теперь в праве на открытое применение своего батрацкого труда гораздо более, чем в сохранении показной вывески в наших кодексах о несуществующей на деле в сельском хозяйстве уравнительности. Одни разговоры о невинном характере «зажиточных» (отображающие жизнь в довольно кривом зеркале) без освобождения бедноты от юридических пут, связывающих ее в использовании своего труда и отведенной ей земли,—это означает выполнение задачи защиты интересов бедноты—выражаясь словами тов. Бухарина—«под углом зрения не борьбы с капиталом, а укрепления капитала» (пункт 17 тезисов т. Бухарина по крестьянскому вопросу, одобренных делегацией РКП и внесенных от нашей партии в Коминтерн. См. «Правду» от 1 апреля 1925 года).

Само собой, что тезисы нашей партии для Коминтерна не являются только экспортным товаром, но определяют и нашу внутреннюю линию. Под борьбой с капиталом надо разуметь не юридическое «запрещение» предпринимателю быть предпринимателем, не запрещение крупному крестьянину нанимать рабочих и т. п. Теперь уже и широкая бедняцкая масса видит, что от таких юридических запрещений ничего, кроме невыгоды для бедняка же, не выходит, и что они остаются при данном положении на бумаге. Действительная, а не бумажная борьба с предпринимательской эксплуатацией в сельском хозяйстве заключается при данных условиях (т.-е. в обстановке нэпа) не в ее замал-

чивании или замаскирования, а в мерах, идущих по трем направлениям.

Во-первых, бороться не с открытым существованием батрацких и арендных отношений, а с приданием им кабального характера. Для этого необходимо их вывести наружу и подвергнуть контролю. Необходимы соответственным образом построенные новые законы о наемном труде в сельском хозяйстве, о создании действительной с.-х. инспекции труда, об охране интересов мелкого сдатчика земли, о признании «найма» лошадей и т. п. также вызывающим необходимость охраны интересов бедноты и проч. Все это назрело и назревает чем дальше, тем больше.

Во-вторых, надо подрывать почву под кулацким господством над беднотой гораздо более твердым, чем до сих пор, направлением государственного кредита, именно на коллективизацию бедняцкого хозяйства. Это, вместе с тем, могущественное средство борьбы с относительной избыточностью деревенского населения (так как ведет к гораздо более полному и более интенсивному использованию отведенной бедноте площади). С.-х. кооперация (сбытовая и проч.) обслуживает у нас преимущественно середняцкую и верхушечную половину деревни. Бедняцкая половина может найти выход только в коллективизации (колхозы—производственная кооперация). Накопление этим путем предпосылок для социалистической перестройки земледелия облегчит затем и переход к ней середняцких масс, идущих значительно более кружным и медленным путем—путем организации сбытовых и т. п. сельско-хозяйственных кооперативов.

В-третьих, необходимо укрепление общественных и политических позиций батрака и полубатрака, явного и скрытого, всей безлошадной бедноты, составляющей свыше 40 проц. деревни, колхозников, всего маломощного большинства сельского населения. Задача дружбы с середняками—весьма почтенная и необходимая, но она не должна вызывать недооценки и замазывания вопроса о низах. Не должно быть противопоставляемо одно другому. В каждой волости в среднем по СССР есть около 150 батраков и около 150 колхозников. Надо добиться, чтобы в каждом сельсовете, в каждом волисполкоме среди их членов обязательно было бы по колхознику и батраку. У нас имеются выдвиженцы-середняки—должны войти вверх и выдвиженцы-батраки, до ЦИК и до Наркомзема включительно.

Усиление общественно-политических позиций бедняцкой половины деревни, деятельная помощь ей в коллективизации ее хозяйства, снятие юридических пут с возможности приложения батрацкого труда, контроль над отсутствием кабального характера в батрацких и арендных отношениях, выделенных наружу, и наряду со всем этим—и не иначе, как на почве всего этого—твердый курс на союз бедняцкой половины с середняцкой массой против экономического порабощения верхушкой вместо смешного отрицания эксплуататорской роли этой верхушки или «запрещения» в кодексе эксплуататорского хозяйства, (т.-е. закрывания глаз на то, что на деле в деревне существует)—вот правильный путь.

(«Правда», 8/IV—25 г. № 80).

Ю. Ларин.

Товарищи, самое интересное в тех прениях, которые здесь были и утром, и в вечернем заседании, заключается в том, что высказывавшиеся товарищи почти не говорили о том самом главном, о том самом основном, что было в докладе тов. Рыкова, потому что докладом т. Рыкова знаменуется крупнейший, важнейший шаг, который мы делаем с 1921 г. Как в 1921 г. мы об'явили новую экономическую политику для города, так теперь, в 1925 г., мы впервые открыто признаем развитие нэповских отношений в деревне, в деревенском производстве. Это было шагом совершенно необходимым, это было шагом, вызывавшимся требованиями жизни, ибо давление ее на нас в эту сторону сказывалось и в недовольстве деревенской бедноты. Крестьянин в замаскированной форме принужден был сдавать в аренду свою землю более богатому на плохих условиях, ибо не имел у нас юридической защиты для легальной аренды. Батрак часто закабалялся в кабальные отношения, так как не имел достаточной юридической защиты для легального найма, ибо мы батрацкий труд признавали только как подсобный, случайный, временный, и потому в жизни применялись формы прикрытые.

И вот теперь, когда мы делаем этот поворот в нашей деревенской политике, ораторы конференции

постановку этого важного вопроса в докладе т. Рыкова недостаточно выдвинули на первый план. Я полагаю, что такого рода умалчивание об основном, что было в его докладе, об'ясняется полным согласием всех выступавших товарищей с признанием того поворота, который мы теперь делаем. В виду этого я не буду защищать то, что предлагал тов. Рыков, так как он достаточно это защитил, а я остановлюсь только на тех отклонениях от предложенной им правильной линии, которые способны были бы сбивать ее с правильного осуществления и с наличностью которых нужно считаться.

Дело в том, что платформа, которую защищал здесь т. Рыков, подверглась в нашей печати за несколько дней до ее опубликования критике с двух сторон.

Резолюцию тов. Рыкова я всецело защищаю вместе с теми товарищами, которые вместе со мной работали в журнале «На Аграрном Фронте» и в других местах, где мы защищали эти взгляды. А эти два критических подхода к ней могут быть охарактеризованы: один — как некоторого рода «верхушечный» уклон, как назвал его тов. Бухарин в своей речи, недавно опубликованной в «Правде», которую он сказал в театре, — уклон, который связывается с именем тов. Калинина и тов. Смирнова и на котором я еще остановлюсь; а другая критика — это некоторое, так сказать, «буферное» примечание, которое к резолюции тов. Рыкова делает сам тов. Бухарин. В виду того, что позиция тов. Калинина и Смирнова уже, так-сказать, дезавуирована самим докладом ЦК, в котором тов. Рыков сказал, что он

должен признать, что прав был, пожалуй, Ларин, который назвал в «Правде» точку зрения т.т. Калинина и Смирнова точкой зрения католических попов, которые мясо в постные дни перекрещивали в рыбу, — в виду того, что они таким образом отмежеваны в этом отношении от этой резолюции, я подробно на них останавливаться не буду. Я сосредоточу свое внимание на товарище Бухарине. Но должен только сказать в защиту т.т. Калинина и Смирнова, что, во-первых, не нужно их позицию брать как нечто монолитное, и, во-вторых, не надо думать, что они за верхушку и против принятия мер в пользу бедноты. Ничего подобного. Речь идет об оценке расслоения деревни и о характере деревенской верхушки. В одних и тех же произведениях и в разных их статьях вы можете найти разные точки зрения на этот предмет. Так, вы найдете утверждение, что в деревне расслоения нет, что в деревне происходит нивелировка, как это было указано в брошюре тов. Смирнова «Наши основные задачи», на которую ссылается тов. Калинин, заявляющий, что согласен с тов. Смирновым. Вы можете встретить затем и утверждение, что в деревне происходит значительное расслоение и отпочкование на одной стороне буржуазии, а на другой стороне — батрацких элементов, — как говорится в тезисах, подписанных и тов. Калининым и опубликованных в «Правде» несколько дней назад (по поводу сел.-хоз. кредита). Такого рода разнообразие взглядов на один и тот же предмет можно об'яснить различно. Тов. Калинин на-днях в своей речи против меня, напечатанной в «Известиях» от 15-го апреля, объ-

яснил это тем, что сейчас происходит развитие вперед нашей теории. Основал нашу теорию Маркс, дальше развивал ее Ленин. Теперь происходит борьба узкого консерватора Ларина и ему подобных, которые выражают общепринятые взгляды, с теми товарищами, которые развивают эту теорию дальше. Этот новый развиватель теории, по его заявлению, есть тов. Смирнов, который создал теорию зажиточного крестьянства, зажиточного крестьянства, чуждого эксплуататорских моментов, — теорию, по которой эксплуататором не является тот, кто аккуратно платит в установленный срок условленную заработную плату (смех). Это открытие и является, якобы, дальнейшим развитием старой нашей теории, а тов. Калинин является при тов. Смирнове своего рода Энгельсом (смех). Я считаю нужным на этом остановиться в виду того, что подобного рода подход к делу, когда товарищи подписывают хорошие резолюции, а в то же самое время развивают не согласующиеся с ними теории, — этот подход, который по-научному, конечно, может быть назван словом «эклектика», что в переводе на русский язык означает «путаница» (смех), — этот подход вносит фактически в наши ряды большую путаницу. И если мы с вами слышали тут речь тов. Позерна о, якобы, блестящих результатах, как, по его словам, «поднялся престиж советской власти», при перевыборах на Северном Кавказе. — на этой речи я еще остановлюсь, — это было, между прочим, одним из отзвуков той неправильной ориентировки, которую давали выступления тов. Калинина, который замазывал расслоение, существующее в деревне, за-

крывал перед партией то, что она открыто должна признать происходящий в деревне экономический процесс, наличие образования там буржуазии и должна бросить свою тяжесть на весы бедноты и батраков не путем глупых в условиях НЭП'а запрещений наемного труда и аренды, а путем усиления экономической помощи и политических позиций середняка, бедняка и батрака. Никто другой лучше не охарактеризовал значение этой позиции, как сам т. Калинин, который в «Известиях» от 15-го апреля пишет, что тов. Смирнов «сознательно перегибает линию нашей партии, и в этом я с ним согласен. Если пройдет из его статьи одна десятая часть, то будет достигнута значительная польза». Сам т. Калинин признает, таким образом, что 90% в его позиции—это запрос (смех), и на 10% он согласен помириться. Я думаю, что для дальнейшего нашего партийного развития после резолюции, внесенной ЦК на конференцию по докладу тов. Рыкова, позицию «верхушечного» уклона, — позицию об'явления буржуазных верхов деревни середняками, можно считать ликвидированной. И для того, чтобы вы в этом не сомневались, я приведу только два-три предсказания, которые делает тов. Смирнов в брошюре «Наши основные задачи», выпущенной в 1925 году; сравните их с той резолюцией, которую мы с вами теперь примем, и которую предлагает нам Центральный Комитет.

...В чем заключается та поправка, то дополнение тов. Бухарина, которое в своей речи он делает к напечатанной резолюции и которого в этой резолюции нет. Тов. Бухарин говорит, что действительно надо

признать то, что в деревне есть. Это верно. В этом он согласен с нами. Надо, говорит он далее, направить помощь партии середняку, бедняку и батраку. Это тоже верно. Он признает, что середняк придет к социализму через сбытовую и т. п. кооперацию, и что на-ряду с этим безлошадный, у которого нечего сбывать, нуждается в том, чтобы сначала ему купили лошадь, т.-е. в колхозной кооперации, а потом уж в сбытовой. Все это у него правильно. Но сверх того он вводит два таких, если можно так выразиться, примечания.

Во-первых, он высказывается против обострения классовой борьбы в деревне. Он предвидит, что это обострение происходит, но говорит: я не за него. Что это обозначает? Я утверждаю, что в тот момент, когда мы признаем в деревенском производстве экономический НЭП, совершенно было бы неправильно вести в то же время линию на притупление классовой борьбы в деревне. Открывая возможность экономическому развитию верхушечных элементов, притуплять в то же время политическую борьбу против этих элементов низовых слоев деревни значило бы создавать чрезмерный перевес верхам.

Эта точка зрения совершенно противоречит резолюции ЦК, — вы слышали доклад тов. Рыкова, как он призывал к мобилизации бедняков и середняков против влияния кулаков в кооперации и предлагал установить закон, по которому кулаки не могут быть в правлении кооператива, — это все обострение, а не смягчение классовой борьбы. Когда мы теперь провозгласили такой лозунг, как оживление советов, то это есть не что иное, как оживление

классовой борьбы, потому что в хозяйственно расслоившейся деревне оживление политической деятельности означает оживление столкновений между отдельными слоями деревни. И та пассивность, которая имелась до сих пор, об'ясняется прежде всего тем, что экономическое расслоение в деревне было, хотя мы его не признавали и политическую борьбу там не развивали надлежащим темпом, низов не мобилизовали. Если повести эту линию дальше, то мы будем иметь то же, что мы имели на Кубани на последних перевыборах, по речи тов. Позерна. Процент комсомольцев в сельсоветах с 71½% уменьшился до 1%, рабочих — с 20% до 7%. Красноармейцы, составлявшие большинство, составляют теперь только одну четверть. Крестьян или «иногородних», как их там называют, что по кубанскому состоянию соответствует нашим середнякам, стало меньше вдвое, коммунистов стало меньше втрое, при чем, по авторитетному сообщению т. Позерна, и эти прошли не как представители партии, а как отдельные личности, в силу своих достоинств.

Кто же получил большинство? В «Правде» напечатана телеграмма об оффициальном докладе т. Землячки, где сказано, что большинство получили казаки в возрасте от 40 до 60 лет. Это «старички» казацкие, отчасти лишенные в 1918 году избирательных прав, и вообще представители более зажиточного слоя. Что это показывает? Разве там нет бедноты, элемента, на который мы можем опираться? Там масса батрачества, есть деревни, где сотни батраков. Разве там нет середняцких элементов? Есть «иногородние», т.-е. крестьяне: это обычно серед-

няцкие элементы Кубани, стоящие в оппозиции к казачьей верхушке. Но товарищи северо-кавказцы, очевидно, не мобилизовали их в достаточной мере, не «внесли обострения классовой борьбы в деревню». Тов. Позерн заявляет в своей речи, что так как мы — меньшинство в деревне, то и должны рассматривать себя, как «фракцию» (вместо руководства). Но мы — меньшинство и в городском пролетариате, а сумели вести городской пролетариат за собой. Мы — меньшинство и в деревенских низах, но от нас зависит повести за собою деревенские низы или нет — от нашей политики. И когда т. Позерн говорит про эти выборы, что это рост «престижа Советской власти» у местного казачьего населения, то я позволю себе не согласиться с тов. Позерном. Не радоваться нужно такому росту престижа, а это такой урок областному комитету, за который ему нужно пороть себя, а не говорить на партийной конференции устами тов. Позерна, что престиж поднялся путем таких итогов выборов. Но такое положение — это есть, ведь, практическое предвосхищение того «буферного» примечания тов. Бухарина, что не надо обострять классовой борьбы в деревне. Тогда низы остаются немобилизованными, — и кубанский результат налицо. Потому у нас две трети служащих в деревенской партийной организации, а не крестьян, что мы классовую борьбу в деревне недооценивали, что мы к ней несколько более сдержанно относились, чем следовало. Политические партии и их организации растут только на почве развертывания политической борьбы. Это особенно относится к нашей организации в деревне. Чтобы взять коренной

низовой сельский элемент в партию, надо более его в ней заинтересовать. И смысл моего выступления заключается в том, чтобы сказать, что то признание деревенского НЭП'а, которое мы теперь делаем, отнюдь не заключается только в том, что признанием деревенского НЭП'а мы развязываем руки верхушечной буржуазии, — и кончено. Это признание не означает прекращение или ослабление борьбы против кулачества, наоборот, оно означает продолжение и усиление этой борьбы только другими методами. более соответствующими действительной сути нынешних деревенских отношений. Нужно не запрещать аренду на бумаге, когда она явно и скрыто существует в жизни, а нужно оградить интересы того крестьянина, который принужден сдавать свою землю в аренду. Нужно не об'являть батраческий труд, якобы, не существующим, а нужно дать защиту батракам, — первый шаг сделан на-днях законом, который, конечно, является еще совершенно недостаточным, зародышем, — но дело сдвинуто. Одним словом, рецепт, который нужен, заключается в том, чтобы признание нэповского экономического развития деревни соединять с усилием общественной политической борьбы против деревенской буржуазии. Вот что нужно, а не соединение признания этого развития деревни с притуплением классовой борьбы. Признавая НЭП в деревне, мы ставим целью одновременно усиливать в ней и социалистические предпосылки (до колхозов включительно). Когда мы поворачиваемся лицом к деревне, — чьим лицом поворачиваемся. Пролетарским, лицом нашей партии, партии пролетариата. Этот поворот, поворот т а

кого лица, вызывает сильнейшее обострение борьбы в деревне, вызывает, например, обратный поток к нам тысяч селькоров, о котором говорил тов. Молотов. О чем могут писать селькоры, какие селькоры нам пишут? Не такие, которые станут писать: счастливое событие, — кулак об'егорил батраков, закабалил бедняцких крестьян и т. д. Корреспонденции в таком тоне «Правда» не напечатает Нам пишет такой селькор, который скажет, что кулак эксплуатирует рабочих, соседних крестьян и т. п., и что это нехорошо. Наш поворот лицом к деревне вызывает обратный ток к нам из деревни социально созвучных с нами же элементов. Они несут к нам свои жалобы, они ищут поддержки против своих буржуазных верхов. И это вызывает напор на них со стороны кулаков. Кулаки не могут писать пером в наших газетах, они пишут кровью селькоров в деревне. Это их способ «оживления общественной деятельности». Необходимое нам оживление советов может быть достигнуто лишь как оживление на почве дальнейшего развития политической классовой борьбы в деревне.

Тов. Бухарин делает далее второе замечание. Он требует от нас признания, что мы никогда, т.-е. ни через 15, ни через 20 лет, не конфискуем, не экспроприируем кулаков, полупомещиков, буржуазные верхи, которые начинают в деревне образовываться и образуются, у которых насчитывается 4—5—10 и более рабочих. Можем ли мы питать такую уверенность? Быть может, лет через 15—20 и создадутся такие условия, что даже кулаку безнадежно, невыгодно будет вести свое хозяйство, если бы ему и по-

зволили. Может быть, кулак, глядя на нашу технику и пр., превратится в кулацкого Манилова, который добровольно откажется от своего отдельного кулацкого хозяйства и принесет его на алтарь социалистического отечества. Если так будет, то и я не отказываюсь от своего пая в этой кулацкой жертве. Но можно ли дать присягу, что через 15—20 лет мы никоим образом не экспроприируем кулаков в деревне. Такую присягу дать мы можем так же мало, как мы можем дать ее и частному капиталисту в городе. Мы разрешили фабриканту иметь фабрику, но и мы, и он великолепно знаем, что со временем будет социалистический строй до конца, и мы его фабрику конфискуем. Если он нам тогда добром отдаст фабрику, — это хорошо; если не отдаст, — издадим декрет, — и кончено, и для этого не надо будет делать никакой «второй революции», как изображает тов. Бухарин. Он обвиняет, повидимому, меня, Милютина, Крицмана и других в том, что мы такой адский замысел затеяли. Сначала мы решили «перенэпить» Калинина. Он только покрыл верхушки, говоря, что верхушка — тоже хорошие люди, тоже середняки своего рода. А мы заявляем: хотя они — эксплуататоры, но мы открыто признаем, что у нас есть в дервне эксплуататоры и могут пока существовать, потому что нам выгоднее. чтобы существовали открыто, а не замаскированно, — на этом мы сорганизуем бедноту, подымем хозяйство, легче ограничим кабальные моменты. А затем, лет через 15 — 20, мы конфискуем, экспроприируем крупные частные хозяйства, когда придет для этого время. И действительно, через 15 — 20 лет мы

конфискуем, если добром не отдадут, потому что что же нам тогда еще останется делать, — но второй революции (как предполагает тов. Бухарин) для этого делать не придется. Достаточно будет для этого одного декрета, потому что власть наша настолько прочна и еще прочнее будет, что такими страхами, как вторая революция для устранения кулаков, т. Бухарин может нас не пугать. Ведь, весь этот процесс развивается при диктатуре пролетариата и при все большем укреплении хозяйственной мощи централизованного пролетарского хозяйства. Никаких «вторых революций» в нашей стране нам больше не понадобится.

Таким образом, конечный вывод, который я делаю, заключается в том, что поворот, который мы сейчас совершаем, который заключается, во-первых, в признании существующего экономического положения в деревне, во-вторых, в ориентировке в рамках и обстановке этого признания на усиление низовых элементов — батрацких, бедняцких, середняцких и на нарастание перерастающих эти рамки социалистических элементов в этом хозяйстве, — для середняков путем сбытовой кооперации, для безлошадных путем колхозной кооперации, — весь этот поворот, который естественным образом связывается с обострением политической борьбы в деревне, никоим образом не должен сопровождаться такого рода буферными оговорками, которые означали бы, что мы сделаем отрицательную часть работы, т.-е. оффициально откроем дорогу НЭП'у в деревне, но воздержимся от приобретения на этом политического капитала, т.-е. от развития политической борьбы внутри

деревни. Это было бы величайшей политической ошибкой.

Второй вывод заключается в том, что предложенная ЦК резолюция должна положить конец всей путанице, мешанине и новым теоретическим открытиям по части замазывания буржуазного характера верхушечных элементов деревни. Эта резолюция должна положить конец колебаниям в этом отношении, ибо она говорит, что те буржуазные элементы, которые в деревне существуют, мы не замазываем, мы не об'являем их середняками для того, чтобы они могли существовать, — они будут существовать как буржуазные, но мы, во-первых, на экономической почве будем бороться против них, организуя кооперацию, колхозы и батраков, и, во-вторых, организуем и политически деревенские низы и середняцкие элементы против них и извлечем таким образом и политический капитал из того положения, какое создалось.

(Речь на XIV конференции РКП (б).

А. Рыков.

...Товарищи, нет никакой нужды в том, чтобы точка зрения и резолюция Центрального Комитета, изложенные здесь мной, истолковывались и дополнялись тов. Лариным. Во-первых, потому, что мы это можем сделать без его помощи, во-вторых, потому, что тов. Ларин, под видом защиты революции, нападал на нее. Позвольте начать поэтому с возражений тов. Ларину. Ларинское толкование сводится к тому, чтобы «улучшить» резолюцию обещанием через 10 или 15 лет экспроприировать или реквизировать все накопленное с.-х. буржуазией и предложением вызвать немедленное обострение классовой борьбы в деревне. Тов. Ларин думает, что при помощи такого толкования резолюции можно действительно развязать НЭП в деревне. Я думаю, что если бы нужно было найти оратора для произнесения речи о том, как нужно ухудшить положение в деревне, то едва ли можно было бы выбрать лучшего, чем тов. Ларин (голоса: «правильно!»). Если стремиться к максимально-быстрому развитию производительных сил сельского хозяйства, производя существенные изменения в положении современной деревни, и обещать при этом реквизицию через 10 лет по отношению к сельскохозяйственной буржуазии, то не только тов. Ларин, но и вообще ни-

кто не будет накоплять в деревне. Делать такого рода дополнения и раз'яснения — значит аннулировать фактически всю политику Центрального Комитета в этом вопросе. Тов. Бухарин, высказываясь в защиту этого предложения и против толкования тов. Ларина, был совершенно прав. Взойдя на эту трибуну, т. Ларин произнес речь, уместную, может быть, задолго до Октябрьской революции. Он, очевидно, полагает, что в классовые отношения и в классовую борьбу между различными слоями деревни существование диктатуры рабочего класса никаких изменений не внесло и все развитие деревни при советской власти пойдет по тем же путям и теми же методами, что и при Столыпине. Я думаю, что тов. Ларин совсем некстати повторил в 1925 году речь, которую говорил в революционных кружках дореволюционного времени. Наличие политической власти в руках рабочего класса делает иными и положение батраков, бедняков и середняков, и методы защиты ими своих интересов. Этой принципиальной разницы тов. Ларин не замечает. Таким ларинским методом форсировать развитие производительных сил деревни невозможно; так мы с мертвой точки в хозяйственной жизни деревни не сдвинемся. Все своеобразие теперешнего положения деревни характеризуется как-раз тем, что хозяйственному под'ему деревни противоречит практика отношений к растущей с.-х. буржуазии. Это противоречие чувствует каждый и зачастую пытается обойти его совершенно «особенным» толкованием кулака. В этом отношении интересно выступление тов. Голощекина, говорившего здесь, что он считает кулаком такого че-

ловека, которого нужно давить, тогда как весь вопрос состоит в том, чтобы административными мерами не давить. В своем докладе, доказывая необходимость теперь более свободного отношения к деревне, я подчеркнул вместе с тем возможность и необходимость для нас направления всех происходящих в деревне хозяйственных процессов, в том числе и процессов, происходящих в верхушечном слое деревни, по нашему, советскому, руслу. Тов. Ленин в отношении использования частно-хозяйственного начала для целей социалистического строительства шел еще дальше. Вот что писал он в брошюре «О продналоге»: «Кто достигнет в этой области (т.-е. в области оживления оборота земледелия и промышленности *А. Р.)* больших результатов, хотя бы путем частно-хозяйственного капитализма, хотя бы даже без кооперации, без прямого превращения этого капитализма в государственный капитализм, тот больше пользы принесет делу всероссийского социалистического строительства, чем тот, кто будет «думать» о чистоте коммунизма, писать регламенты, правила, инструкции государственному капитализму и кооперации, но практически оборота не двигать».

Вот эта последняя фраза написана специально по адресу т. Голощекина и по адресу тов. Ларина, желающего все предвидеть на 10—15 лет вперед. У Владимира Ильича подход к использованию частного капитала гораздо более свободный, чем в нашей резолюции. Тов. Ленин далее продолжает: «Это может показаться парадоксом: «частно-хозяйственный капитализм в роли пособника социализму». Но

это нисколько не парадокс, а экономически совершенно неоспоримый факт. Раз налицо мелко-крестьянская страна с особенно разоренным транспортом, выходящая из войны и блокады, руководимая политически пролетариатом, который в своих руках держит транспорт и крупную промышленность, то из этих посылок совершенно неизбежно вытекает первостепенное значение в данный момент местного оборота, во-первых, и возможность оказать содействие социализму через частно-хозяйственный капитализм. Я думаю, что приведенной цитатой недоразумение с тов. Лариным можно ликвидировать.

В резолюции, предлагающейся вашему вниманию, многих деталей не предусматривается, например, в отношении расширения аренды земли, сроков, условий и т. п., то же и в отношении условий найма рабочей силы в сельском хозяйстве. Все эти вопросы подлежат дальнейшей детальной разработке, здесь же следует принять только общие директивы. Во всем остальном тов. Ларин, кажется, правильно характеризовал мое предложение относительно введения в деревне действительно экономической политики, изживания методов военного коммунизма и вместе с тем ликвидации в определении категории кулака и зажиточного. Нам необходимо твердо усвоить и осуществить такую же тактику в отношении деревенской буржуазии, — независимо от того, велика ли она количественно, — что и в городе, где мы устанавливаем условия, при которых частный капитал работает легально, который мы облагаем налогами, но который преступным ни в коем случае, ни с какой стороны не является.

И если тов. Голощекин предлагает установить, до каких пор надо давить кулаков...

Голощекин (с места). Это не я говорю, а деревенские коммунисты.

Рыков. Да, деревенские коммунисты, которых вы обучаете относительно того, что кулака нужно всякими способами и по всякому случаю давить, что должен быть поставлен предел накоплению. Поэтому-то я и возражаю против предложения тов. Голощекина и говорю, что, во-первых, неправильно «давить» во что бы то ни стало и «зажимать», а во-вторых, смысл резолюции нашей заключается в устранении административных препон к накоплению. Вот что должно быть об'явлено каждому. Те методы по отношению к частному капиталу, которые практикуются в городе, должны быть перенесены в деревню, и там должна быть установлена законность. В отношении контроля и регулирования буржуазных процессов и использования их мы в настоящий момент имеем в десятки раз больше экономических и политических возможностей, чем было в то время, когда писал Владимир Ильич об использовании капитализма, — когда не работал транспорт, когда не было банков, когда продукция промышленности неуклонно падала. Если будут приняты решительные меры к укреплению и развитию кооперации, то восстанавливающаяся деревня, в конце-концов, войдет в общую систему всего советско-хозяйственного строительства, и мы сумеем использовать и средства, отлагающиеся в растущем слое новой буржуазии.

(Заключительное слово на XIV конференции Р.К.П. (б.).

В. М. Молотов.

Об отношении к кулачеству.

За последне время особенно много внимания уделяют вопросу о кулаке. Вокруг этого вопроса у нас в настоящее время накопилась масса разноголосицы.

Отметим некоторые попытки дать определение «кулака». Например, определили, что кулак это тот, который эксплуатирует наемный труд, а не-кулак тот, кто не эксплуатирует чужого труда. Но это явно неправильное определение. Оно и слишком широко, так как не каждый нанимающий рабочего, напр., во время сезона, является кулаком; даже значительная часть мелких крестьян нанимает временно рабочую силу в рабочую пору. Это особенно хорошо доказал т. Ленин еще в 1912—13 г.г. в своих статьях по аграрному вопросу [1]) на примерах Германии, Австрии и Швейцарии. Это определение «кулака» вместе с тем далеко недостаточно, так как оно не охватывает всех групп кулачества, которые налицо имеются и которые не охватываются определением «кулака», как эксплуатирующего наемный труд. Таким образом, это определение явно негодно. Негодно также определение «кулака», как ростовщика в деревне, — а давалось и такое определение. У нас не только через ростовщичество, но и через торговлю и через разнообразные формы эксплуата-

---

[1]) Ленин, собрание сочинений, т. IX.

ции бедноты, в виде ли наемного труда или другими приемами эксплуатации, создаются кулаки. И надо сказать, что нередко гораздо правильнее определяет кулака какой-нибудь пишущий в «Бедноте» крестьянин, чем иной наш даже весьма квалифицированный литератор. Нам не столько, однако, нужно гоняться за определением «кулака», сколько за тем, чтобы дать правильное определение, кого из крестьян ни в коем случае не должно относить к кулаку. Дать отрицательное определение по отношению к кулаку более легко, а, главное, оно будет более гибко, чем положительное определение разнообразных и для разных районов неодинаковых видов кулачества.

В определении кулака необходимо, конечно, стремиться к большей ясности. И в тех решениях, которые партия должна по этому вопросу дать, нужно обратить особенное внимание на большую чуткость к середняку и на недопустимость причисления к кулакам середняка и старательного культурного крестьянина, по отношению к которым партия ведет линию поддержки их хозяйственного развития.

С точки зрения экономической мы делаем теперь большой шаг вперед навстречу мелкому товаропроизводителю деревни, гораздо больший, чем когда бы то ни было за эти годы революции. Если в 1919 г. Лениным был поставлен, — и партия признала это правильным, — вопрос о середняке [1]), то в настоящих условиях нам приходится ставить вопрос не только о середняке, но и о кулаке. Если общая линия, ко-

[1]) Собр. соч. т. XVI, 158 стр.

торая проводится в моем докладе и которая находит себе отражение в практических предложениях резолюции, правильна, то она заключается в том, что мы вовлекаем деревню больше, чем раньше, в товарооборот, мы развертываем рыночные отношения в самой деревне и между деревней и городом, мы предоставляем тем самым большую свободу развития капиталистических отношений в деревне. Это так и надо прямо сказать. Мало сказать, надо наметить определенные практические меры в эту сторону.

Следует особо поставить вопрос: как быть с кулаком? Что же такое кулачество? Это — богатое крестьянство, которое либо постоянно нанимает рабочую силу, либо занимается ростовщичеством, либо торговлей и т. п. Зажиточный крестьянин, накапливающий капитал и использующий это накопление для эксплуатации труда батрака или бедняка, этим показывает, что он норовит быть кулаком. Слой кулаков — это такой слой, который, ведь, не является для нас новостью. Об этом написано много раз в наших резолюциях, в частности у Ленина и вообще во всей основной марксистской литературе. Такого определения кулака только и может придерживаться наша партия. Приведу отрывок из статьи Ленина в XVI томе, являющейся ответом на письмо одного крестьянина. Здесь говорится об основных социальных прослойках в деревне: первая группа — беднота, вторая группа — те богатые крестьяне, которые угнетают чужой труд, либо нанимая работников, либо давая деньги в рост и т. п. Вот это и есть, по мнению Ленина, кулаки. Разве это для нас но-

вость? А вот второе определение Ленина, — на VIII съезде, где, отвечая на вопрос, что такое середняк, он говорит: «На практике происходят такие случаи, — как рассказывал один товарищ в комиссии (на VIII партийном съезде). Его обступили крестьяне, и каждый спрашивал: «Определи, — середняк я или нет: у меня две лошади и одна корова, у меня две коровы и одна лошадь» и т. д. И вот, этому агитатору, разъезжающему по всем уездам, необходимо обладать таким безошибочным термометром, чтобы можно поставить его крестьянину и сказать, середняк он или нет. Для этого надо знать всю историю хозяйства этого крестьянина, отношение его к низшим и высшим группам, — а знать это с точностью мы не можем».

Кратко же говоря, кулаки это — капиталистические элементы деревни. Это — богатые крестьяне, которые либо постоянно нанимают рабочую силу с целью получения капиталистической прибыли, либо занимаются ростовщичеством, либо наживаются на торговле, на крупных заготовках и т. п. Тут мало нового. Но все дело в том, что при теперешнем развитии, при теперешней нашей политике на допущение рыночных отношений мы будем в известной мере допускать развитие даже кулака.

Об опасностях и трудностях этого развития мы должны помнить, и поэтому экономической борьбы против кулачества мы не прекращаем. Тут непримиримого противоречия нет. А с нэпманами разве мы не боремся? В начале нэпа некоторым казалось, что, если допускается нэп, то нельзя будет бороться против нэпманов. Ничего подобного не получилось

ведь. Мы боремся против нэпманов, только не административными, а экономическими мерами. То же самое в деревне. Допускаем развитие крепкого хозяйства, допускаем накопление в сельском хозяйстве, допускаем, по крайней мере на ближайший период, укрепление капиталистических элементов деревни, т.-е. кулачества. Правда, оно, это укрепление, пойдет очень медленно, и сейчас оно не опасно для советской власти. Но мы не можем прекратить борьбы против кулацких элементов, а лишь поведем ее иными методами, иными способами. Борьба с кулацкой экономикой будет вестись не раскулачиванием, не трестами, не штрафами, а соответствующими мерами налоговой политики, политикой землеустройства, работой кооперации, которая в этом деле сыграет громаднейшую роль, и т. п.

При проведении на практике линии по отношению к деревне нужно считаться с тем, что, допуская кулачество, мы будем бороться против кабальных сделок, против преступной эксплуатации бедноты и не только административными мерами и судами, но и мерами общей экономической политики и, в первую очередь, мерами регулирования цен на продукты сельского хозяйства, которые сбываются рабочим и деревенской бедноте более зажиточными крестьянами и кулаками. Такую борьбу мы не можем прекратить, пока мы хотим стоять твердо и до конца за интересы пролетарского государства. Вот то, что надо было сказать об отношении к кулачеству.

(Из доклада на плевуме Ц. К. Р. К. П. 23/IV, 1925 г. „Правда"—9/V, 1925 г.).

I.

Развязывание оборота в деревне.

Поскольку западно-европейское капиталистическое хозяйство восстанавливается, перед нами встает, как решающая проблема, задача усиления темпа хозяйственного оборота и накопления. Мы знаем, что нашей базой является крупная промышленность. Мы точно также знаем, что наша промышленность не может развиваться, не имея опоры в крестьянском хозяйстве. Если имеются еще у некоторых рабочих и у некотрых членов нашей партии такие цеховые настроения: — какое, мол, мне дело до деревни? — то их надо во что бы то ни стало изжить. Надо твердо понять, что наша промышленность зависит от крестьянского рынка.

Крестьянство предъявляет двоякого рода спрос на промышленные товары: спрос на продукты потребления, на мануфактуру, ситец и т. д. и спрос на средства производства — на сел.-хоз. орудия и т. д. От чего зависит спрос на предметы потребления? От чего зависит, скажем, количество мануфактуры, которое покупает на рынке крестьянин? Это количество зависит от уровня хозяйственной мощи крестьянского хозяйства. Спрос определяется теми средствами, которыми крестьянин располагает

для того, чтобы заплатить за товары, определяется состоянием крестьянского хозяйства, развитием производительных сил этого хозяйства. Следовательно, потребительский спрос развивается только постольку, поскольку развивается и спрос производительный, т.-е. постольку, поскольку крестьянин улучшает свое хозяйство. Если он применяет большее количество лучших орудий, повышается его хозяйственная техника, методы обработки, а, следовательно, повышается и его хозяйственный уровень. А для того, чтобы улучшалась техника, необходимо, чтобы в крестьянском хозяйстве происходил процесс накопления, чтобы не все проедалось и растрачивалось, а чтобы часть шла на покупку сельскохозяйственных орудий и т. п.

При такой постановке вопроса мы сталкиваемся с явлением, которое нужно основательно взвесить и продумать. Здесь, мне кажется, один из центральных пунктов всех стоящих перед нами проблем.

В деревне у нас до сих пор сохранились отношения, существовавшие в период военного коммунизма. Зажиточная верхушка крестьянства—кулак и отчасти середняк—боится сейчас накоплять. Эта боязнь имеет известные основания, так как наша практика в деревне до сих пор такова, что ежели крестьянин хочет поставить железную крышу, то его назавтра об'явят кулаком и, следовательно, ему — крышка. Если крестьянин машину покупает, то так, чтобы «коммунисты не увидели». Дело технического улучшения сельского хозяйства обставляется какой-то конспирацией.

Если мы возьмем различные прослойки в деревне, то увидим, что кулак недоволен тем, что мы ему мешаем накоплять. С другой стороны, беднота иногда ворчит на нас за то, что мы мешаем ей наниматься в батраки к этому самому кулаку. Мы ведем как будто пролетарскую политику, нажимая на кулака и, до известной степени, на зажиточного. Но получается, что из-за этого нажима беднота тоже ворчит. Беднота говорит: очень хорошо, что вы нажимаете на зажиточных, но тогда примите меня на фабрику, а если нельзя принять на фабрику, то поместите меня еще куда-нибудь, — не могу же я одни декреты пролетарские глотать.

И вот, товарищи, эта боязнь накопления отражает неправильность экономической стратегии, проводимой в деревне. Мы проводим административный нажим на кулака, и середняк боится улучшать свое хозяйство, потому что рискует быть зачисленным в кулаки и попасть под этот самый нажим. А бедняк, который не имеет лошади и не имеет орудий производства, который сидит на земле, недоволен тем, что мы мешаем ему «кормиться» около кулака.

Суть дела в том, что та линия, которая на практике проводится, не соответствует данным классовым отношениям, сложившимся в деревне. Проведение этой линии приводит к обострению так называемого скрытого перенаселения в деревне.

Мы также ведем очень нажимистую политику по отношению к мелкой буржуазии другого порядка — к кустарям, ремесленникам. Мы берем с них почти

половину их продукции в виде налогового обложения. Когда наша промышленность была еще очень слаба, некоторые товарищи боялись, что мелкий производитель нас слопает, и мы основательно на этого мелкого производителя нажали. В результате получилось следующее: в деревне мы имеем множество людей, нигде не работающих. Мы наблюдаем избыточное перенаселение среди кустарей. И вот, это избыточное, скрытое и открытое, перенаселение, скрытая безработица в деревне страшно давит и на город, затрудняет борьбу с городской безработицей.

Если бы мы, например, объявили, что завтра в Москве начинаются работы по постройке подземной железной дороги, мы наблюдали бы такой приток безработных из деревень, что негде было бы их разместить. Аграрное перенаселение не может рассосаться благодаря сложившимся сейчас в деревне отношениям.

Все эти явления не грозят нам смертельной опасностью, но они накладывают тяжелые гири на наши ноги, и эти гири мешают нам двигаться вперед более быстрым темпом. Мы двинемся более быстрым темпом, если внесем целый ряд исправлений в ту систему экономических отношений, которая складывается под влиянием нашей политики.

У нас есть нэп в городе, у нас есть нэп в отношениях между городом и деревней, но у нас нет нэпа в самой деревне и у нас нет нэпа в области кустарной промышленности. Здесь еще в значительной мере процветает политика админи-

стративного нажима вместо хозяйственной борьбы. Настроение наших товарищей, работающих в деревне, воспитывавшихся на системе военного коммунизма, таково, что они самой лучшей хозяйственной политикой считают такую политику: лавочник появился — не выстраивай против него кооператив, не вытесняй в хозяйственной борьбе, а нажми на него, наложи печать на лавку и т. д. Такие способы были полезны, когда нужно было прямо хватать кулака за горло и душить, когда он с пулеметом шел против нас, а сейчас такие способы вредны, они тормозят хозяйственное развитие.

Наша политика по отношению к деревне должна развиваться в таком направлении, чтобы раздвигались, а отчасти и уничтожались многие ограничения, тормозящие рост зажиточного и кулацкого хозяйства. Крестьянам, всем крестьянам, надо сказать: обогащайтесь, развивайте свое хозяйство и не беспокойтесь, что вас прижмут. Мы должны добиться того, чтобы у нас и беднота возможно быстрее исчезала, переставала быть беднотой.

Что мы получим в результате быстрого оборота всех хозяйственных факторов деревни? Прежде всего, возрастут доходы сельского хозяйства. А это означает рост спроса на продукты нашей промышленности и, следовательно, ускорение оборота между промышленностью и сельским хозяйством. Ускорение оборота обеспечит могучий рост нашей промышленности, обеспечит правильное воздействие нашей промышленности на сельское хозяйство. Если промышленность будет развиваться быстрым

темпом, она поведет за собой и остальные части хозяйства нашей страны.

II.

Развязывание капиталистических элементов в деревне и помощь основной массе крестьянства.

Проблема ставится так, что нужно развязать хозяйственные возможности зажиточных крестьян, хозяйственные возможности кулаков. Но эта проблема имеет и другую сторону: чем мы возместим середняка, бедняка и батрака?

Нужно развивать зажиточное хозяйство для того, чтобы помогать бедняку и середняку. Такая постановка вопроса на первый взгляд кажется парадоксальной. Приведем в пример то, что у нас делается в городах. Налоговые поступления с буржуазии, с частного капитала возрастают. В бюджете они составляют возрастающую часть. Эти средства мы распределяем на государственные нужды: на промышленность, на культурное строительство, на советский аппарат и т. д. Частному капиталисту мы даем возможность торговать в известных пределах, мы берем с него, путем налогов, известную часть его прибыли и этим усиливаем нашу хозяйственную мощь.

Примерно, также надо поставить дело и с зажиточным крестьянским хозяйством. Мы говорим кулаку: пожалуйста, развивай свое хозяйство, но мы с тебя будем брать то-то и то-то, больше, чем мы будем брать со всякого другого. И то, что мы возь-

мем с кулака, мы будем давать в форме кредита середнякам или в какой-нибудь другой форме беднякам и батракам. Мы, таким образом, получим добавочные ценности, которыми сумеем помочь маломощным хозяйствам. Надо добиваться того, чтобы сумма нашего национального дохода возрастала, чтобы движение нашего оборота ускорялось, чтобы общая сумма поступлений в нашу государственную казну была больше. Только при таких условиях мы не на словах, а на деле будем помогать середняцким, батрацким и бедняцким элементам.

Не нужно скрывать, замазывать и бояться того, что в известной степени будут развиваться капиталистические отношения. Нельзя воздействовать на эти отношения путем административного нажима, а нужно существующие в деревне отношения использовать в целях оказания хозяйственной помощи бедняцкому и середняцкому крестьянству. Этой стороны проблемы ни в коем случае нельзя упускать из виду.

Некоторые товарищи соглашаются со многими положениями, которые я здесь высказывал, но они делают такой вывод: нужно безбоязненно признать, что у нас устанавливаются капиталистические отношения. Кулака взять административным зажимом нельзя. Будут выделяться капиталисты, будет увеличиваться число батраков. Классовые отношения будут все более и более обостряться, и совершенно неизбежно дело дойдет до того, что мы вынуждены будем произвести насильственную экспроприацию кулака.

Таким образом, у нас существуют д в а у к л о н а. Одни товарищи считают, что нужно развязать кулацкие хозяйства — и только. Они не видят другой половины проблемы: вопроса «о возмещении», о помощи середняку и бедняку. Они не учитывают того, что можно использовать рост кулацких хозяйств с целью помощи середняку и бедняку. Другие говорят, что капитализм в деревне развивается, кулак будет вести крупное хозяйство, будет расти рента, образуются новые помещики из кулаков, и мы вторую революцию проделаем. Эти товарищи считают, что нужно провести еще какую-то добавочную революцию по деревенской линии. Я считаю, что это теоретически неправильно, а практически бессмысленно. Если мы будем проповедывать в деревне накопление и одновременно будем говорить, что через два года вооруженную экспроприацию устроим, то никто ничего не будет накоплять.

Теоретически это неправильно потому, что рассуждающие таким образом товарищи забывают, что у нас диктатура пролетариата. В наших руках государственная власть, и мы имеем возможность при данных условиях изменять направление развития в деревне.

III.

Перспективы развития в деревне.

Каковы перспективы этого развития? Можно представлять это развитие таким образом, что мы будем способствовать обострению классовой борьбы

в деревне. Если этот классовый раздел будет углубляться, и мы будем его изо всех сил форсировать, тогда перед нами станет та самая перспектива второй деревенской революции, на возможность которой указывали некоторые товарищи. Ставя вопрос таким образом, мы упускаем из виду, что у нас сейчас диктатура рабочего класса. Наше пролетарское государство обладает комбинированной политической и экономическо-хозяйственной мощью рабочего класса. В число государственных органов входит ВСНХ; в государственный бюджет входят доходы нашей промышленности, железных дорог, рудников и пр. После захвата власти рабочим классом сила государственной власти колоссально увеличилась, потому что к политическому элементу присоединилась вся мощь огосударствленной экономики. Поэтому увеличиваются и возможности давления на хозяйственные отношения деревни.

Нельзя представлять себе дело таким образом, что в области деревенских отношений у нас по форме и существу будет происходить то же самое, что происходило бы в рамках капиталистического режима. Если бы существовало такое положение, что пролетариат имеет государственную власть исключительно политического типа, а промышленность находится в руках капиталистов, то ясно, что в деревне отношения складывались бы попрежнему. Наша сила в том, что мы политическую власть сделали рычагом экономической перестройки. И сейчас наша судьба определяется тем, что мы имеем за собой экономические командные высоты, являющиеся составной частью нашего государственного аппарата.

С ростом нашего хозяйства пролетарское государство все больше и больше будет представлять собою руководящую хозяйственную силу. И эта сила сможет существенным образом влиять на экономическое развитие деревни.

Вы знаете, что между нами и народниками велся очень крупный спор. Многие из русских народников развили довольно стройную теорию так называемого «некапиталистического развития» крестьянского хозяйства. Среди народников было течение, которое соглашалось с марксистами в том, что применение машин необходимо для укрепления сельского хозяйства, что крупное хозяйство гораздо производительнее мелкого. Но это течение (например, Суханов) утверждало, что в рамках капитализма крестьянское хозяйство станет крупным совершенно особым путем — не капиталистическим, а путем кооперации. Сходную точку зрения в разных вариантах развивал целый ряд теоретиков так называемого аграрно-кооперативного социализма в Западной Европе. Эти теории совершенно неосуществимы, поскольку при капиталистическом строе буржуазия держит крестьянство в своем хозяйственном подчинении. Какими средствами? И раньше, и сейчас одним из таких средств и является как раз кооперация.

Для доказательства этого можно привести массу примеров. Возьмем крестьянство Германии. Там есть, например, одна организация, так называемая Reichslandbund, насчитывающая больше 2.000.000 членов. Эта организация объединяет низшие слои деревни, и в нее входит даже целая половина всего

сельскохозяйственного пролетариата Германии. А на верхушке стоят крупные помещики, графы, князья, бароны и т. д. Эта организация представляет собою колоссальной величины машину, которая имеет свой гигантский кооперативный аппарат, свои централизованные правления, целый ряд банков и т. д. То же самое мы наблюдаем во Франции, в Америке и др. странах.

Даже крестьянские организации неэксплуататорского типа неизбежно всеми своими частями врастают при капитализме в буржуазно-помещичий аппарат. В рамках капиталистического режима это совершенно неизбежно.

Докажем это на примере. Кредитная кооперация, например, поскольку она работает и развивается, должна иметь сношение с другими кооперациями, с различными кредитными учреждениями и, в первую очередь, с банками. Поскольку кооперация кладет в банк капитал или получает кредит, постольку банк заинтересован в процветании кооперации. И обратно. Таким образом, кооперация постепенно врастает в систему ярко-капиталистических организаций. Иначе двигаться вперед она не может, даже, если бы и хотела.

Если в буржуазных странах крестьянин, благодаря своим кооперативным организациям, врастал в организации промышленной и банковской буржуазии, то в условиях рабочей диктатуры, при существующих у нас отношениях государственной власти к сельскохозяйственным учреждениям, при наличии национализации земли, мы через кооперацию приведем крестьянство к социализму.

Мы не можем представлять себе дела так, что нажмем на колхозное строительство, и крестьяне быстро пойдут по пути объединения в колхозы. Колхозы играют крупную роль, это несомненно; мы должны их поддерживать. Но нельзя утверждать, что это есть столбовая дорога, по которой массы крестьянства пойдут к социализму. Мы должны тянуть крестьянина к социализму, зацепляясь за его частнохозяйственный интерес. Кооперация должна привлекать крестьянина тем, что она дает ему непосредственные выгоды. Если это кооперация кредитная, то он должен получать дешевый кредит. Если это кооперация по сбыту, то он должен иметь возможность более выгодно продать свой продукт. Если мы так поставим работу, мы заинтересуем крестьянина, как мелкого собственника, как мелкого хозяйчика. Это совершенно нестрашно, потому что в конце концов мелкий хозяйчик неизбежно будет врастать в нашу государственно-социалистическую систему так же, как в капиталистических странах он врастает в систему капиталистических отношений.

Приведу в пример кулака, даже такого, который изрядно эксплуатирует своих батраков. Он накопляет, получает прибавочную ценность, получает деньги, вносит вклады. Куда он вносит вклады? Может ли он организовать свой собственный государственный банк? Не может. Он вносит или в свое товарищество, или же имеет дело с нашими банками. Получаем ли мы какую-нибудь пользу? Мы получаем добавочные рессурсы в виде этих вкладов и

эти рессурсы пускаем в оборот так, как это нам выгоднее, а не так, как нужно кулаку. Этими средствами мы можем кредитовать середняцкую кооперацию и тянуть середняцкую массу к хозяйственному подъему.

Конечно, на этом пути не все будет просто и гладко, развитие будет итти в противоречивых формах. У нас крестьянство не однородно, классовая борьба в деревне сразу не отомрет. В ближайшем будущем на известный период времени она, вероятно, даже обострится. Но дело заключается в том, что капиталистические элементы, которые в деревне нарастают, не придется экспроприировать в процессе второй революции, как думают некоторые.

Мы с известного периода начнем их медленно сводить на-нет путем повышения хозяйства середняков и бедноты, путем роста массовой кооперации, путем налогового обложения кулаков и, наконец, путем подведения нового технического базиса (электрификация).

IV.

«Ставка на кулака»?

Правильная политика в хозяйственной области заключается не только в том, чтобы развязать кулацкое хозяйство, но также и в том, чтобы максимально использовать выгоды, которые мы получим от ускоренного хозяйственного оборота, от роста национального дохода, от налогового обложения верхушки деревни, от увеличения вкладов этой верхушки в наши банки и т. д.

Есть ли это «ставка на кулака»? Этого нет. Есть ли это проповедь обострения классовой борьбы в деревне? Тоже нет. Я вовсе не стою за обострение классовой борьбы в деревне. Мы должны действовать так, чтобы, путем хозяйственных мероприятий, в первую очередь через кооперацию, двигать вперед основную массу крестьянского населения.

***

В заключение я хочу сказать несколько слов об этом вопросе в связи с теорией классов.

Классом в собственном смысле слова крестьянство является лишь в феодальном обществе. В капиталистическом обществе крестьянство не класс в собственном смысле этого слова, потому что крестьянство выделяет и сельскохозяйственную буржуазию, и сельскохозяйственный пролетариат. Но капиталистическое общество не родится в готовеньком виде из феодального. Молодое капиталистическое общество таит в себе колоссальное количество феодальных элементов.

Октябрьскую революцию мы шли вместе со всем крестьянством вплоть до кулаков, потому что у нас сильны были остатки не только капитализма, но феодализма. Поскольку у нас в момент свержения капитализма капиталистические отношения не были достаточно развиты, постольку оставалась большая серединка крестьянства — крестьянин-середняк. А поскольку мы произвели уравнительную дележку, этот середняк вырос в еще большую силу. Параллельно с общим хозяйственным ростом сперва будет рост хозяйственных различий, а затем, наоборот, хозяйство середняка и бедняка будет приближаться

к уровню более зажиточного хозяйства. Наконец, мы достигнем и такой, еще более высокой ступени, когда крестьянство будет исчезать, как особый класс, и по отношению к пролетариату. Вот что нужно иметь в виду, как перспективу, которая еще очень далека, но которая уже стоит перед нами.

Нужно здесь взвесить обстоятельно каждый шаг, который мы должны будем сделать, но общее направление, мне кажется, в целом начинает довольно ясно определяться.

Мы идем по линии дальнейшего продвижения и развития «новой» экономической политики, по линии изживания остатков военно-коммунистического периода, по линии большей свободы хозяйственного оборота. Наша задача заключается не в том, чтобы запирать товарообращение, а в том, чтобы на это товарообращение ставить ставку и всемерно способствовать его расширению. Если мы будем улучшать работу кооперации, если мы изменим методы нашей работы в деревне, которые больше чем какие бы то ни было постановления иногда тормозят развитие хозяйственных сил, то через некоторое время мы дадим крестьянину более дешевый товар, дадим более дешевый кредит, покажем ему, что мы можем быть хозяйственными руководителями. К этому мы сейчас подходим, и наш хозяйственный рост, который не подлежит никакому решительно оспариванию, будет служить основной гарантией крепости нашего союза, нашего рабоче-крестьянского блока.

(Из доклада на собрании активных работников Московской организации 17 апреля.—„Правда“, 24/IV, 1925 г.).

I.

Какая нам нужна деревня?

Какая деревня нам нужна, как должна выглядеть та деревня, которая позволит нам дальше развивать еще более ускоренным темпом нашу промышленность, развивать наш товарооборот, развивать наш грузооборот, поднимать значение городов и т. д.? И мы отвечаем на этот вопрос: конечно, деревня, сидящая на трехполке, деревня, сидящая в курной избе, деревня безграмотная, деревня нищая — она не может служить базисом не только для социалистического производства, но и вообще для крупной городской промышленности. И если бы мы не принимали мер к тому, чтобы деревню нищую, убогую, неспособную поглотить городское производство, превратить в деревню крепкую, богатую, культурную, более интенсивно развивающую свое хозяйство, то мы тогда строили бы наше рабочее дело на песке. Какой хозяин нам нужен в деревне? Тот ли, который по старо-дедовским заветам обрабатывает землю, который не накапливает ничего, который живет изо дня в день, или другой хозяин — культурный, интенсивно ведущий свое хозяйство, маслодел, жи-

вотновод, применяющий машины? — Конечно, всякий сознательный пролетарий, как и всякий крестьянин, скажет: дело социализма требует именно второго типа хозяина.

Новая деревня, которая должна служить для развивающейся нашей промышленности базисом, которая не будет стоять перед нами стеною и брать за горло, заставляя нас сворачивать промышленность, — должна быть именно деревней второго типа. Тут перед нами встает целый ряд задач, и эти задачи будут очередными задачами наступающего периода. Что действительно мы можем сделать в этой области? Прежде всего здесь встает вопрос о кулаке. Мы знаем, что в деревне очень часто не умеют точно ответить на то, что такое кулак, и что, благодаря этой неточности определения, часто происходит неправильный изгиб и политической линии, и линии экономической политики.

II.

Кого считать кулаком?

Можно ли считать кулаком крестьянина, который, пользуясь советской властью, пользуясь советским кредитом, пользуясь теми условиями, которые предоставляет советская власть, повышает свое хозяйство, повышает техническую обработку земли, создает условия для накопления в своем хозяйстве? Конечно, нет. Мы были бы безумцами, если бы такого крестьянина, который пользуется условиями, созданными советской властью для повышения его благосостояния и уровня его хозяйства, стали

считать кулаком. Мы подрубили бы тот сук, на котором мы сидим. Но кого же мы должны считать кулаком? Можем ли мы закрывать глаза, что действительно в деревне происходит процесс выделения буржуазных верхушек в виде предпринимательских хозяйств? Конечно, закрывать глаза на это нельзя. Мы сильны именно тем, что всегда смотрели на правду открытыми глазами, и должны сказать: поскольку мы ведем политику свободной торговли, крестьянство будет выделять такую буржуазную верхушку, которая, насколько она пользуется неоплаченным трудом, является тем кулацким элементом, который нам ни союзником, ни помощником быть не может и который является эксплуататором деревенской бедноты и середняка.

Но не нужно расширительного толкования. Мы, члены коммунистической партии, гордимся тем, что мы — марксисты, а марксизм говорит, что совершенно безумна та политика, которая прет против развития производительных сил или тщится задерживать развитие производительных сил. Если бы мы повели свою политику так, что она на деле препятствовала бы развитию производительных сил в деревне, то это означало бы крушение нашей политики: на этом бы сломался союз рабочих и крестьян и сломалась бы советская власть. Мы стоим за полное развитие производительных сил в деревне, за все большее и большее увеличение товарности крестьянского хозяйства, за углубление его хозяйства, за индустриализацию деревни, за то, чтобы деревня повыша-

ла уровень своего хозяйства и, наконец, чтобы деревня имела возможность накапливать необходимые ей средства. Мы должны создать условия, когда деревня может накапливать, а иначе мы не будем иметь того крестьянского рынка, той его емкости, при которой развитие нашей промышленности имело бы перед собой твердое будущее. На заграничный рынок мы не пойдем, да нас туда и не пустят, а крестьянин, голодный и нищий, не сможет поддержать промышленность. Только крестьянство развивающееся, богатеющее и накапливающее может быть здоровым потребителем тех продуктов, при помощи которых могут держаться наши фабрики и заводы. Поэтому мы должны создать такие условия, которые этому могли бы содействовать.

Я считаю, что из всего того, что за последнее время было сказано по поводу крестьянства, быть может, наиболее ценно и правильно то, что сказал тот товарищ, который к этому делу приставлен — я говорю об Александре Петровиче Смирнове и об его последних статьях в «Правде» [1]). В этих статьях есть кое-что и спорного, но в тех словах, которые я сейчас прочту, правильно указаны основные пути и тенденции. Он говорит: «Процесс восстановления и развития нашего сельского хозяйства может пойти быстрым темпом только при условии накопления ценности в крестьянском хозяйстве. Без этого усло-

---

[1]) Помещены в этом сборнике.

вия, без восстановления до необходимых размеров живого и мертвого инвентаря ни о каком действительном движении вперед говорить нельзя. Поэтому все наши разговоры и резолюции останутся пустым звуком, если мы не создадим всех предпосылок для необходимого накопления в деревне» («Правда», № 79). Тов. Смирнов прав. Создание условий широкого развития производительных сил в деревне — это очередная задача, диктуемая нам и положением в деревне, и положением промышленности. Есть ли действительно в деревне такие нормы, такая практика, которые противоречат этим условиям? Да, мы должны сказать, есть. В деревне много пережитков неразвитого нэпа, в деревенском хозяйстве и в некоторых органах, вокруг деревни и около деревни работающих, еще много того, что является остатком эпохи военного коммунизма и от чего мы в городе уже освободились.

(Из речи тов. Каменева на VII съезде советов Московской губернии — „Правда“, 14/IV, 1925 г.).

Политика партии в деревне.

Раньше, чем перейти к резолюциям XIV конференции, трактующим о политике партии в деревне, я хотел бы остановиться в нескольких словах на шумихе, которую подняла буржуазная печать в связи с той критикой наших собственных недочетов в деревне, которую предприняла наша партия. Буржуазная пресса скачет и играет, уверяя всех и вся, что открытая критика наших собственных недочетов является признаком слабости Советской власти, признаком ее разложения и распада. Нечего и говорить, что вся эта шумиха является насквозь фальшивой и лживой.

Самокритика есть признак силы, а не слабости нашей партии. Только сильная партия, имеющая корни в жизни и идущая к победе, может позволить себе ту беспощадную критику своих собственных недостатков, которую она допустила и будет всегда допускать на глазах перед всем народом. Партия, скрывающая правду перед народом, партия, боящаяся света и критики, есть не партия, а клика обманщиков, обреченная на гибель. Господа буржуа меряют нас на свой аршин. Они боятся света и старательно прячут правду от народа, прикрывая свои

недочеты парадной вывеской благополучия. И вот, они думают, что и мы, коммунисты, должны прятать правду перед народом. Они боятся света, потому что стоит им допустить сколько-нибудь серьезную самокритику, сколько-нибудь свободную критику своих собственных недочетов, чтобы не осталось камня на камне от буржуазного строя. И вот, они думают, что если мы, коммунисты, допускаем самокритику, то это признак того, что мы окружены и висим в воздухе. На свой аршин меряют нас они, почтенные буржуа и социал-демократы. Только партии, уходящие в прошлое и обреченные на гибель, могут бояться света и критики. Мы не боимся ни того, ни другого, не боимся потому, что мы — партия восходящая, идущая к победе. Вот почему самокритика, ведущаяся уже несколько месяцев, является признаком величайшей силы, а не слабости нашей партии, средством ее укрепления, а не разложения.

А теперь перейдем к вопросу о политике партии в деревне.

Какие новые моменты можно было бы отметить в деревне в связи с новой обстановкой внутреннего и международного характера?

Я думаю, что можно было бы отметить четыре основных факта:

1) Изменение международной обстановки и замедленный темп революции, диктующие выборы наименее болезненных, хотя бы и длительных, путей для приобщения крестьянства к социалистическому строительству, для строительства социализма вместе с крестьянством.

2) Хозяйственный рост деревни и процесс рас-

слоения крестьянства, требующие ликвидации пережитков военного коммунизма в деревне.

3) Политическая активность крестьянства, требующая изменения старых методов руководства и администрирования в деревне.

4) Перевыборы советов, вскрывшие тот несомненный факт, что в целом ряде районов нашей страны середняк оказался на стороне кулака против бедняка.

В чем состоит в связи с этими новыми фактами основная задача партии в деревне?

Некоторые товарищи, исходя из факта дифференциации деревни, приходят к тому выводу, что основная задача партии — это разжечь классовую борьбу в деревне. Это, товарищи, неверно. Это пустая — болтовня. Не в этом теперь наша главная задача. Это — перепевы старых меньшевистских песен из старой меньшевистской энциклопедии.

Главное теперь вовсе не в том, чтобы разжечь классовую борьбу в деревне. Главное теперь состоит в том, чтобы сплотить середняков вокруг пролетариата, завоевать их вновь. Главное теперь состоит в том, чтобы сомкнуться с основной массой крестьянства, поднять ее материальный и культурный уровень и двинуться вперед вместе с этой основной массой по пути к социализму. Главное состоит в том, чтобы строить социализм вместе с крестьянством, обязательно вместе с крестьянством и обязательно под руководством рабочего класса, ибо руководство рабочего класса является основной гарантией того, что строительство пойдет по пути к социализму.

В этом теперь основная задача партии.

Может быть, не лишне будет вспомнить слова Ильича на этот счет, сказанные им в момент введения НЭП'а и сохранившие до сего времени всю свою силу:

«Весь гвоздь в том, чтобы двигаться теперь вперед несравненно более широкой и мощной массой не иначе, как вместе с крестьянством» (Ленин. XI съезд РКП).

И далее:

«Сомкнуться с крестьянской массой, с рядовым трудовым крестьянством и начать двигаться вперед неизмеримо, бесконечно медленнее, чем мы мечтали, но зато так, что действительно будет двигаться вся масса с нами. Тогда ускорение этого движения в свое время наступит такое, о которым мы сейчас и мечтать не можем». (Ленин. Доклад о деятельности ЦК на XI с'езде РКП).

В связи с этим перед нами стоят две основные задачи в деревне.

1. Во-первых, надо добиться того, чтобы крестьянское хозяйство было включено в общую систему советского хозяйственного развития. Раньше дело происходило так, что мы имели два параллельных процесса: город шел своим путем, деревня — своим. Капиталист старался включить крестьянское хозяйство в систему капиталистического развития. Но это включение происходило в порядке обнищания крестьянских масс и обогащения верхней прослойки крестьянства. Известно, что этот путь оказался чреватым революцией. После победы пролетариата включение крестьянского хозяйства в общую систе-

му советского хозяйственного развития состоит в том, чтобы создать условия, могущие двинуть вперед народное хозяйство на основе постепенного, но неуклонного под'ема благосостояния большинства крестьян, т.-е. по пути, противоположному тому, по которому капиталисты вели и приглашали крестьянство до революции.

Но как включить крестьянское хозяйство в систему хозяйственного строительства? Через кооперацию. Через кооперацию кредитную, кооперацию сельско-хозяйственную, кооперацию потребительскую, кооперацию промысловую.

Таковы те пути и дорожки, через которые медленно, но основательно должно включиться крестьянское хозяйство в общую систему социалистического строительства.

2. Вторая задача состоит в том, чтобы постепенно, но неуклонно проводить линию ликвидации старых методов администрирования и руководства в деревне, линию оживления советов, линию превращения советов в настоящие выборные органы, линию насаждения в деревне начал советской демократии. Ильич говорил, что пролетарская диктатура есть высший тип демократии для большинства трудящихся. Ильич говорил, что этот высший тип демократии может быть введен лишь после взятия власти пролетариатом и после того, как мы получим возможность укрепить эту власть. Так вот, эта фаза укрепления Советской власти и насаждения советской демократии уже началась. Мы должны итти этим путем осторожно и не торопясь, создавая в ходе работы вокруг партии многочисленный актив из беспартийного крестьянства.

Если первая задача, задача включения крестьянского хозяйства в общую систему хозяйственного строительства, даст нам возможность запрячь крестьянство в общую упряжку с пролетариатом по пути построения социализма, то вторая задача, задача насаждения советской демократии и оживления советов в деревне, должна дать нам возможность переделать наш государственный аппарат, связать его с народными массами, сделать его здоровым и честным, простым и дешевым, для того, чтобы создать условия, облегчающие переход от общества к диктатуре пролетариата в общество безгосударственное, в общество коммунистическое.

Таковы основные линии резолюций, принятых XIV конференцией нашей партии по вопросу о политике нашей партии в деревне.

Сообразно с этим должен измениться и метод партийного руководства в деревне.

У нас есть люди в партии, утверждающие, что коль скоро имеется НЭП, а капитализм начинает временно стабилизоваться, то наша задача состоит в том, чтобы провести политику максимального зажима как в партии, так и в государственном аппарате, так, чтобы все скрипело кругом. Я должен сказать, товарищи, что эта политика является неправильной и гибельной. Нам нужен теперь не максимальный зажим, а максимальная гибкость как в политике, так и в организации, максимальная гибкость как в политическом, так и в организационном руководстве. Без этого нам не удержать руля при настоящих сложных условиях. Максимальная гибкость нужна нам для того, чтобы сохранить руль

за партией и обеспечить партии полное руководство.

Далее. Необходимо, чтобы коммунисты в деревне отказались от уродливых форм администрирования. Нельзя выезжать на одних лишь распоряжениях в отношении к крестьянству. Надо научиться терпеливо раз'яснять крестьянам непонятные для них вопросы, надо научиться убеждать крестьян, не щадя на это дело ни времени, ни усилий. Конечно, гораздо легче и проще издать распоряжение и поставить точку, как это делают часто некоторые наши предвики. Но не все то хорошо, что просто и легко. Недавно секретарь одной из вол'ячеек на вопрос представителя губкома об отсутствии газет в волости, оказывается, ответил: «А зачем нам газеты? Без газет спокойнее и лучше, а то еще прочтут мужики, и пойдут всякие расспросы, и потом не оберешься возни с ними». И этот секретарь называется коммунистом! Едва ли нужно доказывать, что это не коммунист, а одно несчастье. Дело в том, товарищи, что руководить нынче без «возни» никак нельзя, а без газет — тем более. Эту простую истину надо понять и усвоить, если мы хотим удержать за партией и Советской властью руководство в деревне.

Дальше. Чтобы руководить нынче, надо уметь хозяйничать, надо знать и понимать хозяйство. На одной лишь трескотне о «мировой политике», о Чемберлене и Макдональде теперь далеко не уедешь. У нас пошла полоса хозяйственного строительства. Поэтому руководить может тот, кто понимает толк в хозяйстве, кто умеет дать мужику полезные советы по части хозяйственного развития, кто умеет

притти на помощь мужику в деле хозяйственного строительства. Изучать хозяйство, сомкнуться с хозяйством, войти во все детали хозяйственного строительства, — такова теперь задача коммунистов в деревне. Без этого нечего и мечтать о руководстве.

По-старому теперь руководить нельзя, ибо политическая активность крестьянства поднялась, и нужно, чтобы эта активность вылилась в форму советскую, чтобы она шла через советы, а не помимо советов. Руководит тот, кто оживляет советы и создает крестьянский актив вокруг партии в деревне.

По-старому руководить нынче нельзя, ибо поднялась хозяйственная активность деревни, и нужно, чтобы эта активность вылилась в форму кооперации, чтобы она шла через кооперацию, а не помимо кооперации. Руководит тот, кто насаждает в деревне кооперативную общественность.

Таковы в общем конкретные задачи партийного руководства в деревне.

(К итогам работ XIV конференции РКП (б). Из доклада активу Московской организации РКП (б.) 9 мая 1925 г. Гиз 1925 г.).

Какие меры и какие условия должны способствовать укреплению смычки рабочего класса с крестьянством при условии диктатуры пролетариата, если Советский Союз не будет поддержан социальной революцией западного пролетариата в будущие 10—15 лет?

Я думаю, что этот вопрос включает в себя все остальные вопросы, поставленные вами в письменной форме. Поэтому мой ответ будет носить общий и потому далеко не исчерпывающий характер. В противном случае ничего не осталось бы сказать в ответ на остальные вопросы.

Я думаю, что решения XIV конференции партии дают исчерпывающий ответ на этот вопрос. Они, эти решения, говорят о том, что основной гарантией укрепления смычки является правильная политика в отношении крестьянства.

Но что такое правильная политика в отношении крестьянства?

Она может состоять лишь в ряде мероприятий по линии хозяйственной, административно-политической и культурно-просветительной, обеспечивающих укрепление смычки.

Начнем с хозяйственной области.

Необходима, прежде всего, ликвидация пережитков военного коммунизма в деревне. Необходима, далее, правильная политика цен на фабрикаты и сельско-хозяйственные продукты, обеспечивающая быстрый рост промышленности и сельского хозяйства и ликвидацию «ножниц». Необходимо, кроме того, сокращение общей суммы сельско-хозяйственного налога и постепенный перевод его с рельс общегосударственного бюджета на рельсы бюджета местного. Необходимо кооперирование миллионных масс крестьянства, прежде всего, по линии сельскохозяйственной и кредитной кооперации, как средство включения крестьянского хозяйства в общую систему социалистического строительства. Необходимо насаждение тракторов в деревне, как средство технического революционизирования сельского хозяйства и как путь создания культурных очагов в деревне. Необходимо, наконец, проведение плана электрификации, как средство сближения деревни с городом и уничтожения противоположности между ними.

Таков тот путь, по которому должна пойти партия, если она хочет обеспечить смычку города с деревней по линии хозяйственной.

Хотел бы обратить ваше внимание на вопрос о переводе сельско-хозяйственного налога с рельс государственного бюджета на рельсы местного бюджета. Это может показаться вам странным. Тем не менее, это — факт, что сельско-хозяйственный налог принимает и неуклонно будет принимать характер местного налога. Известно, например, что раньше, года два назад, сельско-хозяйственный на-

лог составлял у нас основную, или почти основную, статью доходов нашего государственного бюджета. А теперь? Теперь он составляет незначительную часть государственного бюджета. Госбюджет представляет сейчас два с половиной миллиарда рублей, а сельско-хозяйственный налог дает, может дать в этом году максимум 250—260 миллионов рублей, на 100 миллионов меньше прошлогодней суммы. Как видите, это не так уже много. И чем больше будет расти госбюджет, тем больше будет падать доля этого налога в нем. Во-вторых, 100 миллионов из этих 260 миллионов сельско-хозяйственного налога поступают в местный бюджет. Это более, чем треть всего налога. Чем это объяснить? Тем, что из всех существующих налогов сельско-хозяйственный налог является наиболее близким к местным условиям, более всего приспособленным для использования его на местные нужды. Едва ли можно сомневаться в том, что местный бюджет вообще будет расти. Но несомненно также и то, что он будет расти, прежде всего, за счет сельско-хозяйственного налога, требующего максимального приспособления к местным условиям. Это тем более вероятно, что центр тяжести государственных доходов уже переместился и будет вообще перемещаться на поступления другого рода, на поступления от государственных предприятий, на косвенные налоги и т. д.

Вот почему перевод сельско-хозяйственного налога с рельс общегосударственного бюджета на рельсы бюджета местного может стать в свое время вероятным и вполне целесообразным с точки зрения укрепления смычки.

Перейдем к мероприятиям по обеспечению смычки в области административно-политической.

Насаждение советской демократии в городе и деревне и оживление советов на предмет упрощения, удешевления и морального оздоровления государственного аппарата, на предмет изгнания из этого аппарата элементов бюрократизма и буржуазного разложения, на предмет полного сближения государственного аппарата с миллионными массами, — таков тот путь, по которому должна пойти партия, если она хочет укрепить смычку по линии административно-политического строительства.

Диктатура пролетариата не есть самоцель. Диктатура есть средство, путь к социализму. А что такое социализм? Социализм есть переход от общества с диктатурой пролетариата к обществу безгосударственному. Но для того, чтобы переход этот осуществить, необходимо подготовить переделку государственного аппарата в таком направлении и таким путем, при помощи которых может быть на деле обеспечено превращение общества с диктатурой в общество безгосударственное, в общество коммунистическое. Для этой цели и служит лозунг оживления советов, лозунг насаждения советской демократии в городе и деревне, лозунг приобщения лучших элементов рабочего класса и крестьянства к непосредственному управлению страной. Исправить государственный аппарат, переделать его по-настоящему, изгнать из него элементы бюрократизма и разложения, сделать его близким и родным для широких масс, — все это невозможно без постоянной и активной помощи самих масс го-

сударственному аппарату Но активная и непрерывная помощь масс, в свою очередь, невозможна без вовлечения лучших элементов рабочих и крестьян в органы управления, без осуществления прямой и непосредственной связи государственного аппарата с глубочайшими «низами» трудящихся масс.

Чем отличается советский государственный аппарат от аппарата буржуазного государства?

Прежде всего, тем, что буржуазный государственный аппарат стоит над массами, в виду чего он отделен от населения непроходимым барьером и, по самому своему духу, чужд народным массам. Между тем, как советский государственный аппарат сливается с массами, ибо он не может и не должен стоять над массами, если он хочет сохранить себя именно как советский государственный аппарат, ибо он не может быть чужд этим массам, если он действительно хочет охватить миллионные массы трудящихся. В этом одно из принципиальных отличий советского государственного аппарата от аппарата буржуазного государства

Ленин говорил когда-то в своей брошюре «Удержат ли большевики государственную власть», что 240.000 членов партии большевиков несомненно смогли бы управлять страной в интересах бедных против богатых, ибо они ничем не хуже 130.000 помещиков, которые управляли страной в интересах богатых против бедных. Некоторые коммунисты на этом основании думают, что государственный аппарат может быть исчерпан несколькими сотнями тысяч членов партии, и что этого вполне достаточно

для того, чтобы управлять громадной страной. В этих видах они иногда не прочь отождествлять партию с государством. Это неправильно, товарищи. Это искажение мысли Ленина. Говоря о 240.000 членов партии большевиков, Ленин вовсе не хотел сказать, что этим исчерпывается или может исчерпаться численный состав и общий размах советского государственного аппарата. Наоборот, в состав государственного аппарата он включал, кроме членов партии, еще один миллион голосов, поданных тогда, перед Октябрем, за большевиков, заявляя, что у нас есть средство одним ударом у д е с я т е р и т ь наш государственный аппарат, т.-е. довести его, по крайней мере, до 10 миллионов, путем привлечения трудящихся к повседневной работе управления государством.

«Эти 240.000 человек, — говорит Ленин, — имеют за себя уже теперь не менее 1 миллиона голосов взрослого населения, ибо именно такое соотношение числа членов партии к числу подаваемых за нее голосов установлено опытом Европы и опытом России, хотя бы, например, августовскими выборами в питерскую думу. Вот у нас уже «государственный аппарат» в 1 м и л л и о н людей, преданных социалистическому государству идейно, а не ради получения 20 числа ежемесячно крупного куша. Мало того, у нас есть «чудесное средство» сразу, одним ударом у д е с я т е р и т ь наш государственный аппарат,—средство, которым ни одно капиталистическое государство никогда не располагало и располагать не может. Это чудесное дело — при

влечение трудящихся, привлечение бедноты к повседневной работе управления государством». (См. соч. Ленина, т. XIV, ч. 2-я, стр. 236).

А как происходит это «привлечение трудящихся, привлечение бедноты к повседневной работе управления государством»?

Происходит оно через массовые инициативные организации: всякие комиссии и комитеты, совещания и делегатские собрания, образующиеся вокруг советов, хозяйственных органов, фабзавкомов, культурных учреждений, партийных организаций, организаций союза молодежи, всякого рода кооперативных объединений и т. д. и т. п. Наши товарищи иногда не замечают, что вокруг наших низовых партийных, советских, культурных, профессиональных, просветительных, комсомольских, армейских, женотдельских и всяких иных организаций копошатся целые муравейники самочинных организаций, комиссий и совещаний, охватывающих миллионные массы беспартийных рабочих и крестьян, муравейники, создающие в своей повседневной, незаметной, кропотливой, нешумливой работе основу и жизнь советов, источник силы советского государства. Без этих миллионных организаций, облегающих наши советские и партийные органы, существование и развитие Советской власти, руководство и управление великой страной было бы абсолютно немыслимо. Советский государственный аппарат состоит не только из советов. Советский государственный аппарат в глубоком смысле этого слова состоит из советов плюс миллионные орга-

низации всех и всяких беспартийных и партийных объединений, соединяющих советы с глубочайшими «низами», с л и в а ю щ и х государственный аппарат с миллионными массами и уничтожающих шаг за шагом всякое подобие барьера между государственным аппаратом и населением.

Вот как мы должны стараться «удесятерить» наш государственный аппарат, делая его родным и близким миллионным массам трудящихся, изгоняя из него пережитки бюрократизма, сливая его с массами и подготовляя тем самым переход от общества с диктатурой пролетариата в общество безгосударственное, в общество коммунистическое.

Таков смысл и значение лозунга оживления советов и насаждения советской демократии. Таковы основные мероприятия укрепления смычки, необходимые в области административно-политической работы партии.

Что касается мероприятий по обеспечению смычки в области культурно-просветительной работы, то о них мало что придется сказать, так как мероприятия эти ясны, общеизвестны и потому не нуждаются в разъяснениях. Я хотел бы только отметить основную линию работы в этой области на ближайший период. Она, эта основная линия, состоит в том, чтобы подготовить условия, необходимые для проведения общеобязательного первоначального образования по всей стране, по всему Союзу. Это, товарищи, крупнейшая реформа. Проведение ее будет величайшей победой не только на культурном, но и на политическом и хозяйственном фронтах. Она, эта реформа, должна послужить

базой для величайшего подъема страны. Но она будет стоит сотен миллионов рублей. Достаточно указать на то, что она потребует для своего проведения целую армию, чуть ли не в полмиллиона, учителей и учительниц. Но мы должны, несмотря ни на что, эту реформу обеспечить в ближайший период, если мы действительно думаем поднять страну на высшую ступень культурности. И мы это сделаем, товарищи. В этом не может быть сомнения.

Как вести борьбу с кулачеством, не разжигая классовой борьбы?

Я думаю, что тут вопрос скомкан и потому неправильно поставлен. О какой классовой борьбе идет тут речь? Если речь идет вообще о классовой борьбе в деревне, то она ведется пролетариатом не только против кулаков. А противоречия между пролетариатом и крестьянством в целом, — чем это не классовая борьба, хотя она и имеет довольно необычную форму? Разве это не верно, что пролетариат и крестьянство составляют в настоящее время два основных класса нашего общества что между этими классами существуют противоречия, правда, разрешимые и, в конце-концов, преодолимые, но все же противоречия, вызывающие борьбу между этими двумя классами?

Я думаю, что классовая борьба в нашей стране, если иметь в виду отношение между городом и деревней, между пролетариатом и крестьянством, — имеет три главных фронта:

а) фронт борьбы между пролетариатом в целом (в лице государства) и крестьянством по линии установления предельных цен на фабрикаты и сельско-хозяйственные продукты, по линии нормализации налогового дела и т. п.;

б) фронт борьбы между пролетариатом в целом (в лице государства) и кулачеством по линии ликвидации спекулянтских цен на сельско-хозяйственные продукты, по линии переложения основной тяжести налогового бремени на кулаков и т. п.;

в) фронт борьбы между деревенской беднотой, прежде всего батраками, и кулачеством.

Вы видите, что эти фронты не могут быть одинаковыми ни по удельному их весу, ни по характеру происходящей там борьбы. Поэтому и наше отношение к формам классовой борьбы на этих фронтах должно быть различно, не одинаково.

Рассмотрим дело поближе.

Первый фронт. Пролетариат (в лице государства), считаясь со слабостью нашей промышленности и невозможностью получения займов для нее, установил ряд основных мероприятий, могущих оградить ее от конкурренции заграничной промышленности и способных ускорить ее развитие к выгоде всего нашего народного хозяйства, в том числе и сельского хозяйства. Эти мероприятия: монополия внешней торговли, сельско-хозяйственный налог, государственные формы заготовки с.-х. продуктов, внесение планового начала в развитие народного хозяйства в целом. Все это — на основе национализации основных отраслей промышленности, транспорта, кредита. Вы знаете, что эти мероприя-

тия привели к тому, к чему они должны были привести, т.-е. положили предел, как безудержному понижению цен, на изделия промышленности, так и безудержному повышению цен на продукты сельского хозяйства. С другой стороны, ясно, что крестьянство в целом, поскольку оно покупает изделия промышленности и сбывает на рынок продукты своего хозяйства,—предпочитает получать эти изделия по возможно дешевым ценам и сбывать свои продукты по возможно дорогим ценам. Равным образом, крестьянство хотело бы, чтобы не было вовсе сельско-хозяйственного налога, или чтобы он был доведен, по крайней мере, до минимума.

Вот вам и почва для борьбы между пролетариатом и крестьянством.

Может ли государство отказаться вовсе от указанных выше основных мероприятий? Нет, не может. Ибо отказ от этих мероприятий привел бы в данный момент к разгрому нашей промышленности, к разгрому пролетариата, как класса, к превращению нашей страны в аграрную колонию промышленно развитых капиталистических стран, к провалу всей нашей революции.

Заинтересовано ли крестьянство в целом в уничтожении этих основных мероприятий нашего государства? Нет, не заинтересовано. Ибо уничтожение этих мероприятий в данный момент означает торжество капиталистического пути развития, а капиталистический путь развития есть путь развития через обнищание большинства крестьянства во имя обогащения кучки богатеев, кучки капиталистов. Кто решится утверждать, что крестьянство

заинтересовано в своем собственном обнищании, что оно заинтересовано в превращении нашей страны в колонию, что оно не заинтересовано коренным образом в торжестве социалистического пути развития нашего народного хозяйства?

Вот вам и почва для союза между пролетариатом и крестьянством.

Значит ли это, что наши промышленные органы, опираясь на монополию, могут взвинчивать цены на изделия промышленности в ущерб интересам основной массы крестьянства и в ущерб самой промышленности? Нет, не значит. Такая политика повредила бы, прежде всего, самой промышленности, сделав невозможным превращение нашей промышленности из тепличного и хилого растения, каким она была вчера, в крепкую и могучую промышленность, какой она должна стать завтра. Отсюда наша кампания за снижение цен на фабрикаты и поднятие производительности труда. Вы знаете, что эта кампания имеет достаточно широкий успех.

Значит ли это, кроме того, что наши заготовительные органы, опираясь на монополию, могут играть на понижении цен на сельско-хозяйственные продукты, делая их разорительными для крестьянства, в ущерб интересам и пролетариата, и крестьянства, в ущерб интересам всего нашего народного хозяйства? Нет, не значит. Такая политика загубила бы, прежде всего, промышленность, ибо она, во-первых, затруднила бы снабжение рабочих с.-х. продуктами, во-вторых, разложила бы вконец и дезорганизовала бы внутренний рынок нашей промышленности. Отсюда наша кампания против так-

называемых «ножниц». Вы знаете, что эта кампания дала уже благоприятные результаты.

Значит ли это, наконец, что наши местные или центральные органы, опираясь на закон о сельскохозяйственном налоге и пользуясь своим правом взимания налогов, могут рассматривать этот закон, как нечто непререкаемое, могут доходить в своей практике до разбора амбаров и снятия крыш с домов маломощных налогоплательщиков, как это имело место в некоторых районах Тамбовской губернии? Нет, не значит. Такая политика подорвала бы всякое доверие крестьян к пролетариату, к государству. Отсюда последние мероприятия партии по сокращению сельско-хозяйственного налога, по приданию этому налогу более или менее местного характера, по упорядочению нашего налогового дела вообще, по ликвидации безобразий, проявленных кое-где на почве взимания налогов. Вы знаете, что эти мероприятия дали уже желательные результаты.

Итак, мы имеем, во-первых, общность интересов пролетариата и крестьянства по вопросам коренным, их общую заинтересованность в торжестве социалистического пути развития народного хозяйства. Отсюда союз рабочего класса и крестьянства. Мы имеем, во-вторых, противоречия интересов рабочего класса и крестьянства по вопросам текущим. Отсюда борьба внутри этого союза, борьба, которая покрывается по своему удельному весу общностью интересов, и которая должна исчезнуть в будущем, когда рабочие и крестьяне перестанут быть классами, — когда они превратятся в труже-

ников бесклассового общества. Мы имеем, в-третьих, средства и пути для разрешения этих противоречий между рабочим классом и крестьянством в рамках сохранения и укрепления союза рабочих и крестьян, в интересах обоих союзников. И мы не только имеем в своем распоряжении эти пути и средства, но мы уже применяем их с успехом в сложной обстановке нэп'а и временной стабилизации капитализма.

Следует ли из этого, что мы должны разжечь классовую борьбу на этом фронте? Нет, не следует. Наоборот! Из этого следует лишь то, что мы должны всячески умерять борьбу на этом фронте, регулируя ее в порядке соглашений и взаимных уступок и ни в коем случае не доводя ее до резких форм, до столкновений. И мы это делаем. Ибо у нас есть для этого все возможности. Ибо общность интересов тут сильнее и глубже, чем противоречие интересов.

Как видите, лозунг разжигания классовой борьбы совершенно непригоден для условий борьбы на этом фронте.

Второй фронт. Действующими лицами выступают здесь пролетариат (в лице советского государства) и кулачество. Формы классовой борьбы также своеобразны здесь, как своеобразны они в условиях борьбы на первом фронте.

Желая придать сельско-хозяйственному налогу резко выраженный подоходный характер, государство перекладывает главную тяжесть этого налога на плечи кулачества. В ответ на это кулачество старается извернуться «всеми правдами и неправ-

дами» и использует всю свою силу и все свое влияние в деревне для того, чтобы переложить тяжесть налога на плечи середняков и бедноты.

Борясь против дороговизны жизни и стараясь сохранить устойчивость заработной платы, государство старается принять меры экономического характера, ведущие к тому, чтобы установить предельные, справедливые цены на сельско-хозяйственные продукты, вполне отвечающие интересам крестьянского хозяйства. Кулачество в ответ на это закупает продукты у бедноты и середняков, собирает большие запасы, держит их у себя в амбарах и не выпускает их на рынок для того, чтобы искусственно взвинтить цены на продукты, довести их до уровня спекулянтских цен и лишь после этого выпустить на рынок на предмет выколачивания бешенных спекулянтских прибылей. Вы знаете, должно-быть, что в некоторых губерниях нашей страны кулакам удалось в этом году взвинтить цены до 8 руб. на пуд хлеба.

Отсюда классовая борьба на этом фронте с ее своеобразными и более или менее скрытыми формами.

Может показаться, что лозунг разжигания классовой борьбы вполне применим к условиям борьбы на этом фронте. Но это не верно, совершенно не верно. Ибо мы здесь также не заинтересованы в разжигании классовой борьбы. Ибо мы вполне можем и должны обойтись здесь без разжигания борьбы и связанных с ним осложнений.

Мы можем и должны оживить советы, завоевать середняка и организовать бедноту внутри советов

для того, чтобы добиться налогового облегчения основной массы крестьянства и фактического переложения главной тяжести налога на плечи кулачества. Вы знаете, что мероприятия в этом направлении принимаются, и они уже дают благоприятные результаты.

Мы можем и должны держать в распоряжении государства достаточные продовольственные запасы, необходимые для того, чтобы давить на продовольственный рынок, вмешиваться (интервенция) в дело, когда это необходимо, поддерживать цены на приемлемом для трудящихся масс уровне и срывать, таким образом, спекулянтские махинации кулачества. Вы знаете, что на это дело ушло у нас в этом году несколько десятков миллионов пудов хлеба. Вы должны знать, что мы достигли на этой почве вполне благоприятных результатов, ибо мы не только добились сохранения дешевых цен на хлеб в таких районах, как Ленинград, Москва. Донбасс, Иваново-Вознесенск и т. д., но заставили еще кулака капитулировать в ряде районов, принудив его выбросить на рынок старые запасы хлеба.

Конечно, дело тут зависит не только от нас. Вполне возможно, что в некоторых случаях кулачество само начнет разжигать классовую борьбу, попытается довести ее до точки кипения, попытается придать ей форму бандитских или повстанческих выступлений. Но тогда лозунг разжигания борьбы будет уже не нашим лозунгом, а лозунгом кулачества, стало быть, лозунгом контр-революционным. Кроме того, несомненно, что кулачеству придется тогда испытать на своей спине все не-

выгоды этого лозунга, направленного против советского государства.

Как видите, лозунг разжигания борьбы не пригоден и для этого, второго, фронта.

Третий фронт. Действующими лицами выступают здесь две силы: беднота и, прежде всего, батраки, с одной стороны, и кулаки, с другой стороны. Государство стоит здесь формально в стороне. Как видите, фронт этот не так обширен, как предыдущие фронты. С другой стороны, классовая борьба на этом фронте совершенно ясна и открыта, тогда как она скрыта и более или менее замаскирована на предыдущих фронтах.

Дело идет здесь о прямой эксплуатации наемных или полунаемных со стороны кулака-предпринимателя. Поэтому мы не можем здесь заниматься политикой смягчения, умерения борьбы. Наша задача здесь состоит в том, чтобы организовать борьбу бедноты и руководить этой борьбой против кулачества.

Не значит ли это, что мы тем самым беремся разжигать классовую борьбу? Нет, не значит. Разжигание борьбы означает не только организацию и руководство борьбой. Оно означает вместе с тем искусственное взвинчивание и намеренное раздувание классовой борьбы. Есть ли необходимость в этих искусственных мерах теперь, когда мы имеем диктатуру пролетариата, и когда партийные и профессиональные организации действуют у нас совершенно свободно? Конечно, нет.

Поэтому лозунг разжигания классовой борьбы непригоден и для этого, третьего, фронта.

Так обстоит дело с третьим вопросом.

Как видите, вопрос о классовой борьбе в деревне не так уж прост, как это могло бы показаться на первый взгляд.

Наша политика по отношению к крестьянству некоторыми товарищами истолковывается, как расширение демократии для крестьянства и изменение характера власти в стране. Верно ли это истолкование?

Расширяем ли мы фактически демократию в деревне?

Да, расширяем.

Есть ли это уступка крестьянству?

Безусловно, есть.

Велика ли эта уступка, и укладывается ли она в конституции нашей страны?

Уступка тут, я думаю, не очень велика, и она ни на иоту не меняет нашу конституцию.

Что же мы меняем, в таком случае, и в чем собственно, выражается уступка?

Мы меняем практику работы в деревне, совершенно неудовлетворительную в новых условиях развития. Мы меняем установившиеся порядки в деревне, тормозящие дело смычки и расстраивающие работу партии по сплочению крестьянства вокруг пролетариата.

До сего времени дело обстояло так, что в целом ряде районов деревней управляла маленькая группа людей, связанная больше с уездом и губернией, чем

с населением деревни. Это обстоятельство вело к тому, что правители деревни больше всего глядели вверх, на уезд, и меньше всего вниз, на население деревни, чувствовали себя ответственными не перед деревней, не перед избирателями, а перед уездом и губёрнией, не понимая, очевидно, что «верх» и «низ» представляют тут одну цепь, и если цепь порвалась внизу, то должна пасть вся цепь. Результатом этого были бесконтрольность, самоуправство, произвол правителей, с одной стороны, недовольство и ропот в деревне—с другой. Вы знаете, что целый ряд предвиков и членов ячеек пошел в тюрьму на этой почве. Теперь таким порядкам в деревне кладется конец, решительно и бесповоротно.

До сего времени дело обстояло так, что в целом ряде районов выборы советов в деревне представляли не действительные выборы, а пустую канцелярскую процедуру протаскивания «депутатов», путем целого ряда ухищрений и нажима со стороны узкой группы правителей, боящихся потерять власть. Результатом этого было то, что советы из органов, близких и родных массам, рисковали превратиться в органы, чуждые массам, а руководство крестьянством со стороны рабочих, эта основа и крепость диктатуры пролетариата, рисковало повиснуть в воздухе. Вы знаете, что партия вынуждена была в виду этого добиться перевыборов советов, при чем перевыборы показали, что старая практика в целом ряде районов есть пережиток военного коммунизма, что она должна быть ликвидирована, как вредная и прогнившая насквозь практика. Теперь

такой практике выборов в деревне кладется конец, решительно и бесповоротно.

В этом основа уступки, основа расширения демократии в деревне.

Уступка эта нужна не только крестьянству. Она не менее нужна пролетариату, ибо она усиливает пролетариат, подымает его авторитет в деревне, укрепляет доверие крестьян к пролетариату. Основное назначение уступок и компромиссов вообще состоит, как известно, в том, чтобы они усиливали и укрепляли в последнем счете пролетариат.

Каковы пределы этих уступок в данный момент?

Пределы этих уступок намечены XIV конференцией РКП (б) и III съездом советов СССР. Вы знаете, что они не очень широки и ограничиваются теми рамками, о которых я только что говорил. Но это еще не значит, что они останутся незыблемыми на-веки. Наоборот, они, несомненно, будут расширяться по мере роста нашего народного хозяйства, по мере укрепления хозяйственной и политической мощи пролетариата, по мере развития революционного движения на Западе и Востоке, по мере усиления международных позиций советского государства. Ленин говорил в 1918 году о необходимости «распространения советской конституции, по мере прекращения сопротивления эксплуататоров, на все население» (см. соч. Ленина, т. XV, стр. 149). Речь идет здесь, как видите, о распространении конституции на все население, в том числе и на буржуазию. Это было сказано в марте 1918 года. С того времени до смерти Ленина прошло больше пяти

лет. Однако, Ленин ни разу не заикнулся за этот период о своевременности проведения в жизнь этого положения. Почему? Потому, что не пришло еще время для такого расширения. Но что оно придет когда-либо, когда внутренние и международные позиции советского государства укрепятся окончательно, в этом не может быть сомнения.

Вот почему мы, предвидя дальнейшее расширение демократии в будущем, считаем, однако, необходимым ограничить в данный момент уступки по линии демократии рамками, очерченными XIV конференцией РКП и III съездом советов СССР.

Меняют ли эти уступки характер власти в стране?

Нет, не меняют.

Вносят ли они изменения в систему диктатуры пролетариата в смысле ее ослабления?

Нисколько, ни в какой степени.

Диктатура пролетариата не ослабляется, а лишь укрепляется оживлением советов и привлечением к делу лучших людей из крестьянства. Руководство пролетариата в отношении крестьянства не только сохраняется, благодаря расширению демократии, но приобретает еще новую силу, создавая атмосферу доверия вокруг пролетариата. А, ведь, это главное в диктатуре пролетариата, когда речь идет о взаимоотношениях пролетариата и крестьянства в системе диктатуры.

Неправы товарищи, утверждающие, что понятие диктатуры пролетариата исчерпывается понятием насилия. Диктатура прлетариата есть не только насилие, но и руководство трудящимися

массами непролетарских классов, но и строительство социалистического хозяйства, высшего по типу, чем хозяйство капиталистическое, с большей производительностью труда, чем хозяйство капиталистическое. Диктатура пролетариата есть: 1) не ограниченное законом насилие в отношении капиталистов и помещиков; 2) руководство пролетариата в отношении крестьянства, и 3) строительство социализма в отношении всего общества. Ни одна из этих трех сторон диктатуры не может быть исключена без ущерба исказить понятие диктатуры пролетариата. Только все эти три стороны, взятые вместе, дают нам полное и законченное понятие диктатуры пролетариата.

Вносит ли какие-либо ухудшения в систему диктатуры пролетариата новый курс партии по линии советской демократии?

Нет, не вносит. Наоборот! Новый курс только улучшает дело, укрепляя систему диктатуры пролетариата. Если речь идет об элементе насилия в системе диктатуры, а выражением насилия является Красная армия, то едва ли нужно доказывать, что насаждение советской демократии в деревне может лишь улучшить состояние Красной армии, сплачивая ее вокруг Советской власти, ибо армия у нас по преимуществу крестьянская. Если речь идет об элементе руководства в системе диктатуры, то едва ли можно сомневаться в том, что лозунг оживления советов может лишь облегчить пролетариату это руководство, укрепив доверие крестьян к рабочему классу. Если же речь идет

об элементе строительства в системе диктатуры, едва ли нужно доказывать, что новый курс партии может лишь облегчить строительство социализма, ибо он пущен в ход для укрепления смычки, а строительство социализма без смычки невозможно.

Вывод один: уступки крестьянству в данной обстановке усиливают пролетариат и упрочивают его диктатуру, не меняя ни на иоту характера власти в стране.

(Из книги „Вопросы и ответы", изд. 2-е. Гиз. — 1925 г.).

Столбовой путь к социализму в нашей стране.

Враги рабочего класса и крестьянства доказывали, что всякая попытка осуществить социалистический строй означает на самом деле не что иное, как всеобщее обеднение и «равенство в нищете». Враги рабочего класса, которые в годы нашей гражданской войны душили и мучили нашу страну и тем самым вызывали ее нищету и ее разорение, говорили, что эта нищета и разорение вытекают именно из самой сущности социализма и коммунизма. Конечно, все это сплошной вздор. Задача нашей партии заключается в том, чтобы поднять на небывалую высоту богатство нашей страны; а затем и всего мира: не богатство отдельных лиц, не богатство отдельных групп миллионеров, частных капиталистов, спекулянтов, банкиров, биржевиков и т. п., а богатство всего народа, всех трудящихся в целом, богатство страны и стран, которые отвоеваны от прежних господствующих классов. Мы должны быть проводниками наилучшей техники, наилучших способов обработки почвы, наилучших методов организации труда; словом, наша роль, наше значение в такое время, когда мы отвоевали власть у капиталистов и помещиков, сводится, в

первую очередь, к тому, чтобы быть носителями всяческих хозяйственных улучшений. Что касается промышленности, то эти улучшения сводятся к тому, чтобы строить новые, все более крупные заводы, чтобы переходить на электрическую энергию, чтобы подводить основы электрификации под работу всей промышленности, чтобы вводить более правильную, более планомерную организацию этой промышленности и труда в ней; чтобы все больше и больше итти к такому порядку вещей, когда вся промышленность была бы объединена общим планом, при котором ничего не пропадает зря, не делается никаких лишних трат и расходов, и при котором поэтому себестоимость производства на производимые продукты становится все меньшей и меньшей. Однако, такого рода плановое хозяйство в промышленности само по себе немыслимо: ведь, наша промышленность работает в огромной степени на крестьянский рынок, потребителями продуктов промышленного производства являются, в первую очередь, наши крестьянские хозяйства. Чтобы был точный план в промышленности, для этого необходимо знать, сколько будут потреблять крестьянские хозяйства, для этого нужно строго учитывать, сколько и каких продуктов будут запрашивать эти крестьянские хозяйства от государственной промышленности. Чтобы промышленность имела все больше и больше возможностей для своего развития, для этого необходимо, чтобы развивалось и само крестьянское хозяйство; а с другой стороны, необходимо также, чтобы это крестьянское хозяйство было само все более и более организо-

ванным, было бы таким хозяйством, где отдельные дворы и отдельные маленькие хозяйства все больше и больше шли бы по пути к взаимной связи друг с другом. Очень часто приходится слышать со стороны крестьян жалобы на то, что они живут хуже рабочих, работают в день больше, не могут и мечтать ни о каком 8-часовом рабочем дне и т. д., и т. п. Но, ведь, не трудно понять, что все это происходит из-за страшной отсталости самого крестьянского хозяйства по сравнению с фабрикой и крупным производством. Крестьянское хозяйство — это то же самое, что в области промышленного производства маленькое хозяйство ремесленника или кустаря: тот тоже сидит в своем маленьком хозяйстве, трудится дни и ночи напролет и, тем не менее, не может выдержать никакого сравнения с крупной фабрикой, на которой есть и лучшие машины, и лучшая организация труда, и лучшее использование топлива, сырья и проч. Таким образом, если крестьянство хочет добиться всерьез и надолго крупных улучшений в своей жизни, оно должно итти по пути к своему объединению. Само собой разумеется, что нельзя думать, будто можно уговорить, или даже будто следует уговаривать крестьянство сразу переходить всем до одного к объединению своих земельных наделов. Старые привычки и старые способы хозяйства так въелись в людей, что переломить круто эти привычки не представляется возможным. И тем не менее, крестьянство, исходя из интересов своего частного хозяйства, отдельного и маленького

двора, неизбежно пойдет по пути своего объединения и тем самым все дружнее будет смыкаться с пролетарской государственной промышленностью. Каким образом можно представить себе это развитие? Это развитие пойдет через кооперацию. Любое крестьянское хозяйство заинтересовано в том, чтобы лучше и выгоднее сбывать продукты своего производства, любое крестьянское хозяйство заинтересовано в том, чтобы возможно выгоднее и дешевле покупать необходимые ему продукты городской промышленности: и по линии так называемого потребительского спроса (покупка мануфактуры, обуви и тому подобных продуктов непосредственного потребления), и по линии спроса производительного (закупка всевозможных средств производства, как-то: улучшения семян, сельско-хозяйственных орудий и проч.). Точно так же любое частное крестьянское маленькое хозяйство заинтересовано в том, чтобы иметь в случае нужды возможно более дешевый кредит. И вот, это обстоятельство, которое не только не противоречит интересам частного хозяйства, но непосредственно из этих интересов вытекает и этими интересами диктуется, это обстоятельство толкает крестьянство на путь его кооперативного объединения. Так было решительно повсюду, решительно во всех странах мира. Чтобы выгоднее закупать продукты промышленности или продукты сельского хозяйства других стран (например, лучшие семена или лучшие породы скота и т. д.), крестьянство органи-

зовывало закупочные кооперативные общества. Отдельные крестьяне организовывались, совместно создавали кооператив, выбирали правление своего кооператива, вносили паи и получали, таким образом, возможность гораздо более организованным путем покупать необходимые им предметы. Здесь вместо отдельных лиц, действовавших вразброд, на свой страх и риск, выступала уже целая организация, которая имела возможность лучше разузнать, где выгоднее и что выгоднее купить; которой продавец, естественно, доверял больше, чем отдельному лицу, и поэтому готов был итти на известный кредит; так как, с другой стороны, такая организация покупала гораздо больше, чем отдельное лицо, отдельный крестьянин, и так как оптовые цены всегда дешевле, чем цены розничные, то совершенно понятно, что при такого рода кооперативных закупках крестьяне-покупщики сберегали себе изрядное количество грошей; если при этом принять в соображение, что общая перевозка и организованное распределение дают тоже немало выгоды, по сравнению с тем случаем, когда каждый крестьянин отдельно должен запрягать свою кобылу, ехать в город, и каждый отдельно привозить необходимый ему товар, то станет понятным, что и этого рода расходы точно так же во много раз уменьшаются при кооперативных закупках. Таким образом, отдельное крестьянское хозяйство, ни капли не нарушая обычных для него способов ведения хозяйства, в то же самое время, под влиянием своих же собственных, частных, мелко-хозяйских интересов, приходит к созданию о б щ е с т в е н н ы х организаций, именно— кооперативов по закупкам.

Или возьмем другой случай, а именно продажу продуктов крестьянского производства: продажу молока, яиц, мяса, хлеба и т. д. Если отдельный крестьянин или крестьянка тащится со своей кружкой и ведром вразброд и особо на городской рынок, то это одно; если же крестьяне объединяются в общий кооператив по сбыту, то они, благодаря лучшему знакомству с запросами рынка, лучшей организации поставки, экономии на всех накладных расходах, транспорте, перевозке, хранении и проч., неизбежно выигрывают и тем самым получают больше дохода, чем в том случае, когда они выступают отдельно и неорганизованно. Общий сбыт продуктов своего производства в некоторых отраслях производства приводит довольно быстро и к организации самого производства. Так, например, почти во всех странах, в том числе и у нас, замечалось и замечается, что крестьяне, имеющие кооперативы по сбыту молока, быстро заинтересовываются в том, чтобы перейти и к совместной продаже через свои кооперативы всевозможного рода молочных продуктов, как-то: сыра, масла и проч. А отсюда один шаг к тому, чтобы перейти к организации общих кооперативных маслобойных заводов или кооперативных сыроварен. Отдельные крестьянские дворы организуют общий маслобойный завод, выписывают и сообща закупают нужные машины — сепараторы и пр. В этот маслобойный завод несут молоко, производимое в их отдельных хозяйствах, и затем получают соответствующую выручку путем организованной кооперативом продажи масла, сыра и т. д. В резуль-

тате эта выручка, идущая, за известными вычетами на содержание и развитие общего кооператива, в карман частного хозяйства, оказывается неизбежно выше, чем та выручка, которая получается у отдельных, не организованных в кооперативы, производителей. Здесь мы видим, следовательно, такой случай, когда от организации торговли крестьяне переходят уже к о р г а н и з а ц и и с о в м е с т н о г о п р о и з в о д с т в а.

Так же обстоит дело, например, и в таких районах, где производится картофель. Там нередко крестьяне приходят к необходимости организовать собственные заводы, занимающиеся п е р е р а б о т к о й к а р т о ф е л я, — крахмало-терочные заводы. Сходные общие кооперативные предприятия имеются и в других отраслях: например, сушка фруктов и овощей, кооперативное производство вина в районах, где крестьянство занимается возделыванием винограда, производство консервов из рыбы в тех местностях, где крестьянство занимается по преимуществу рыболовством, и т. д., и т. п.

Наконец, кооперативные организации к р е д и т а точно так же ни в малой степени не противоречат интересам частного производителя-крестьянина. Наоборот, кредитные кооперативные товарищества точно так же, как и кооперативы по сбыту и по закупкам, а равно и по организации отдельных производственных отраслей, неизбежно приносят выгоду этим крестьянским хозяйствам; и поэтому совершенно не случайно, что во всех странах крестьянство идет по этому пути.

О д н а к о, е с т ь с у щ е с т в е н н а я, п р я м о-

так и гигантская разница между условиями развития сельско-хозяйственной кооперации в капиталистических странах, с одной стороны, в нашем Советском Союзе — с другой. При капиталистическом режиме все виды крестьянской кооперации неизбежно подпадают под влияние капиталистического хозяйства. Громадная мощная промышленность находится в руках у буржуазии, могущественная кредитная система, во главе с чрезвычайно сильными банками, принадлежит кучке крупнейших капиталистов, транспорт, железные дороги находятся точно так же в руках либо частных капиталистов, либо буржуазного государства. Весь город, по сути дела, находится в распоряжении буржуазии; его влияние на деревню, в которой, кроме того, командуют помещичье-капиталистические верхушки, владельцы огромных имений, — это влияние является решающим. Кооперативные организации при таком положении вещей, если они развиваются, неизбежно подпадают под хозяйственное руководство буржуазии и помещиков, постепенно срастаются с хозяйственными организациями этих капиталистов и помещиков и в значительнейшей мере сами превращаются в особого рода капиталистические организации, опирающиеся на использование и эксплуатацию наемного труда. В самом деле, предположим, что у сельско-хозяйственной кооперации, все равно какой, имеется свободный капитал, который неизбежно образуется, если только эта кооперация развивается, а не чахнет. Само собой понятно, что в целом ряде слу-

чаев — и чем дальше, тем больше — этот свободный капитал вкладывается непосредственно или косвенно в различного рода банковые учреждения (или в частные банки, или в государственный банк, который находится в распоряжении буржуазного государства). В этом случае получается «сращивание» между кооперативной организацией и буржуазным банком. Кооперация попадает в несомненную зависимость от этого банка и через такого рода экономическую смычку подчиняется хозяйственному (а в силу этого, политическому) руководству со стороны буржуазии. Если мы имеем перед собою закупочные кооперативы, то этим кооперативам приходится иметь дело с буржуазными синдикатами и трестами, т.-е. с организациями крупных заводчиков и фабрикантов. И здесь неизбежно получается, таким образом, экономическая смычка и экономическая зависимость от организаций крупного капитала, которые связываются с кооперативами целой сетью взаимных договоров относительно поставок, кредитных обязательств и т. п.

Точно так же обстоит дело, если речь идет о кредитных товариществах, которые еще более тесно связываются с буржуазными банками и попадают в непосредственную от них зависимость. Таким образом, общие условия развития кооперации в пределах капиталистического строя, даже в том случае, если кооперативные организации являются организациями неэксплуататорских слоев крестьянства, т.-е. не кулацкими организа-

циями, а организациями трудового крестьянства,— даже в этом случае эти кооперативы неизбежно. самым ходом вещей, в силу общих условий своего развития, в силу того, что они вынуждены работать в тех рамках, которые ставит им господство капиталистического строя, превращаются в органы громадной хозяйственной машины капиталистического порядка, частями которой они необходимо становятся. Кооперативные организации, таким образом, врастают в обще-капиталистический механизм, становятся его составной частью, растут с ним, сами превращаются в своего рода капиталистические предприятия.

Наконец, огромнейшее значение имеет то обстоятельство, что в условиях капиталистического строя, где вся наука, вся техника, все образование, вся школа и вся пресса (печать) находятся в распоряжении буржуазии, кадровый состав кооперативов (члены правлений, руководящие и командующие люди, советчики, агрономы, счетоводы и т. д.) происходит обычно из буржуазных слоев. Поэтому они в кооперативах гнут такую линию, которая выгодна для господствующей буржуазии, линию, которая всячески замазывает противоположность интересов между трудом и капиталом, между крестьянами и помещиками. Нередко можно видеть в Западной Европе и Америке, что во главе кооперативных крестьянских организаций стоят даже крупные помещики, попы и преданные им не за страх, а за совесть различного рода их агенты.

Если какая-нибудь кооперативная организация пожелала бы вести свою особую, самостоятельную, против капитализма направленную, политику, то она неизбежно была бы тем самым обречена на гибель, она подверглась бы своеобразному хозяйственному бойкоту со стороны мощных капиталистических организаций: она не получала бы кредита или получала бы его на худших условиях, чем другая кооперативная организация, настроенная верноподданнически по отношению к капитализму; она не могла бы нигде покупать необходимые ей продукты промышленности на таких же условиях, как другие кооперативы, и т. д.

Все эти причины определяют собою путь развития крестьянской кооперации в условиях капиталистического хозяйства.

Совсем другие условия имеются налицо при нашем строе, т.-е. при строе пролетарской диктатуры. Общие рамки кооперативного развития определяются у нас не тем, что фабрики, заводы, рудники, железные дороги и банки находятся в руках у буржуазии, а тем, что вся крупная промышленность, транспорт и кредитная система находятся в распоряжении пролетарского государства. Следовательно, если у нас, при общем развитии производительных сил в нашей стране, город все в большей степени будет становиться хозяйственным руководителем деревни и все в большей степени будет налаживать экономическую смычку, то, если будет крепнуть наше государственное хозяйство, это будет означать растущую смычку пролета-

риата с крестьянством. Крестьянская кооперация будет неизбежно врастать в систему пролетарских хозяйственных органов, точно так же, как в условиях режима буржуазного она врастает в систему органов хозяйства капиталистического. Если при капиталистическом режиме всякая кооперативная организация, которая захотела бы стать на путь развития, противоречащий капитализму, постепенно душилась кредитными и другими хозяйственными учреждениями буржуазии, то в условиях пролетарской диктатуры, наоборот, будут пользоваться всемерной поддержкой именно трудовые кооперативы, кооперативы середняков и бедноты, которые будут получать льготы по сравнению с кооперативами кулаков и деревенских богатеев, т.-е. сельскохозяйственной буржуазии. Наконец, кадровый состав кооперации, кооперативные работники, кооперативные служащие и руководители всех видов, при пролетарской диктатуре образовываются не буржуазией, а специально обучаются и готовятся, в соответствующих учебных заведениях и на практике, таким образом, чтобы все лучше и лучше вести работу, необходимую с точки зрения строительства нового общества, а не с точки зрения служения крупному капиталу. Здесь видна вся громадная разница между условиями развития деревни при господстве капитализма и условиями развития этой деревни при господстве пролетарской диктатуры. Нельзя себе представлять, что развитие при нашем строе будет таким же, как при строе капиталистическом. Власть Советов, диктатура рабочего класса вовсе не есть

только политическая власть, и наше государство отличается от буржуазного государства не только тем, что оно находится в распоряжении другого класса, но также и тем, что оно держит в своих руках всю крупную промышленность и транспорт и поэтому является громаднейшей, мощной экономической, хозяйственной силой, силой, которая накладывает свой отпечаток на все развитие страны в целом, и в том числе на все развитие деревенских отношений.

Если крестьянские кооперативы будут, в общем и целом, врастать в систему хозяйственных органов пролетарского государства, это будет означать хозяйственное руководство со стороны пролетариата, это будет означать укрепление союза рабочих и крестьян, это будет означать, что мы идем крупными шагами по пути к социализму.

В самом деле, при общем подъеме народного хозяйства, у нас будет расти все больше и больше государственная промышленность, которая все теснее и теснее, через кооперацию, будет срастаться с крестьянским хозяйством. Само крестьянское хозяйство будет, незаметно для себя и все время с выгодой для себя, постепенно и медленно переделываться и перерабатываться. Прежде распыленные и раздробленные, ничем хозяйственно между собой не связанные, крестьянские дворы все больше и больше будут объединяться между собою на почве закупок, продажи и кредита, смыкаясь на этом деле с хозяйственными органами пролетарского государства. С другой стороны, от общественных закупок и общественных продаж, от общих организаций

кредита крестьяне будут постепенно переходить к организации своих кооперативных маслобойных заводов и вообще заводов и фабрик по переработке продуктов земледельческого хозяйства и животноводства.

Этот процесс организации будет итти все дальше и глубже, по мере того, как крестьянство на собственном опыте будет все больше и больше убеждаться в выгодности перехода к коллективным формам труда. Через совместную закупку машин крестьяне будут переходить и к коллективному использованию их. Отрасль за отраслью крестьянское хозяйство будет, таким образом, подобно маслобойным заводам, организовываться уже на новых началах. Вместе с этим развитие крупной городской промышленности и возрастающее накопление материальных средств государственного хозяйства дадут возможность усиленной электрификации сельского хозяйства. Подача электрической энергии целому ряду крестьянских хозяйств окажет, в свою очередь, еще более мощный толчок к переходу на коллективные формы обработки самой земли, потому что с переходом на электрическую энергию будет становиться уже совсем ясным вся выгода коллективных форм использования этой электрической энергии. Ибо на долю каждого крестьянского двора, на долю каждого отдельного крестьянского хозяйства будет падать гораздо меньшее количество расходов, если трата электрической энергии будет производиться не отдельным крестьянским двором, а целыми объединениями этих дворов. Таким образом, процесс организации крестьянского хозяйства, который начнется с ко-

оперативной организации торговли, перекидывается постепенно через организацию производства по переработке продуктов крестьянского хозяйства и на сельскохозяйственное производство в прямом смысле этого слова. С переходом на электрификацию этот процесс получает свое наиболее полное завершение. Так растет все более и более становящаяся организованной система крестьянских хозяйств, которые из отдельных и распыленных единиц превращаются в одно организованное целое. Крестьянские хозяйства постепенно переделывают свою собственную природу, смыкаются вместе и срастаются в одно, еще более громадное целое с государственной промышленностью. А такого рода хозяйственная цепь, которая организована во всех своих частях, по сути дела и есть социализм.

Таким путем мы приходим к социализму, несмотря на хозяйственную и техническую отсталость, которой теперь отличается еще наша страна. Конечно, этот путь в условиях технической и экономической отсталости есть путь очень долгий. Но, тем не менее, это есть верный путь, путь, по которому мы придем к социализму, если только будем вести правильную политику по отношению к крестьянству.

Рост кооперации и классовая борьба в деревне.

Когда мы говорим, что в условиях пролетарской диктатуры рост кооперации означает, по сути дела, рост социализма, это вовсе не означает еще, что весь этот процесс будет проходить совершенно гладко, без внутренних трений. Наоборот, можно сказать,

что ход развития через кооперацию к социализму будет сопровождаться, в особенности первое время, т.-е. до тех пор, пока государственная промышленность не в состоянии будет подвести фундамента электрификации под все сельское хозяйство, классовой борьбой между различными группами и различными слоями крестьянства, которые, со своей стороны, будут находиться в разных отношениях с рабочим классом. Сейчас у нас, как мы уже об этом говорили раньше, имеется налицо целый ряд слоев в крестьянстве, неодинаковых по своему социальному положению. Эти разные слои крестьянства, несомненно, будут по-разному строить кооперацию и в ходе кооперативного строительства будут бороться между собою за влияние. Уже самые задачи и цели, которые ставят себе кооперативные организации, несколько разнятся в зависимости от того, какой слой крестьянства имеется в виду. Если, например, мы говорим о крестьянской бедноте, о бесло-шадных, которые не в состоянии справиться со своими наделами, у которых нет инвентаря и самых элементарных средств производства, то нам будет совершенно ясно, что эти слои крестьянства должны неизбежно тяготеть к разного рода коллективным хозяйствам (колхозам) в непосредственном смысле этого слова. Организовывать теперь же товарищества по сбыту своих продуктов им невозможно, потому что, по сути дела, им и сбывать-то почти нечего; они должны пройти еще через такую полосу своего развития, когда они будут становиться на ноги и мало-мальски поднимать производство,

чтобы потом перейти уже к сбыту все большей части своей продукции на рынок. Пока они не достигли такой ступени своего развития, т.-е пока они еще переживают время отчаянной нужды, самым важным для них является общая закупка инвентаря, рабочего скота, машин и совместное использование этого скота и этих машин на коллективных началах. Поэтому колхозы являются естественной формой организации бедняцких хозяйств. Однако, нужно сказать, что непосредственный переход к такого рода хозяйству требует очень крупной ломки старых привычек, унаследованных от дедов и отцов, и поэтому вряд ли можно думать, что колхозное движение захватит собою всю широкую массу крестьянской бедноты. Середняцкие хозяйства, поднимаясь и становясь все более и более прочно на ноги, будут, конечно, организовываться в сельскохозяйственную кооперацию по всем трем основным линиям, о которых мы писали выше: и по линии закупок, и по линии сбыта, и по линии кредита. Основной массой, основным ядром крестьянства является, в первую очередь, крестьянин-середняк. Поэтому основной формой кооперации является точно так же сельскохозяйственная кооперация соответствующего вида. Зажиточные и крупные крестьяне равным образом будут стремиться создавать свои кооперативные организации, в том числе и кредитные, и будут стараться делать эти организации своими опорными пунктами. Так как классовая борьба в деревне начнет отмирать еще только через очень значительный промежуток времени, так как в бли-

жайшем будущем мы будем иметь перед собою процесс расслоения крестьянства, т.-е. выделение его зажиточной верхушки, с одной стороны, и сельско-хозяйственных пролетариев и полупролетариев — с другой, то совершенно очевидно, что будет итти классовая борьба и между различными ячейками обще-кооперативной организации и внутри одних и тех же кооперативов: вопрос о выборах правления, о выборах должностных лиц, о паях и об их величине, об уставе кооперативных организаций, о политике, которую должно вести правление, и т. д., и т. п.; на всех этих отдельных вопросах будут развиваться целые («мирные», конечно) сражения между различными слоями крестьянства.

Таким образом, картина будет представляться довольно пестрой. В общей сети кооперативных организаций мы будем иметь и кулацкие ячейки, быть-может, иногда и чисто-кулацкие, и бедняцкие, и середняцкие, и ячейки смешанного типа. Однако, в этой картине будет все же известный основной фон. Ведь, нужно иметь в виду, что, несмотря на процесс расслоения крестьянства, все же будет сохраняться его основное ядро, а именно крестьянин-середняк, эта, как выражался тов. Ленин, «центральная фигура нашего земледелия». Если даже в условиях капитализма, при капиталистическом городе и при диктатуре буржуазии, сохраняется все же относительно довольно устойчиво слой средних крестьян, то в условиях рабочей диктатуры крестьянство будет разлагаться нисколько не более быстро, а, наоборот, более

медленно. С другой стороны, по мере того, как государственная власть будет все больше и больше сказываться в состоянии подавать руку материальной помощи крестьянской бедноте и середняку, мы будет иметь новый поворот к поравнению, но уже на совершенно иных основаниях, чем раньше. Раньше мы в той или иной форме отнимали у зажиточных, у кулаков, и отдавали отнятое беднякам, т.-е. зажиточных делали более бедными, и таким образом достигали, как это было, например, во время комбедов, известного поравнения. Теперь же будет другое, а именно: все быстрее и быстрее будет вылезать из нищеты крестьянин-середняк и бедняк при помощи своих кооперативных организаций, пользующихся особым покровительством, особыми льготами, особой поддержкой, материальной и всякой иной, со стороны государственной власти рабочего класса.

Чем больше будет двигаться вперед все народное хозяйство в целом и чем быстрее будет расти наша государственная промышленность, тем все более мощной будет поддержка именно этих слоев крестьянства, которые будут по уровню своей жизни догонять зажиточную деревенскую верхушку, но которые в то же самое время будут расти не за счет эксплуатации, не за счет чужого труда, а в силу улучшенных способов ведения своего хозяйства и объединения усилий ряда крестьянских дворов через кооперативную организацию, которые будут, следовательно, переходить ко все более и более коллективной форме хозяйствования. Таким образом, ос-

новная сеть наших кооперативных крестьянских организаций будет состоять из кооперативных ячеек не кулацкого, а «трудового» типа ячеек, врастающих в систему наших обще-государственных органов и становящихся таким путем звеньями единой цепи социалистического хозяйства. С другой стороны, кулацкие кооперативные гнезда будут точно так же, через банки и т. д., врастать в эту же систему; но они будут до известной степени чужеродным телом, подобно, например, концессионным предприятиям. Что будет с этого рода кулацкими кооперациями в дальнейшем? Предположим, например, что у нас есть кредитное товарищество, во главе которого стоят кулаки, пользующиеся там всем авторитетом. Этот кулацкий кооператив, если он хочет процветать, неизбежно должен быть, так же, как и все прочие, связан с экономическими государственными органами; он, например, будет вносить свою свободную наличность в наши банки для того, чтобы получать определенный процент; даже в том случае, если бы возникли свои собственные банковские организации у подобного рода кооперативов, все равно они неминуемо должны были бы быть связанными с могущественными кредитными учреждениями пролетарского государства, имеющими в своем распоряжении основные кредитные средства страны. Кулаку и кулацким организациям все равно некуда будет податься, ибо общие рамки развития в нашей стране заранее даны строем пролетарской диктатуры и уже в значительной степени выросшей мощью хозяйствен-

ных организаций этой диктатуры. Если кулак является волей-неволей вкладчиком в наши банки, если он волей-неволей начинает быть связанным целым рядом отношений с нашими хозяйственными органами, то он неизбежно будет втиснут в определенные границы. Конечно, можно, вообще говоря, было бы представить себе такое положение вещей, когда кулацкое хозяйство нарастало бы со страшной стремительностью, когда накопление в этих хозяйствах шло бы гораздо быстрее, чем во всей государственной промышленности, и когда кулак, таким образом, перерос бы всю остальную экономику и, сомкнувшись с частным торговым капиталом, опрокинул бы весь строй — и экономический, и политический — пролетарской диктатуры. Но это предположение является совершенно невероятным. Ибо предположить, что кулацкие хозяйства будут расти быстрее, чем вся государственная промышленность, — это означало бы предположить нечто, прямо противоположное действительности. При развитии нашего народного хозяйства в целом быстрее всего будет развиваться ставшая уже на ноги крупная промышленность, которая находится целиком в руках пролетарского государства. Этот рост будет определять собою все и будет служить достаточной гарантией того, что кулак, или зажиточный крестьянин, нанимающий нескольких сельскохозяйственных рабочих, должен будет подчиняться нашему общему строю.

Пролетарское государство, которое заинтересовано в росте «некапиталистических», т.-е. социали-

стических, форм хозяйства, само собою разумеется, не может относиться одинаково к кооперативам трудовым и к кооперативам кулацкого типа; оно будет, как мы уже упоминали выше, всемерно поддерживать кооперативы бедноты и середняков. В этом, между прочим, будет выражаться классовая борьба, классовая помощь пролетариата наиболее близким к нему слоям в борьбе этих слоев против кулаков или сельскохозяйственной буржуазии.

Строительство социализма и формы классовой борьбы.

В нашей стране в настоящее время имеются три класса, из которых два класса — рабочие и крестьяне — являются основными классами нашего общества и нашего строя, а третий класс — буржуазия (кулаки, нэпманы и т. д.) — существует лишь постольку, поскольку он «допущен» до известной степени и на определенных условиях «к сотрудничеству» с рабочим классом и крестьянством. Мы видели выше, что из того положения, которое занимает теперь рабочий класс, как класс господствующий, вытекает целый ряд основных выводов для политики рабочего государства. Основной и главный вывод, как мы об этом уже говорили, заключается в следующем: в то время, как при капиталистическом строе задачей рабочего класса являлось разрушение общества, в условиях пролетарской диктатуры задачей рабочего класса

является не разрушение строя пролетарской диктатуры и нового создаваемого общества, а, наоборот, его всемерная поддержка, укрепление его, руководство им. Из этого, в свою очередь, неизбежно следуют и другие выводы, а именно выводы, касающиеся самой формы классовой борьбы в нашем обществе. Классовая борьба, как мы отлично знаем, не прекращается и не отмирает сразу, а будет продолжаться очень и очень долгое время, пока не исчезнет навсегда деление на классы вообще. Но уже теперь мы видим, как неизбежно меняются вопрос о главном пути классовой борьбы и вопрос о формах этой борьбы. В капиталистическом обществе, где дело пролетариата заключается в том, чтобы разрушить это общество, постоянной задачей является всемерное обострение и разжигание классовой борьбы до тех пор, пока эта классовая борьба не примет самой ожесточенной своей формы, а именно формы гражданской войны и вооруженной борьбы со стороны трудящихся масс против господствующего капиталистического режима. В этой борьбе старое общество лопается сверху донизу, и положение классов, в конце-концов, делается совершенно иным: так-называемые «низшие» угнетенные классы становятся наверху, эксплуататоры становятся классом, сопротивление которого подавляется и которому приходится, после своего разгрома, подчиниться новой власти, власти пришедших с низов классов. Итак, в капиталистическом строе задача рабочего класса — ве-

сти линию на обострение классовой борьбы, на превращение ее в гражданскую войну. Партия рабочего класса в пределах капиталистического строя является партией гражданской войны. Положение совершенно перевертывается, когда рабочий класс берет власть в свои руки, опираясь при этом на широкие слои крестьянства. Поскольку диктатура буржуазии разбита и поскольку на ее место уже стала диктатура пролетариата, постольку задачей рабочего класса является укрепление этой диктатуры и защита ее от всяких на нее посягательств. Партия рабочего класса в таких условиях становится партией гражданского мира, т.-е. требует подчинения рабочему классу со стороны прежде господствующих классов, слоев и групп; она требует от них гражданского мира, и рабочий класс карает и преследует теперь всех нарушителей этого гражданского мира, всех заговорщиков, саботажников, — словом, всех, кто мешает делу мирного строительства нового общества.

В своем собственном государстве рабочий класс, после того, как он отбил все нападения врагов и обеспечил мирную строительную работу, уже не проповедует внутри страны гражданской войны, а проповедует внутреннее замирение на основах признания полностью новой власти, ее законов, ее учреждений и на основании подчинения этим законам и этим учреждениям со стороны всех слоев, в том числе и бывших противников этой власти. В соответствии с этим появляется и изменение

в самих формах классовой борьбы. Поясним это рядом примеров. Возьмем, прежде всего, отношение к буржуазии. В пределах капиталистического строя по отношению к ней мы проповедывали развитие борьбы вплоть до применения вооруженной силы. Конечно, если бы буржуазия пыталась и теперь выступать против нас с оружием в руках, как она это делала в 1917, 1918, 1919 и т. д. годах, то мы тотчас же пустили бы в ход нашу вооруженную силу и расправились бы с таким противником так, как он этого заслуживал бы. Но сейчас у нас совершенно другое положение. Сила Советской власти и прочность ее настолько очевидны, что для буржуазных слоев нашего общества (нэпманов) совершенно очевидна полная безнадежность всяких попыток повести против нового строя активную и острую политическую борьбу. Этим слоям волей-неволей приходится мириться с существующим порядком вещей. В определенных рамках этой буржуазии разрешена хозяйственная деятельность. Мы вовсе не запрещаем теперь частную торговлю, мы допускаем ряд частных предприятий, мы не запечатываем уже частных лавок, мы даем, следовательно, известную возможность существования для этих кругов. Значит ли это, что прекращается классовая борьба? Нет, никоим образом. Но эта борьба существеннейше изменила свою форму. Со стороны рабочего класса она продолжает вестись: наше законодательство, гарантирующее рабочее дело, обеспечивающее определенные права за профессиональными союзами, заставляющее платить частного предпринимателя страховые взносы, лишающие эти

предпринимательские круги избирательных прав в политические органы власти и т. д. — это есть новая форма классовой борьбы. Система налогового обложения, при которой соответствующим образом облагаются доходы и прибыли капиталистических предприятий, это налоговое обложение буржуазии, такое, какого нет ни в одной стране, — это точно так же новая форма классовой борьбы. Конкурренция со стороны государственной промышленности, государственной торговли, кооперации — это есть опять-таки новая форма классовой борьбы. Когда наше государство дает особые льготы и преимущества кооперативным предприятиям, когда это государство особо финансирует, т.-е. поддерживает денежными средствами кооперативные организации, когда оно в законодательном порядке обеспечивает за ними бо́льшие права, — все это есть новая форма классовой борьбы. Если в процессе конкурренции на рынке государственная промышленность, торговля, кооперация вытесняют постепенно частного предпринимателя, — это есть победа в классовой борьбе, но победа не в механическом столкновении сил, не при помощи вооруженной схватки, а совершенно в новой оболочке, которой не было раньше, которая при капиталистическом режиме была совершенно немыслимой для рабочего класса и крестьянства.

Точно так же меняется форма классовой борьбы и в деревне. Правда, то тут, то там классовая борьба в деревне вспыхивает в прежних своих проявлениях, при чем это обострение вызывается обычно кулацкими элементами. Когда,

например, кулаки или наживающиеся за чужой счет и пролезшие в органы Советской власти люди начинают стрелять по селькорам, это есть проявление классовой борьбы в самой острой форме. Однако, такие случаи бывают обычно там, где еще советский местный аппарат является слабым. По мере улучшения этого аппарата, по мере укрепления всех низовых ячеек Советской власти, по мере улучшения и усиления местных деревенских партийных и комсомольских организаций, такого рода явления будут, как это совершенно очевидно, становиться все более редкими и в конце-концов бесследно исчезнут. Еще всего несколько лет тому назад главной формой классовой борьбы внутри деревни был непосредственный административный нажим на деревенскую верхушку: вначале постоянные конфискации и реквизиции у более зажиточного крестьянства и передача этого конфискованного добра в пользу бедноты (время комбедов); затем, по сути дела, система постоянных и произвольных нажимов, которые чрезвычайно затрудняли, а иногда и делали совершенно невозможным хозяйственное продвижение вперед и соответствующую деятельность зажиточных слоев деревни, в первую очередь, деревенской буржуазии. В то время, как в городе уже с самого начала новой экономической политики мы разрешали хозяйственную деятельность частным торговцам и предпринимателям, в деревне, по сути дела, для деревенской буржуазии ставились такого рода рогатки, которые эту деятельность сильно ограничивали или делали ее почти невозможной. Теперь (лето 1925 года) мы

приходим к тому, чтобы отменить на практике такого рода систему и даем большую свободу движения буржуазным элементам деревни. Но это вовсе не означает, что мы перестаем вести классовую борьбу против деревенской буржуазии. Это вовсе не означает, что мы отказываемся поддерживать бедняков и середняков против эксплуататорских слоев. Мы лишь меняем форму нашей классовой борьбы против мелких деревенских капиталистиков. Мы переходим к новой, более целесообразной в настоящих условиях, форме этой классовой борьбы.

В городе мы вовсе не запечатываем лавки частного торговца, мы допускаем его «работу». В результате мы получаем от этого большее оживление товарооборота во всей стране. А этот торговец является покупателем и у нашей государственной промышленности, и у нашей оптовой государственной торговли; он, с другой стороны, продает, — поскольку наша собственная государственная и кооперативная товаропроводящая сеть является очень слабой, — наши товары в различные уголки нашей страны. При этом, конечно, он наживается и получает в свои руки торговую прибыль или часть этой торговой прибыли. И тем не менее, независимо от своей воли, он способствует, благодаря общему оживлению товарооборота, и росту нашей государственной торговли, более быстрому оборачиванию общего капитала страны, и в том числе капитала нашей государственной промышленности и нашей государственной торговли. Быстрее поэтому вертится и машина самого производства, быстрее идет

процесс накопления, и поэтому скорее увеличивается мощность нашей государственной промышленности, — этой основной базы, основного фундамента социалистического общества. С другой стороны, путем налогового обложения буржуазных слоев мы точно так же получаем добавочные средства, идущие в нашу государственную казну. Вот этот прирост материальных ценностей, который получается, с одной стороны, от ускорения роста наших собственных предприятий в связи с оживлением общего товарооборота, а с другой, — от налоговых поступлений, мы направляем на помощь разного рода начинаниям, которые служат делу трудящихся классов, делу социализма. Такого рода политика есть точно так же классовая политика с нашей стороны. Эта классовая политика имеет своей целью поддержку трудящихся против остатков эксплуататорского мира. Но форма этой политики, форма этой классовой борьбы, как мы видим, совершенно иная, чем в том случае, если бы мы просто-напросто запечатывали бы лавки частного торговца. Благодаря этой новой форме классовой борьбы, мы не только не проигрываем, а, наоборот, мы в громадной степени выигрываем, потому что мы в гораздо большей степени усиливаемся, и притом усиливаемся на почве всеобщего роста благосостояния.

Правда, мы не сразу могли повести такого рода политику. Когда у нас на руках были фабрики и заводы, которые не работали; когда у нас выпускалась масса денег, представлявших из себя бумажки.

не имевшие почти никакой ценности на рынке; когда у нас вместо банков были одни здания этих банков; когда железные дороги не ходили; когда для работы крупных предприятий не было самых необходимейших условий (не было сырья, топлива, не было даже хлеба для голодных рабочих), то тогда давать свободу частной хозяйственной деятельности и полную свободу торговле для частных лавочников и частных мелких капиталистов было бы в высшей степени опасно. Нам нечем было бы с ними конкурировать. У нас не было тогда в руках достаточно сильного и мощного орудия борьбы. В условиях разрухи мелкому капиталистику было гораздо легче обернуться со своим небольшим капиталом; он отличался гораздо большей ловкостью и пронырливостью, чем наши казенные учреждения, внутри которых была пустота. И если бы в то бремя мы дали полную хозяйственную свободу всем этим элементам, не обеспечивши самих себя, т.-е., не имея крепких позиций в хозяйственной борьбе, тогда была бы величайшая и чрезвычайно грозная опасность, что тысячи этих мелких капиталистиков захлеснут нас и побьют нас в конкурентной хозяйственной борьбе. И поэтому нам приходилось действовать с известной осторожностью, обеспечивая за собой солидные позиции на поле экономической хозяйственной битвы, т.-е. на поле классовых боев и классовой борьбы в ее новой форме. Такой позицией является в наших руках крупная промышленность, транспорт, банковая система (кредит), а также государственный бюджет и государственные финансы.

По мере нашего роста и по мере укрепления этих, — как их называют, — «экономических командных высот», мы могли все более решительно разжимать наш нажим по отношению к частному предпринимателю — мелкому и среднему. Нам теперь, например, уже совершенно нечего бояться этой свободы торговли, потому что на почве свободы торговли, на фундаменте этой свободы торговли, используя сами эту свободу торговли, мы уже в состоянии, укрепив свои командные высоты, вести победоносную хозяйственную борьбу.

Теперь мы можем перенести такого рода политику и на нашу деревню, добившись того, чтобы наши деревенские работники не практиковали системы простого административного «зажима» и «прижима» по отношению к более зажиточным слоям деревни. И опять-таки, значит ли это, что мы хотим здесь отказаться от классовой борьбы с этой сельскохозяйственной буржуазией? Ничуть не бывало. Точно так же, как мы не отказываемся от классовой борьбы с городской буржуазией (нэпманами), когда мы разрешаем ей заниматься своим «делом»,—так и соответствующая политика в деревне отнюдь не означает отказа от борьбы. Мы изменяем лишь форму ее. Против лавок деревенских торговцев мы должны выставлять не органы прямого принуждения и насилия, а наши хорошие кооперативные лавки. Против деревенского ростовщика, который дает взаймы деньги за безбожный процент, или который сдает в наем свою лошадь безлошадному крестьянину на кабальных условиях, мы

должны выдвинуть в первую голову батарею наших кредитных товариществ, хорошую организацию дешевого кооперативного кредита и помощи со стороны государственной власти. Наши товары должны быть лучше и дешевле, чем товары частного торговца, наши кредитные ссуды должны быть больше и гораздо дешевле, чем ссуды, которые дает ростовщик, кооперация должна торговать лучше и быть более приспособленной к местному деревенскому спросу, чем частная торговля. Вот э т и орудия должны мы выставить на передовые позиции нашей борьбы с эксплуататорскими элементами деревни.

Можно, однако, спросить себя: правильно ли переносить такую политику, которая пригодна для города, на деревню? Ведь, есть одна важная для данного вопроса и крайне существенная разница между условиями хозяйственной борьбы в городе и условиями этой хозяйственной борьбы в деревне. В городе у нас уже есть более или менее хорошо организованные и хорошо работающие «командные высоты»; это, ведь, наша тяжелая артиллерия в борьбе с городскими нэпманами. Но где такого рода «командные высоты» в деревне? Что мы можем выставить в деревне против ее зажиточной верхушки? Где те экономические кулаки, которыми мы могли бы на почве хозяйственной борьбы барабанить по спине деревенского кулака? Не будет ли здесь такого положения вещей, что кулацкие элементы окажутся неизмеримо сильнее э к о н о м и ч е с к и, чем масса остального крестьянства, и тем самым не будут ли они в состоянии перехлестнуть

через нас и очутиться, таким образом, заправилами и хозяевами всей деревенской жизни в целом?

На этот, совершенно законный, вопрос мы должны дать такого рода ответ: командной высотой по отношению к деревенской буржуазии является пролетарский город. Нельзя себе представлять дело таким образом, что деревня развивается совершенно самостоятельно и независимо от города. Мы уже говорили, что с ростом производительных сил в стране влияние города будет все более и более решающим по отношению к развитию нашего сельского хозяйства. А сердцевина этого города, его пролетарская промышленность, его банковая система, его законодательство и т. д., и т. п., все это обернуто «лицом к деревне», т.-е. все это служит могущественнейшей опорой середняцким и бедняцким элементам деревни, опорой против ее кулацких слоев.

Промежуточным звеном между пролетарским городом и трудящейся деревней является кооперация, которая как-раз и стоит на стыке между этим городом и деревней, воплощая собой в первую очередь ту экономическую смычку между рабочим классом и крестьянством, укрепить которую является основной задачей рабочего класса и нашей партии. Рост этой кооперации, в недрах которой пролетарское государство поддерживает и финансирует бедняков и середняков против кулаков и мелких сельскохозяйственных капиталистиков, означает, как мы видели, непрерывный и систематический рост ячеек будущего социалистического общества. Шаг за шагом

государственная промышленность и государственная торговля, смыкаясь с деревенской кооперацией, которая, в свою очередь, перекидывается с торговли на самое производство, будет вытеснять частный капитал: промышленный, торговый и ростовщический. В общую государственно-кооперативную организацию будут вовлекаться и всасываться крестьянские хозяйства точно так же, как через различные формы кооперативных организаций (в первую очередь промысловую кооперацию), будут сюда вовлекаться и всасываться мелкие ремесленники и кустари. Постепенно, с вытеснением частных предпринимателей всевозможного типа и их частных хозяйств и по мере роста организованности и стройности хозяйства государственно-кооперативного, мы будем все более и более приближаться к социализму, т.-е. к плановому хозяйству, где все принадлежит всем трудящимся, и где все производство направлено на удовлетворение потребностей этих трудящихся.

Частичное развитие капиталистических отношений в деревне, которое будет происходить в ближайшие годы, необходимо должно будет, однако, вызывать и другие формы классовой борьбы, помимо борьбы чисто-хозяйственной, т.-е., помимо борьбы различных хозяйственных форм друг с другом. Например, батраки, которые нанимаются у сельскохозяйственной буржуазии, могут совсем не иметь своего хозяйства, борьба у них идет не такая, какая идет, например, между середняком и кулаком, или же между бедняцким хозяйством и хозяйством

кулацким. Борьба между кулаком и батраком идет по линии вопросов, касающихся условий наемного труда (величина рабочего дня, заработная плата, формы сплаты труда, общие условия работы и т. д., и т. п.). Но и здесь линия классовой борьбы со стороны батраков, являющихся частью рабочего класса, стоящего в настоящее время у власти, имеет все же другие формы, чем те формы классовой борьбы, которые были свойственны капиталистическому режиму. Это вытекает из того обстоятельства, что батрачество, которое в кулацком хозяйстве находится, так-сказать, п о д своим хозяином, в то же время, как часть господствующего класса, стоит н а д ним, хотя бы отдельные батраки этого и не сознавали. В чем находит себе выражение этот факт? В том, что все законодательство нашей страны направлено своим острием против эксплуататоров и каждым своим параграфом защищает интересы рабочих; в том, что п р о ф е с с и о н а л ь н ы е с о ю з ы рабочего класса и п р о ф е с с и о н а л ь н ы е с о ю з ы батраков пользуются законом признанными правами, каких они не имеют ни в одной капиталистической стране; в том, что суды нашей страны карают предпринимателей за нарушение этих законов, и т. д., и т. п. Поэтому классовая борьба со стороны батрачества в конечном счете направлена вовсе не на то, чтобы разгромить хозяйство кулаков и разделить его между собой. Мы теперь уже не можем повторять вечно одну и ту же сказку про белого бычка. Батрачество ведет свою классовую борьбу в других формах, вынуждая через свои профессиональные организации и через

свою государственную власть, власть Советов, соответствующие условия труда и прибегает к судам своего класса, если необходимо обуздывать сельскохозяйственных предпринимателей. Точно так же батрачество помогает, будучи частью всего рабочего класса, организации не только наемных рабочих в сельском хозяйстве, но и оказывает всемерную помощь делу организации крестьянской бедноты и середняков, являясь, таким образом, живой соединительной тканью между городскими индустриальными рабочими и широкими слоями трудящегося крестьянства. Это не значит, что у нас не может быть никаких старых форм борьбы. К стачке, например, батракам не раз придется прибегать в их борьбе с кулачеством. Но и в случае таких столкновений дело идет по-иному, так как за батраков стоят все органы власти, оказывающие давление на частного хозяина.

На кого нам нужно ставить свою ставку?

Нам нужно разобрать те вопросы, которые мы только-что выяснили, и несколько с другой стороны. Дело в том, что некоторые товарищи, не понимая сути вопроса, недоумевают по поводу принятого нашей партией политического курса по отношению к деревне. У некоторых, например, появляются такого рода рассуждения.

Во время гражданской войны мы-де опирались на союз городского рабочего класса и деревенских полупролетариев, батраков, полубатраков, мелких крестьян, деревенской бедноты вообще. Эта линия нашей политики выражала «истинно-проле-

тарскую линию», «левый, настоящий, чисто-пролетарский» курс. Через некоторое время мы переместили центр тяжести нашей политики в деревню. Раньше мы ставили ставку на деревенскую бедноту и опирались в деревне на такие организации, как комитеты бедноты; потом мы провозгласили лозунг «поддержки середняка», крестьянин-середняк стал выпячиваться, как «центральная фигура нашего сельского хозяйства»; таким образом, мы, быть может, незаметно сами для себя, отставки на бедноту перешли к ставке на середняка, т.-е. повернули курс направо, в сторону от «чисто-пролетарской» линии; прошло еще несколько времени, и мы теперь заговорили о большей хозяйственной свободе для зажиточного крестьянина и даже для кулака; другими словами, мы теперь повернули еще более «вправо» и, повидимому, ставим свою ставку именно на этого зажиточного, поскольку «провалилась» наша ставка сперва на бедноту, а потом на середняка. Не есть ли это новый поворот нашей политики вправо?

Не обозначает ли все это вместе взятое неуклонного и систематического «отступления» от пролетарской политики и все большего превращения политики нашей партии в политику постоянных и все дальше идущих уступок, сперва середняку, а потом более чем среднему буржуа? Не есть ли это, другими словами, ясно очерченная линия вырождения нашей партийной политики? Не есть ли это сдача наших позиций и капитуляция перед растущими капиталистическими отношениями в нашей стране?

Такого рода мысли и такого рода возможные возражения необходимо самым внимательным образом разобрать. Оставлять их без ответа никоим образом нельзя; тут нужно договориться совершенно на-чистоту, потому что без понимания сути нашей политики (а такое понимание невозможно, если нет ответа на только-что поставленные вопросы), без этого понимания нашей политики, конечно, немыслимо вести сколько-нибудь хорошо дело руководства такой огромной страной, как наша, со столькими внутренними противоречиями и с такими сложными задачами, какие стоят на нашем пути.

Для того, чтобы ответить на поставленные вопросы и возражения, целесообразно будет, прежде всего, поставить вообще вопрос о так-называемой новой экономической политике. Когда мы переходили от системы военного коммунизма к новой экономической политике, то некоторым казалось, будто эта новая экономическая политика означает на деле капитуляцию перед буржуазией. Все враги коммунистической партии и диктатуры пролетариата, «свои» и заграничные, неустанно говорили и писали о крахе коммунизма в России, о том, что русские большевики, проделав неудачный опыт осуществления настоящего социализма, быстро разочаровались в этом опыте, ибо он показал полную неосуществимость социалистического строя, и, призвав на помощь ту же самую буржуазию, которую они хотели уничтожить, тем самым расписались в полном своем бессилии. В начале новой экономической политики заговорщики иностранные и рус-

ские, эмигрантская (белая) печать неустанно твердили, что в России сделан огромный шаг по пути к восстановлению старого порядка, что за этим шагом неизбежно будут делаться и остальные шаги по пути назад к капитализму: будут-де возвращаться фабрики и заводы, прежние владельцы будут призваны в качестве варягов, спасающих Русь и наводящих в ней порядок, исчезнут все и всяческие «национализации» и «монополизации», и вновь водворится с помощью самих «образумившихся» большевиков старый капиталистический строй, который тем самым еще и еще раз докажет свою громаднейшую жизнеспособность и все свои преимущества перед всеми и всяческими социализмами и коммунизмами. Говорилось также, что большевики, которые раньше «ставили ставку» на рабочий класс, теперь ставят эту ставку на буржуазию, старую и новую, которая вывелась под крылышком военного коммунизма, прошла сквозь огонь, воду и медные трубы, знает все ходы и выходы в новом советском строе и поэтому неизбежно окажется гораздо более приспособленной к большевистскому режиму.

Однако, можно ли сказать, что новая экономическая политика означала капитуляцию перед капитализмом? Можно ли сказать, что дело трудящихся п р о и г р а н о вместе с введением новой экономической политики? Можно ли сказать, что новая экономическая политика означала отказ от социалистического строительства, крах коммунизма и т. п.? Можно ли, наконец, сказать, что эта новая экономическая политика означала ставку на буржуазию?

Теперь, когда эта так называемая новая экономическая политика насчитывает уже изрядное количество лет, когда она уже получила проверку на опыте, и когда мы можем уже подвести довольно внушительные итоги этой политики, мы ясно видим, что в результате ее мы имеем громадный прирост сил на стороне рабочего класса и трудящихся масс вообще, на стороне социализма в его борьбе с частно-капиталистическим хозяйством. Благодаря новой экономической политике, мы одержали крупные успехи в области хозяйства, и при том развитие производительных сил нашей страны шло в таком направлении, что все больший и больший перевес получали и получают социалистические формы хозяйства и формы, близкие к ним, идущие по пути к социализму. В общей сумме хозяйства нашей страны вовсе не видно того, чтобы по сравнению с государственным и кооперативным хозяйством все рос и рос частный капитал. Наоборот, позиции государственного и кооперативного хозяйства все более и более укрепляются на поле общего подъема благосостояния в стране. Раз это так, — а это именно так, — то как же можно говорить о какой бы то ни было капитуляции? или об отступлении от пролетарской линии? или о отавке на буржуазию? Хороша «ставка на буржуазию», в результате которой выигрывает в первую голову социалистический пролетариат! Хорош «крах» коммунизма, в результате которого государственное хозяйство пролетарской диктатуры идет после целого ряда лет оцепенения и мертвого состояния к своему быстрому экономическому подъему!

На самомо деле «крах коммунизма» был не чем иным, как крахом наших некоторых заблуждений и неправильных представлений о ходе нашего развития к социализму, заблуждений, связанных с периодом так называемого «военного коммунизма». Но крах некоторых заблуждений вовсе не означает краха коммунизма. Совершенно понятно, что молодой класс, взявший в свои руки государственную власть, не мог представлять себе всей сложности того пути, по которому ему придется итти. В период гражданской войны, беспощадного подавления эксплуататоров, конфискаций, реквизиций и прочего мы представляли себе, что можем почти сразу перейти к плановому организованному хозяйству, начисто и сразу уничтожив свободную торговлю всюду и везде и заменив эту торговлю организованным распределением (карточки и прочее). Опыт показал нам, однако, что такого рода задача нам не под силу, да и по существу эта задача не может быть разрешена, когда имеется в наличии колоссальное количество мелких хозяйств, которые никак нельзя сразу втиснуть в единый стройный план. Долго держаться на запрещении свободной торговли по отношению к мелкому производителю, в том числе и в первую голову по отношению к крестьянину, было нельзя: это означало такую ломку всех привычных для крестьянина отношений, которая возбуждала против себя широкие слои крестьянства и поэтому неизбежно была обречена на слом. Крестьянин и мелкий производитель вообще, который привык свободно распоряжаться своим продуктом (продавать его, если он захочет этого), теряли всякий интерес к улучше-

нию и расширению своего производства при системе военного коммунизма. Поэтому получалось то, что сельскохозяйственное производство не могло развиваться и итти вперед при такой системе. Не было правильного сочетания между частными интересами мелкого производителя и задачами и целями пролетарского социалистического строительства. Это сочетание, эту связь нужно было в первую голову найти. Новая экономическая политика и означала, прежде и раньше всего, такого рода связь и сочетание. Выше мы видели, как, зацепляя за частно-хозяйственные интересы мелкого производителя, можно—через кооперацию—постепенно подводить его к социализму, не ломая сразу и круто привычного строя жизни и не возбуждая, таким образом, против себя мелкобуржуазных привычек и даже суеверий широких трудящихся масс крестьянства. Вспомним, что в нашей стране около 100 миллионов крестьянского населения, больше 20 миллионов крестьянских дворов; вспомним, что крестьянское хозяйство есть хозяйственная основа нашей государственной промышленности,—и тогда сразу станет ясным, какой толчок вперед должна была получить наша страна с переходом к новой экономической политике. Мы теперь ясно видим наш путь к социализму, который пролегает не там, или, вернее, не совсем там, где мы искали его раньше. Мы думали, что мы можем одним взмахом и сразу уничтожить рыночные отношения. Оказалось, что мы придем к социализму именно через рыночные отношения. Можно сказать, что эти рыночные отношения

будут уничтожены в результате своего собственного развития. Каким образом?

Нам известно, что в капиталистическом обществе, где господствует рынок, где разного рода частные предприятия борются друг с другом на этом рынке, конкурируют друг с другом, крупное производство в конце-концов вытесняет мелкое, средний капитал отступает перед более крупным капиталом, и, в конце-концов, место массы конкурирующих друг с другом предпринимателей, фабрикантов, купцов, банкиров занимают группки крупнейших королей промышленности и банков, которые, сосредоточивают в своих руках всю промышленность и торговлю. Развитие рыночной борьбы приводит к тому, что число конкурентов все уменьшается, и производство сосредоточивается в руках крупных капиталистических организаций. Нечто по виду похожее будет происходить и у нас, и происходит уже и теперь, с тою только существеннейшею разницей, что у нас на месте крупнейших королей промышленности и банкиров стоит рабочий класс и трудящееся крестьянство. В самом деле, у нас существуют различные хозяйственные формы, разного рода хозяйственные «предприятия»; у нас есть государственные предприятия, у нас есть кооперативные предприятия, у нас существуют, наконец, частно-капиталистические предприятия и т. д. Наиболее крупное производство находится в руках пролетарского государства. В руках частно-капиталистического хозяйства находятся гораздо менее крупные пред-

приятия в области торговли, в первую очередь розничная торговля, тогда как оптовая торговля (торговля крупная) находится в руках государства; в промышленности крупное производство точно также находится в руках государства, а на долю частных предприятий приходятся лишь предприятия большей частью среднего и мелкого типа. Между этими различными формами предприятий идет хозяйственная борьба, борьба, в которой последнее слово принадлежит покупателю. Покупатель же покупает там, где товар лучше и дешевле. При правильной постановке дела, — а такой правильной постановки дела мы все больше и больше добиваемся и все больше и больше достигаем, — все преимущества будут на стороне крупного государственного производства, и оно будет забивать в конкурентной борьбе своего частного соперника. Мелкое крестьянское хозяйство, страдая от своей «мелкости», как мы видели выше, будет восполнять этот недостаток своей кооперативной организацией, поддерживаемой пролетарской государственной властью, и будет поэтому точно так же отвоевывать для себя преимущества всякого крупного объединения, используя эти преимущества и выгоды, получаемые от кооперации, в своей борьбе против частного хозяйства кулака. Через борьбу на рынке, через рыночные отношения, через конкуренцию государственные предприятия и кооперация будут вытеснять своего конкурента, т.-е. частный капитал. В конце-концов, развитие рыночных отношений уничтожит само себя, потому что,

поскольку на почве этих рыночных отношений с их куплей-продажей, деньгами, кредитом, биржей и т. д., и т. п. государственная промышленность и кооперация подомнут под себя все остальные хозяйственные формы и постепенно вытеснят через рынок их до конца, постольку и сам рынок рано или поздно отомрет, ибо все заменится государственно-кооперативным распределением производимых продуктов.

Таким образом, наше представление о развитии к социализму в значительной мере изменилось; но эти изменения ни капли не выражают собой отступления от пролетарской политики; наоборот, они выражают собой учет громадного революционного опыта. Мы впервые в новой экономической политике нашли правильное сочетание между частными интересами мелкого производителя и общим делом социалистического строительства. Новая экономическая политика есть не измена пролетарской линии, а единственно правильная пролетарская политика. Теперь это стало уже яснее ясного.

Определить, не является ли наша политика отступлением от правильной пролетарской линии, вообще говоря, можно наилучшим образом тогда, когда мы привлекаем к делу результаты этой политики. И если результаты эти говорят, что социалистические хозяйственные формы усиливают свой вес в общем хозяйстве страны, то одного этого вполне достаточно, чтобы решить весь вопрос. Политика комбедов в деревне разрешала, по сути дела, две задачи, которые выдвигались тогда на очередь дня: во-первых, задачу борьбы с сопротивлением

кулаков; во-вторых, задачу сбора хлеба по продразверстке, без чего нельзя было прокормить армию. Но эта политика не решала и не могла решить задачу хозяйственного подъема деревни. Хозяйственный подъем в деревне, т.-е. подъем громадного количества мелких хозяйств, невозможен без подъема основной хозяйственной массы крестьянства, крестьянина-середняка. Поскольку этот хозяйственный подъем имеется налицо, постольку даются и основы для подъема государственного хозяйства в городе. Значит ли это, что здесь забывается беднота? Никак не значит, ибо общий подъем хозяйства в стране и подъем государственного хозяйства дает гораздо больше возможности не на словах только, а на деле, не на бумаге, а в жизни, не одними декретами, а настоящей материальной помощью оказывать содействие бедноте. И если еще до сих пор эта помощь не оказывается в надлежащей степени, то основной причиной этого является недостаточно быстрый ход накопления средств в нашем государственном хозяйстве. Поэтому, именно поэтому, нам нужно приложить все усилия, чтобы ускорить рост наших материальных средств, ускорить «темп» накопления в нашей государственной промышленности, ускорить приток добавочных средств в нашу государственную казну.

Для того, чтобы решить эту задачу, необходимо дальнейшее развязывание товарооборота в нашей стране, а для этого, в свою очередь, необходима некоторая бо́льшая хозяйственная сво-

бода и для сельскохозяйственной буржуазии, т.-е. перенесение новой экономической политики на деревню. Теперь это нам ни капли не опасно; ибо у нас, как мы говорили выше, уже есть командные высоты; а, с другой стороны, это даст возможность, ускоряя товарооборот в стране, более быстро накоплять, даст возможность и более быстрой помощи бедняцкой и середняцкой кооперации, колхозам, сельскохозяйственной кооперации, потребительским обществам. Наша действительная ставка есть ставка на нас самих, есть ставка на рабочий класс и трудящееся крестьянство, есть ставка на рост социалистических хозяйственных форм, на рост государственной промышленности—в первую очередь, на рост сельскохозяйственной кооперации—во вторую. Смычка между двумя этими основными формами есть необходимое условие нашей победы.

Экономическое неравенство и его преодоление.

Коммунистический строй есть высшая ступень развития человеческого общества, при котором производительные силы этого общества, степень власти человека над природой, далеко превосходят даже ту ступень технического развития, которой отличался капиталистический порядок времен своего расцвета; а наряду с этим коммунистическое общество пред-

ставляет собою такую хозяйственную организацию, где господствует полное равенство между людьми, и где отсутствует всякая эксплуатация человека человеком, а также и всякая команда, всякое насилие одних людских групп над другими. Стоит только сравнить между собой это состояние человеческого общества с тем его состоянием, в котором мы получаем его в наследство от капиталистического строя, чтобы понять, какую поистине грандиозную работу, работу, которой хватит на целый ряд десятилетий, необходимо произвести, чтобы подняться на эту наивысшую ступень человеческого развития. Совершенно понятно поэтому, что всего-навсего лишь через несколько лет после завоевания рабочим классом власти нельзя и думать об уничтожении сразу всякого вообще неравенства и всякой нищеты. Но в то же самое время необходимо всемерно ускорять наш путь к коммунизму, а для этого необходимо, в свою очередь, иметь совершенно ясное представление о том, каким образом будет постепенно преодолеваться существующее у нас еще до сих пор неравенство между людьми.

Рассмотрим по порядку главные виды этого неравенства, имеющиеся в настоящее время у нас в экономической области. Прежде всего, бросается в глаза неравенство материальных условий существования между городом и деревней. Мы уже писали в предыдущих главах о том, что капиталистический способ производства неизбежно вызывает деревенскую отсталость, задерживает развитие сельского хозяйства по сравнению с промышленностью и превращает город в исключительное сосре-

доточение всех основных жизненных удобств. Такое соотношение между городом и деревней достается в наследство захватившему власть рабочему классу и поддерживающему его крестьянству.

Мелкое хозяйство крестьянина чрезвычайно далеко отстает от современной фабрики с ее техническими усовершенствованиями. Мелкое крестьянство точно так же отстает от этой фабрики и по внутреннему своему устройству, по организации труда. В результате производительность труда в этом мелком крестьянском хозяйстве чрезвычайно низка, приходится затрачивать громадные массы этого труда, чтобы получать сравнительно ничтожный результат. Каким образом может быть изжито такого рода неравенство между городом и деревней? Было бы совершенно бессмысленным решать его каким-либо механическим путем, одним ударом, одним каким-либо мероприятием. Можно, конечно, представить себе дикую мысль о растаскивании по кирпичикам всех крупных городов со всеми крупными городскими предприятиями, машинами, электрическими установками и т. д. Но это, ведь, ни капли не поправило бы дела. Прежде всего потому, что это повлекло бы за собой подрыв и разрушение крупной промышленности, которая, как мы уже видели, служит основным источником для оплодотворения самого сельского хозяйства, поставляя ему машины, орудия труда и целый ряд предметов, необходимых для улучшения сельскохозяйственного производства, а равно и науку, которая все более и более является решающей силой в области сельскохозяйственного производства. Такого рода мысль

была бы поистине безумной мыслью, и люди, находящиеся в здравом уме и твердой памяти, должны ее сразу же отбросить. Совершенно естественно, наоборот, притти к выводу, что лишь при помощи городской промышленности, руководимой рабочим классом, этим верным помощником крестьянства, можно будет поднимать деревню; и не путем разрушения городов, а путем сближения промышленности с деревней, и путем хозяйственной и технической помощи этой деревне мы будем постепенно заполнять ту пропасть, которую создала между городом и деревней вся предыдущая история развития человеческого общества. Задачей рабочей партии и задачей Советской власти является именно устранение этого противоречия между городом и деревней. Постепенно мы должны будем строить новые заводы, электрические станции и тому подобные крупные производственные промышленные единицы не только в городских центрах, но и среди сел и деревень, разбрасывая эти предприятия по всей стране и делая их рассадниками и очагами культуры, грамотности, хозяйственных улучшений, политической сознательности среди крестьянского населения страны.

Техническая помощь города, в особенности электрификация, а на-ряду с этим — кооперирование крестьянских хозяйств, которое, как мы уже знаем, определяет столбовую дорогу в нашей деревне к социализму, явятся мощным рычагом подъема, возрастания деревни, и мало-по-малу материальные условия существования в городе и деревне будут выравнены, и притом, по сути дела,

с в е л и ч а й ш е й п о л ь з о й д л я т о й и д р у г о й с т о р о н ы. Городской житель, запертый в каменных мешках современных городов, не видящий природы и обреченный в таких условиях, несмотря на относительное материальное благосостояние, на вырождение, выиграет от своего приближения к этой природе. И, наоборот, житель деревни чрезвычайно выиграет от того, что повысится производительность его труда, и что он будет, наконец, пользоваться всеми теми благами культуры и цивилизации, которые раньше приходились на долю одних наших врагов. Само собою понятно, что для достижения такого рода общественного строя необходимы громадные перемены, произвести которые возможно лишь в течение долгих и долгих лет. Но, тем не менее, мы уже сейчас видим, как мы вступили на этот путь.

В н у т р и г о р о д а, в свою очередь, мы наблюдаем в настоящее время точно так же чрезвычайно резкое и бросающееся в глаза неравенство. Стоит только сравнить нэпманов и уровень их жизни с жизнью беспризорных и голодающих детей, или даже с толпами безработных, чтобы увидеть, как далеки еще мы от того идеального состояния, которое мы поставили себе задачей. Если мы расположим личные уровни жизни в порядке их нисходящей величины, то мы получим целую лестницу разрядов, довольно резко отличающихся друг от друга Если взять одни лишь крупные подразделения, то все эти разряды можно, примерно, изобразить в таком виде:

1) Н о в а я б у р ж у а з и я (нэпманы), получающая п р и б ы л ь за счет эксплуатации чужого

труда, будет ли то прибыль с промышленного предприятия, будет ли то торговая прибыль или барыш поставщика, или спекулятивный барыш, или какой-нибудь другой вид так-называемого «нетрудового дохода». Очень часто уровень жизни лиц этой категории подходит под тот уровень, который был характерен для не особенно крупных капиталистов довоенного времени.

2) Высшие советские служащие, главным образом, служащие хозяйственных учреждений и хозяйственных органов (директора трестов, крупные незаменимые спецы и т. д.).

3) Так-называемые ответственные работники вообще.

4) Квалифицированные рабочие.

5) Неквалифицированные рабочие.

6) Безработные, люмпен-пролетариат (люди, выбившиеся из колеи, хронические безработные, нищие и т. д.).

Вся эта картина наглядно показывает нам опять-таки, насколько мы далеки еще от того, чтобы достигнуть равенства даже в пределах города, который является пока-что центром нашей работы, и где резче всего выражено господство пролетариата. И тем не менее, мы уже ясно видим, что развитие нашего общества необходимо поведет, при правильной политике со стороны нашей партии и Советской власти, к смягчению этих противоречий, к их преодолению и к их уничтожению. В самом деле, возьмем, прежде всего, наиболее яркое проявление неравенства — неравенство в материальном положении буржуазии (нэпманов) и положении рабочего

класса в его целом. Как будет изживаться это неравенство? Это нетрудно сообразить после всего того, что было уже нами сказано.

Ведь, подъем нашего государственного хозяйства, а равно и кооперации, будет сопровождаться вытеснением частно-предпринимательской формы хозяйства. Еще до того, как эти формы совершенно погибнут и отомрут, сдаваясь перед победоносным шествием развивающихся социалистических хозяйственных отношений, подъем государственной промышленности будет повышать заработную плату рабочего класса, а, с другой стороны, система налогового обложения будет ограничивать дальнейший рост жизненного уровня новой буржуазии. Окончательное вытеснение частно-капиталистического хозяйства, окончательная победа над ним доведет дело до конца, и это основное противоречие, это основное неравенство в городах будет таким образом уничтожено. Довольно сложно обстоит вопрос относительно неравенства между высшими кадрами советских служащих и руководителей, с одной стороны, и средним рабочим — с другой. В числе этих высших и ответственных служащих Советской власти имеются, наряду со всевозможными специалистами, и бывшие рабочие из наиболее талантливых и культурных «рабочих-передовиков» (например, красные директора и т. п.). Совершенно очевидно, что это неравенство вытекает, в своей самой глубокой основе, из культурной отсталости рабочих масс, котрые были в капиталистическом обществе классом эксплуатируемым, политически угнетенным и

культурно придавленным. Для выполнения сложной работы по управлению хозяйством и для ведения целого ряда других подобных работ в других областях управления страной необходим большой запас знаний, опыта, умения. Количество людей из рабочего класса, которые оказались способными выполнять такую роль и научились ей за время революции, а отчасти получивших опыт в руководстве массами и в политической борьбе еще до победы рабочего класса, сравнительно само по себе мало. Вполне понятно, что далеко не вся рабочая масса в целом могла подняться до такого уровня. С другой стороны, разного рода специалисты, которые были таковыми еще и при капиталистическом режиме и накопили большой опыт — научный, управленческий, хозяйственный и т. п., являясь необходимыми для жизни и для дела управления людьми в теперешних условиях, точно так же представляются до известной степени незаменимыми силами: вся рабочая масса, в целом, всеми своими составными частями, точно так же не могла еще за короткий срок достигнуть такого высокого культурного уровня. Выполнение же подобного рода работы требует само по себе довольно значительной оплаты, обеспечивающей соответствующий образ жизни. Между тем, давать такую же плату всем решительно слоям рабочего класса при теперешней степени развития производительных сил представляется невозможным и неосуществимым. Если бы все рабочие обладали таким же высоким культурным уровнем, то руководящие должности могли бы заниматься по очереди или лишь на определенный срок, и, таким

образом, на так-называемых «ответственных постах» постоянно стояли бы все новые и новые работники, так как в любой деятельности можно было бы одного в любое время заменять другим. Но здесь-то и дает себя знать неравенство культурного уровня и еще большая отсталость масс. Опять-таки здесь нужно отметить, что это всвсе не вина этих масс, а их беда; таковыми их сделали десятилетия капиталистического господства. Однако, задачей рабочего класса, который за годы революции чрезвычайно быстро учится в самом ходе борьбы все большему участию своему в активном строительстве социализма, а также все больше обучается в специальных учреждениях (разного рода организациях, клубах, партийных и советских школах, рабфаках и даже ВУЗ'ах), задачей этого рабочего класса является преодоление такого рода отсталости в своей собственной среде. Понятно, что не вся масса рабочего класса движется совершенно одновременно, всеми своими слоями. Как не все рабочие могут, при настоящих условиях, стоять на командных постах и занимать совершенно одинаковые места в системе управления, точно так же не могут, в силу совершенно понятных причин, все рабочие поголовно быть пропущенными через среднюю и высшую школу.

До более или менее высокого уровня современной науки и техники рабочий класс поднимается, если можно так выразиться, пачками, сравнительно небольшими своими отрядами, к которым год за годом будут прибывать все новые и новые отряды, пока развитие производи-

гельных сил нашей страны не создаст достаточного экономического фундамента для того, чтобы дети всех рабочих совершенно нормальным порядком проходили через средние и высшие учебные заведения, через соответствующую практику и, таким образом, вступали в жизнь, преодолевши всяческое, создававшееся прежде, культурное неравенство внутри трудящихся.

В ослабленной степени то, что мы говорили только-что о различии между наиболее культурными из рабочих-передовиков, а равно прежних специалистов, с одной стороны, и рабочей массой вообще — с другой, годится и для вопроса о неравенстве между различными слоями рабочего класса, различными в смысле различной квалификации их труда (например, металлисты — с одной стороны, землекопы, строительные рабочие и т. д. — с другой). Механика Советской власти, советского режима в целом, направление всей политики пролетарской диктатуры состоит как-раз в том, чтобы, поднимая культурный уровень широких рабочих масс, тем самым уничтожать «незаменимость» наиболее передовых слоев самого рабочего класса, уничтожать разницу культурных уровней и уничтожать разницу материальных условий существования. Конечно, мы никогда не достигнем полного равенства людей в том смысле, что люди будут совершенно одинаковы по своему уму, по своей та-

лантливости, по цвету своих волос или форме носа, и совершенно это не нужно. Такое равенство было бы, как две капли воды, похоже на отчаянную скуку. Не в этом заключается цель наших стремлений. Цель наших стремлений заключается в том, чтобы достигнуть равенства материальных условий существования, чтобы всем обеспечить нормальные условия развития и, таким образом, дать возможность итти вперед всей массе и выделяться наиболее талантливым и способным не из узкого круга «образованных людей», отделенных перегородками от остальных, а из всего огромного трудящегося человечества.

И здесь нетрудно понять, что это неравенство, вытекающее из очень глубоких причин, не может быть уничтожено одним взмахом. Можно было бы, конечно, в один прекрасный день издать декрет, по которому все решительно высшие советские служащие, все инженеры, все профессора, все директора трестов и т. д. получали бы столько же, сколько получает простой поденщик. Но мы скоро убедились бы, что при таком положении вещей рабочий класс в целом не выиграл бы, а проиграл; он проиграл бы потому, что при таких условиях работа на этих командных должностях пошла бы неизмеримо туже, дело в значительной степени было бы дезорганизовано, и общие успехи сменились бы положением застоя или попятным движением. Рабочему классу выгоднее лучше содержать свою собственную верхушку, а равно и выходцев из буржуаз-

ного мира, так-называемых специалистов, ибо в таком случае он достигнет в гораздо более короткий срок общего повышения производительных сил и за счет этого повышения может гораздо быстрее улучшить свое собственное положение, а с определенного времени, используя этот рост производительных сил, начать усиленнейшее производство «образованных людей» из все более широкой массы своего собственного класса и трудящихся вообще. Из этого, конечно, не следует, что нужно перебарщивать с высокой оплатой; наоборот, с такого рода «перебарщиваниями» партия должна вести упорную борьбу.

Внутри деревни, наконец, мы имеем точно так же различные слои крестьянства, жизненный уровень которых отличается друг от друга довольно резко. Стоит сравнить кулака с батраком или с крестьянином-бедняком. Но это коренное противоречие, характерное для современной деревни, будет точно так же медленно уничтожаться по мере роста производительных сил и по мере подъема государственного и кооперативного хозяйства. Мы уже видели раньше, что мы будем все более и более в состоянии оказывать помощь хозяйству середняков и бедноты, которая будет переставать быть беднотой, а с другой стороны, путем целого ряда мероприятий, мы будем обрезывать и хозяйственно вытеснять предпринимательские слои крестьянства, т.-е. сельскохозяйственную буржуазию. Таким образом, и здесь основной линией нашего развития через определенный промежуток времени, когда начнут еще более быстро подрастать социалистические формы нашего хозяйства, является линия на унич-

тожение, на преодоление экономического неравенства, существующего теперь.

Нужно видеть всю глубину нищеты, темноты, культурной отсталости, неравенства, оставленных нам в наследство капиталистическим порядком вещей, чтобы понять, сколько времени потребуется на переделку всего человеческого материала и на преодоление этого проклятого наследства. Но уже теперь мы видим подъем социалистических форм народного хозяйства, что является главной гарантией, обеспечивающей действительную и реальную политику, ставящую своей целью осуществление экономического равенства. А, с другой стороны, уже и теперь мы замечаем, как следующее поколение рабочих и крестьян во все большем масштабе, сплошной массой, поднимается к новой культурной жизни, чему способствует работа нашей партии, чему способствует вся деятельность и вся политика Советской власти. Раньше лишь одиночки из рабочих и крестьян могли попадать в высшие учебные заведения; теперь с каждым годом во все более широких размерах целые большие слои подрастающего поколения трудящихся уже систематически, так-сказать, «в нормальном порядке», проходят через рабфаки и поступают в наши высшие школы. Раньше обычно лишь в зрелом возрасте трудящийся человек вступал в активную политическую жизнь; теперь мы имеем около полутора миллиона одних членов комсомола, сынов рабочих и крестьян, которые более или менее равномерно приобщаются с юного возраста к активной общественно-политической работе; а поколение еще более молодое — юные пионеры —

начинает охватывать огромные круги людей, которые уже с самого юного возраста воспитываются, растут и учатся работать на иной культурной основе, чем предшествующие поколения.

Завоевания власти пролетариатом не может создать исторического чуда, один только факт победы над буржуазией в гражданской войне не обеспечивает сразу и немедленно равенство между людьми. Но это завоевание власти и укрепление рабочей диктатуры в стране, в конце-концов, создает такого рода условия, при которых отчетливым становится наше движение по направлению к этому экономическому равенству.

Политическое неравенство, его преодоление и уничтожение политики вообще.

Перейдем теперь к рассмотрению того неравенства, которое у нас имеется в области политической, в области политических прав. Здесь, прежде всего, необходимо перечислить те факты, в которых находит свое выражение это политическое неравенство.

1) По нашему законодательству не имеют избирательных прав люди, живущие на нетрудовой доход (нэпманы, кулаки, всякого рода лица, эксплуатирующие для получения прибыли рабочую силу в том или ином виде). «Страдающими лицами» являются здесь, таким образом, такие слои населения, которые по своему материальному благосостоянию и по уровню своей жизни стоят на самой высокой ступени, являются в нашем строе

осколками прежнего капиталистического общества, прежних господствующих классов, которые теперь попали под железную руку пролетарской диктатуры.

2) Трудовое крестьянство не имеет таких же прав, как пролетариат, потому что оно выбирает равное число делегатов при выборах в советские органы власти от значительно большего количества избирателей, чем рабочий класс в городах и фабричных поселках. Здесь есть, таким образом, налицо неравенство политических прав между рабочим классом — с одной стороны, трудящимся крестьянством — с другой, при чем это неравенство совершенно очевидно склоняется к перевесу прав на стороне рабочего класса.

3) Пролетариат пользуется политическими преимуществами (привилегиями) и в нашем законодательстве занимает первенствующее положение.

Причины такого рода законодательства, закрепляющие политическое неравенство между различными классами нашего общества, довольно ясны и довольно понятны. У нас имеются налицо три класса: рабочий класс, широкая крестьянская масса и, наконец, допущенная к сотрудничеству в обществе буржуазия. Мы знаем, что если мы хотим обеспечить коренные интересы трудящихся, то необходимо обеспечить руководство пролетариата и его союз с крестьянством против буржуазии; мы знаем точно так же, что крестьянство склонно, в силу своего социального положения, а также в силу особых трудностей момента, переходить временами к колебаниям в сторону этой буржуазии, и, наконец, мы знаем, что если бы новая буржуазия

возрастала, укреплялась, расправляла свои крылья и осиливала рабочий класс в борьбе за крестьянство, то отсюда проистекали бы неизбежные опасности подрыва всего дела революции. Рабочий класс в нашей стране является наиболее сознательной силой, но он, по своей численности, насчитывает, примерно, лишь одну десятую крестьянского населения. Для того, чтобы руль не вырвался из его рук, необходимо на данной ступени развития, прежде и раньше всего, политически обезвредить буржуазию и не дать ей возможности распространять свое политическое влияние на крестьянство и на промежуточные мелкобуржуазные городские слои. Отюсда вытекает и лишение политических прав частных предпринимателей: купцов, лавочников, торговцев, кулаков, нэпманов вообще.

Из того обстоятельства, что крестьянство склонно к величайшим колебаниям, и что существует спасность, в силу которой темнота и некультурность крестьянства, в связи с его социальным положением, может толкнуть его, иногда вопреки его же собственным коренным интересам, итти за буржуазией, вытекают известные преимущества и политические привилегии, имеющиеся в нашем законодательстве по отношению к рабочему классу. Эти преимущества и привилегии служат добавочной страховкой, обеспечивающей руководящую роль рабочему классу в нашей стране.

Что касается ограничения или лишения избирательных прав всяческой буржуазии, то вряд ли кто-либо из трудящихся будет против этого возражать:

против этого могут возражать лишь явные или тайные приверженцы этой буржуазии, в роде меньшевиков и эсеров, которые ни капли не верят в возможность осуществления на деле социалистического строя, о котором так много болтают на словах. Им до сих пор кажется, что в России произошла какая-то историческая случайность, что развитие нашего общества неизбежно пойдет по капиталистическому пути, и что чем скорее лопнет Советская власть, чем скорее кончится этот тяжелый сон (для буржуазии), тем будет лучше. Для всякого человека, который всерьез верит словам о социализме и для которого, следовательно, слово не расходится с делом, который верит в необходимость и возможность построения социалистического общества и который отнюдь не хочет возврата к капиталистическому строю, — для такого человека более чем понятно ограничение и лишение политических прав буржуазных элементов в нашей стране.

Неизмеримо сложнее является вопрос о политическом неравенстве между рабочим классом и крестьянством. Здесь люди очень часто подменяют трезвые рассуждения моральными, которые ничего общего с политикой не имеют. Говорят, например, разве крестьянин не трудится иногда больше, чем рабочий? Где же справедливость, когда вы ему даете меньше политических прав, чем городскому рабочему? Разве крестьянство не составляет огромнейшего большинства населения в нашей стране? Почему же, если большинство трудящихся состоит из крестьян, почему же пролетарское меньшинство должно искусственно

навязывать свою волю огромнейшему большинству трудящихся? Крестьянин не дармоедствует, он не паразитствует, он—не буржуа, а трудящийся. Где же опять-таки здесь хотя бы самая элементарная (простая) справедливость? И не есть ли это отступление от заветов равенства среди трудящихся, из которых только и можно строить настоящий мост к социализму?

Такого рода рассуждения, кажущиеся иногда убедительными, страдают, однако, тем основным пороком, что они, вместо трезвого учета сил и вместо трезвого обсуждения вопроса, говорят лишь жалкие слова. Если уж зашла речь о справедливости, то вопрос нужно поставить таким образом:

Справедливо или несправедливо было бы, если бы мы проворонили все дело социализма? Справедливо или несправедливо было бы, если бы мы дали возможность буржуазии околпачить нас и возвратить старый порядок вещей? Стоит только таким образом поставить вопрос, чтобы получить на этот вопрос сразу же отрицательный ответ. Конечно, было бы в высшей степени «несправедливо», а попросту говоря, прямо глупо, если бы мы действительно проворонили дело социализма. Но, ведь, мы знаем, что дело социализма не только не противоречит коренным интересам всех трудящихся, но что, в конечном счете, от осуществления социализма выиграют не только рабочий класс, но и широкие крестьянские массы. Следовательно, и с точки зрения рабочего класса, и с точки зрения коренных интересов крестьянства, про-

вал социализма был бы с нашей стороны прямым политическим преступлением, если бы мы провалили наше дело по своей собственной вине.

Но ведь мы знаем и мы твердо уверены в том, что мы можем притти к социализму только и исключительно при условии союза рабочего класса и крестьянства; мы знаем, что мы придем к победе только и исключительно при руководстве рабочего класса в этом союзе. Мы знаем, что подрыв пролетарской диктатуры, т.-е. подрыв этого руководства, есть подрыв всего дела социализма. Вот почему мы должны принять все меры для того, чтобы это руководство обеспечить. И если в настоящее время еще есть опасность известных колебаний со стороны крестьянства или его некоторой части, при чем эти колебания на деле идут против коренных интересов этого же самого крестьянства, то мы должны пойти на известное политическое неравенство между пролетариатом и крестьянством для того, чтобы дать в руки пролетариату некоторую добавочную гарантию, обеспечивающую за ним руководящую роль.

В конце-концов, как нетрудно понять, такого рода политика не только не противоречит, но, наоборот, выражает коренные интересы крестьянства, которые очень часто, благодаря отсталости и темноте крестьянского населения, прикрыты от его глаз пеленой временных или кажущихся, или второстепенных и производных интересов, менее важных и менее существенных для крестьянства, интересов, которыми

нужно уметь жертвовать ради интересов более основных и более коренных.

Рабочий класс и его партии говорят об этом политическом неравенстве между пролетариатом и крестьянством совершенно открыто, признавая перед всеми существование этого неравенства; но точно так же мы открыто говорим, что эти привилегии рабочего класса являются лишь временными и будут исчезать по мере роста сознательности и по мере переделки нашей крестьянской массы. Чем дальше будет итти вперед дело социалистического строительства, чем больше и больше будут отходить на задний план оставшиеся еще у буржуазии силы, и чем больше и быстрее будут укрепляться социалистические формы нашего народного хозяйства, чем крепче, следовательно, будет фундамент экономической смычки между рабочим классом и крестьянством, а, следовательно, чем больше будет политическое влияние пролетариата на это крестьянство, — тем меньше будет необходимости в этих привилегиях для рабочего класса. Они будут постепенно все уменьшаться и сделаются, в конце-концов, совершенно излишними. А общее дальнейшее укрепление пролетарского влияния и переработка в социалистическом духе широких масс трудящихся сделают неопасным противоположное влияние со стороны даже оставшихся буржуазных элементов, и, таким образом, мы, в конце-концов, перейдем к системе всеобщего и равного избирательного права в наши советские органы.

А если мы посмотрим еще дальше вглубь нашего

будущего, то мы увидим такое время, когда все перегородки между классами отпадут, когда уничтожится грань между трудящимися города и деревни, когда исчезнет необходимость в органах государственного принуждения вообще (если только к тому времени будут низвергнуты капиталистические государства в других странах мира), и когда целиком и полностью отомрет всякая политика. Эта политика заменится одним лишь научным управлением и научным руководством общественным хозяйством.

(Из кн. „Путь к социализму и рабоче-крестьянск. союз". — Гиз. 1926 г.).

Еще о политике партии в деревне.

I. О неверном толковании нашей политики в деревне.

Я хотел бы, товарищи, в своем докладе несколько остановиться на крестьянском вопросе. Каждый из вас знает, что крестьянский вопрос в данный период является для нас центральным. Какая бы проблема ни встала перед нами, хотя бы чисто военная, скажем о территориальных дивизиях, все равно мы упираемся в крестьянский вопрос. А мне сдается, что задача построения территориальной армии особенно упирается в вопрос о взаимоотношениях пролетарского авангарда с крестьянством. Эта форма нашего военного строительства, до сих пор еще не прошедшая через огонь войны и поэтому не выдержавшая еще практического экзамена на все 100%, — я не сомневаюсь, что она выдержит его, — эта форма военного строительства, будет успешно прививаться у нас в зависимости от того, каковы будут в решающую минуту взаимоотношения пролетарского авангарда с крестьянством, с местным населением. Если вы возьмете, скажем, международное положение, то и оно для нас в значительной мере сводится к вопросу о прочности союза рабочего класса с крестьянством. Если вы

возьмете, наконец, скажем, вопрос о более быстром под'еме нашей промышленности, то и тут в последнем счете решение кроется в области взаимоотношений города и деревни, взаимоотношений рабочего класса и крестьянства. Вот почему не случайно крестьянская проблема стоит у нас сейчас — в «хозяйственный» период революции — в центре внимания.

И этот вопрос будет стоять в центре нашего внимания еще долгое время, ибо он не сезонный вопрос, не вопрос моды. Напрасно кое-где думали, а пожалуй продолжают думать еще и сейчас, что в центре, мол, поговорят-поговорят о деревне и бросят. Нет, товарищи, после того, как гражданская война кончилась, после того, как под'ем народного хозяйства у нас начался, после того, как мы перешли на мирное положение, — вопрос о взаимоотношении рабочего класса с крестьянством не сезонный, не кратковременный, а именно центральный, коренной, узловой вопрос нашей политики и работы.

Большинство из вас, товарищи, вероятно, познакомилось с постановлениями нашей партии, которые были формулированы совсем недавно на XIV партконференции, а затем переведены на государственный язык в решениях Всесоюзного Советского С'езда. Мы не можем, однако, похвастаться тем, что сейчас в глубокую толщу народа и даже в глубокую толщу членов партии уже проникла совершенно верная, ясная, недвусмысленная точка зрения по поводу принятых партией решений. Напротив, можно смело сказать, что эти решения еще толкуются вкривь и вкось, иногда совсем ошибочно.

Мне кажется, товарищи, нам нужно прежде всего договориться относительно того, что лозунг «лицом к деревне» означает «лицом к середняку и бедняку», потому что именно на этот счет существуют еще колебания и неясности. Я получил как раз вчера подробный материал об итогах перевыборов сельских советов в тех местах, где первые выборы были кассированы. Сводка охватывает целый ряд мест всего Союза. Из одного этого документа становится совершенно ясным, что местами некоторые слои крестьянства поняли дело так, будто лозунг «лицом к деревне» есть поворот к более зажиточным слоям деревни. Так его пытались истолковать прежде всего богатые круги деревни. На Кубани и в целом ряде других мест наиболее богатый мужик истолковывал лозунг «лицом к деревне» в таком смысле что это лицо «лицом ко мне», к богачу.

Вот вам сообщение из типичной крестьянской губернии. Из Самары партгранизации сообщают. «беднота говорит, что отдали нас на с'едение кулакам; как умер тов. Ленин, нас перестали защищать, защищают кулаков; Ленин говорил, что нам долго придется ездить на убогой крестьянской лошадке, а теперь партия хочет сесть на жирную кулацкую лошадь». Вот, товарищи, заявление, которое для некоторых мест типично. Если бы такая мысль пошла широко среди крестьянства, создалась бы настоящая опасность для нашей партии и Советской власти. Вы все знаете наше крестьянство — многие из вас сами из крестьян, да и наши рабочие связаны с деревней. Если вот этакая мысль, хотя и выраженная коряво,

проложит себе дорогу в деревню, то, товарищи, вы потом не выкорчуете ее в течение месяцев и годов. Она получит прочность предрассудка, ее будут повторять всюду. Каждое наше мероприятие, каждый наш закон будут толковать вкривь и вкось, вкладывая в него совершенно чуждое ему содержание.

Разумеется, такие настроения составляют ныне только исключение, но нам необходимо обратить на них самое серьезное внимание. Верно ли, что наша политика означает курс на богатую верхушку крестьянства? Есть ли хоть какое-нибудь основание для того, чтобы толковать так наши постановления, или это мнение просто высосано из пальца? Кое-какие внешние поводы для такой неверной в корне постановки вопроса несомненно имеются. В чем они заключаются? В том, что Советская власть, намечая теперь на долгие годы крестьянскую политику, действительно вынуждена была сделать сейчас некоторые уступки богатой крестьянской верхушке. Вы знаете, что недавно партийная конференция, а потом Всесоюзный С'езд Советов утвердили положение относительно расширения прав аренды земли и относительно применения наемного труда в сельском хозяйстве. В обоих вопросах были допущены серьезные уступки богатой верхушке деревни. Вот здесь и скрывается тот внешний повод, который позволяет деревенской верхушке расширительно истолковывать смысл принятых нами решений. Этот же внешний повод заставил насторожиться кое-какие бедняцкие слои деревни и внушил им подозрение, что после смерти Ленина партия вообще решила держать курс на богатое крестьянство, что она во-

обще хочет вместо «убогой крестьянской лошаденки сесть на жирную кулацкую лошадь».

Я не скрою от вас, товарищи, что и в партийной литературе имеются незрелые высказывания на этот счет, были мало-продуманные попытки истолковывать расширительно политику партии, примерно, в том смысле, что кулачества у нас нет, что верхушка деревни накопляет путем какого-то непорочного зачатия, что деревня достигла сразу мира и благоденствия. Видите ли, кулак — только термин, устаревший термин, это вымирающие единицы, это призрак старого мира, какое-то нереальное существо. Словом, нет в деревне классовой борьбы, потекли у нас молочные реки в кисельных берегах: куда ни глянешь — всюду социализм, и т. д., и т. п. Здесь сказывается непродуманное, незрелое, неправильное понимание решений партии. Чтобы понять полностью решения нашей партии, надо изучать документы, резолюции, принятые партийной конференцией и Всесоюзным С'ездом Советов. Там вы не найдете такой постановки вопроса, которая отрицала бы наличие классовой борьбы или наличие кулака в деревне. У нас и теперь иные товарищи не могут об'яснить, что такое кулак, и с самым серьезным видом доказывают неимоверную трудность дать точное определение кулака. Между тем, у нас есть ясные определения, данные тов. Лениным. Я думаю, что в любой деревне любая группа крестьян вам отлично определит, что такое кулак, хотя, может быть, и без всяких, якобы марксистских, выкрутасов, но она прекрасно знает, что кулак есть подлинный кулак, а не те, которых иногда зря зачи-

сдяют в кулаки, что, несмотря на раскулачивание, которое мы проводили, все же значительная прослойка кулаков в деревне осталась. Вот почему, товарищи, нужно изучать решения самой конференции. В них заключается лучшее противоядие против тех самарских настроений, о которых я вам здесь рассказывал.

II. Лицом к бедняку и середняку.

Партия должна была сделать сейчас известные уступки богатой деревенской верхушке — держа генеральную линию, конечно, на середняка и бедняка. Она пошла на это не ради прекрасных глаз деревенских богатеев, а ради того же, во имя чего мы делали известные уступки городским нэпманам, ради более быстрого развития производительных сил страны. Эти уступки создают еще один импульс нашего хозяйственного развития. Нет никакого сомнения, что в самом НЭП'е есть элемент подстегивания, элемент личного интереса. Ленин правильно писал в последнем своем произведении, что НЭП дал нам возможность найти правильную пропорцию, правильную сцепку между элементом личной заинтересованности и элементами государственного социалистического развития. Вот и в деревне нам пришлось теперь искать эту надлежащую сцепку личной заинтересованности с государственной, а личная заинтересованность часто сводится к подхлестыванию.

Итак, уступка деревенской верхушке должна в известной степени подстегивать более быстрое раз-

витие производительных сил в деревне. Но мы отнюдь не благословляем эту меру, мы не об'являем, что она на самом дел коммунистический пряник. Ничего подобного! Уступка остается уступкой, в деревне выдвигается элемент личной заинтересованности.

Мы ни на секунду не скрываем от себя того, что кулак в деревне б о л е е о п а с е н, гораздо более опасен, чем нэпман в городе. Нэпман в городе не играет крупной политической роли и пока не может ее играть. В городе мы имеем на одной стороне нэпмана, на другой — наши мощные рабочие организации, насчитывающие десятки лет организованной работы. В городе наша крупная промышленность есть наша база, наша основа. Нэпман и не мечтает пока здесь о роли организатора общественного мнения. Он мечтает лишь о том, чтобы хапнуть побольше. Но если бы мы предоставили нэпману расти вполне свободно, то через десяток — два лет он вырос бы в крупную величину, потому что экономика связана с политикой. В деревне же дело и сейчас обстоит по-иному. Деревенская кулацкая верхушка с первого момента тянется не только к наживе, стремится не только хапать, не только к ростовщичеству, но с первого же момента претендует и на политическую роль, на роль организатора деревенского общественного мнения. И всякий из нас знает, что богатая верхушка в деревне действительно имела и имеет шансы завоевать общественное мнение в деревне, потому что богатый человек в деревне — не только богач, он — а в т о р и т е т, и тот, кто приходит к нему просить взаймы, попадает не

только в материальную, но и в известную моральную зависимость от него. Вот почему кулак или деревенский нэпман несравненно опаснее, чем нэпман городской. В деревне мы слабее, в деревне наши силы разбросаны, в деревне наши ячейки еще слабо организованы, в деревне у нас еще нет фабрик и заводов, и там нам противостоит более организованная сила — деревенская верхушка. Там деревенский нэпман, кулак, в союзе с попом, опираясь на религиозные предрассудки и деревенскую отсталость, может стать для нас опасным конкуррентом, серьезным соперником и в области политической. Эту опасность мы должны ясно видеть, и мы ее видим.

И тем не менее, товарищи, нам пришлось сделать известную уступку в экономической области деревенской верхушке. Значит ли это, что мы делаем ставку на кулака? Ни в коей мере! Горе было бы нам, если бы партия, страна или крестьянство так поняли нынешнюю нашу политику. А вы видите, что кое-где такие настроения просачиваются. Трудно обижаться на крестьянина, что у него обнаруживаются подобные настроения. Беднота забита, истощена, только недавно кончилась гражданская война, налоги тяжелы, отсталость громадная, партия в деревне еще очень слаба. Что же удивляться, если при таком положении вещей, в переломный момент, когда мы еще не успели раз'яснить всей стране о чем идет у нас дело, кое-где появляются такие настроения. Нам надо суметь об'яснить крестьянину, что нынешняя политика партии ни в какой мере не есть поворот к кулаку, к деревенским верхушкам.

По-моему, можно было бы употребить такое сравнение, совершив экскурсию в область крестьянского инвентаря. У нас есть деревенская телега, весьма хромая. Она долго стояла в запустении, ее надо теперь пустить в движение. В телеге, конечно, главную роль играют, как мы знаем, колеса, спицы и т. п., но известную роль играет и шкворень. Для того, чтобы наша телега пошла, необходимо шкворень пригнать, маленько починить, смазать. Значит ли это, что мы обращаемся «лицом к шкворню», а не к телеге? Нет, мы знаем, что основное — колеса, основное — сама деревенская телега. Итак, кулак, лавочник, ростовщик, мельник, бывший богатей,— он пока еще в нынешней деревне вроде этого самого шкворня. Если вы его не пригнали, не наладили, не смазали, телега не пойдет или пойдет плохо. Конечно, этот «шкворень» у нас не вечный. Мы в свое время вместо убогой телеги наладим гораздо более подходящий экипаж, более усовершенствованный, и самый вопрос о шкворне отпадет, но это вовсе не значит, будто мы сейчас держим курс не на телегу. Нет, курс мы держим именно на крестьянскую телегу, курс мы держим на основную массу деревни, которая состоит из середняка и бедняка. Если в это время, пока мы еще не привели всю телегу в настоящий советский вид, если тут перепадет кое-что и кулаку, — ну, что же, мера временная, придет пора, когда дело пойдет у нас хорошо и без подхлестывания частным интересом.

Мы только что начали большую работу в деревне, мы только стали ходить вокруг деревенской телеги, рассматривать ее слабые места, выискивая, где надо

смазать, а где починить. В этот момент очень вероятно, что крестьянин, как только мы приблизились к его телеге, вообще уже полон подозрений: «вы чего же подошли к моей телеге, может и что худое еще случится, вы ходите вокруг да около нее, начинаете мудрить». Крестьянин уже настраивается подозрительно. А когда он видит, что вы к его телеге подводите кулака, развязываете кулаку до известной степени руки, делая ему некоторые уступки, — его подозрения усиливаются, так как он видит только маленький кусочек, но не весь дальнейший путь, он не знает еще, куда мы идем. Ведь и рабочие, когда мы вводили новую экономическую политику, также иногда были не лишены подозрений, и даже около партии были люди, которые говорили: «НЭП есть новая эксплуатация пролетариата». А когда прошло несколько лет и рабочий убедился, что НЭП выгоден нам, рабочим, что хотя нэпман и поживился, но мы усилили развитие производительных сил, подняли заработную плату, наладили фабрики и заводы, — рабочий теперь уже видит не частицу всей этой операции, а всю нашу стратегию.

Сейчас мы в деревне переживаем такое время, когда рядовой крестьянин не может видеть всей нашей стратегии, а видит только начало, кусочек этой операции. А так как крестьянин вообще человек недоверчивый, в силу всей окружающей его обстановки, по опыту всей своей хозяйственной жизни, так как связей у нас с ним мало, так как действительно мы, вероятно, делали тут немало и ошибок, ибо знаем сельское хозяйство меньше, чем свою промышленность, то теперь, когда он видит лишь кусочек пу-

ти, лишь начало всей этой сложной операции, он не может еще судить обо всей нашей стратегии в целом, и склонен поэтому зачастую истолковывать наши действия в худую сторону. А когда еще около нас сказываются люди, которые под руку дают об'яснения достаточно глупенькие, наивные, об'яснения такого рода, что и кулака, и никакой классовой борьбы в деревне нет, а все совершается путем непорочного зачатия, то естественно, что такие настроения могут временно расти. Надо с ними покончить. Нужен трезвый и ясный подход, — уступку надо назвать уступкой, и этого признания не бояться. Надо прямо сказать крестьянину: да, тут мы вынуждены были уступить кулаку, частной инициативе, как в свое время и нэпману в городе, — но основной курс у нас остается старый, основной курс у нас — на поддержку середняка и бедняка. Тогда он вам сразу поверит.

Нам говорят иногда: но в деревне кулаков-то вообще мало, кот наплакал, стоит ли об этой безделице говорить. И, действительно, в деревне подлинного кулака, а не тех, кого зря «зачисляют» в кулаки, количественно немного. По всем тем данным, которыми мы располагаем, ясно, что кулака в нашей деревне от трех до четырех процентов максимум. Количественно — как-будто пустяк, кулак тонет, как муха в молоке, в безбрежной массе середняцких и бедняцких слоев деревни. Но, товарищи, утешать себя таким образом, значит не понимать сущности дела. Буржуазный строй в том и заключается, что ничтожное меньшинство, опираясь на свое материальное богатство, надругается, издевается и «упра-

вляет» громадным большинством. Неужели эту азбуку стали забывать? Конечно, кулака в деревне очень мало, только 3 — 4 проц., но, как всегда бывало при буржуазном строе, 3 — 4 проц. имущих держат в руках 80 — 90 проц. неимущих. А если прибавить к этому, что деревенский богач держит деревню не только под своим материальным влиянием, но в известной степени и под моральным (деревня частенько привыкла «уважать» богача), если к этому прибавить подсобную роль попа, отсталость деревни, нашу слабость в деревне, — то вы получаете такую картину, что 3 — 4 проц. деревенского кулака становятся социально и политически опаснее, чем гораздо больший процент нэпманской буржуазии в городе.

Я думаю, товарищи, что самое серьезное и, в сущности говоря, единственное противоядие против таких настроений, которые имеются в Самарской губернии и, вероятно, не в одной только Самарской, которые вы, вероятно, подслушали и среди рядовых красноармейцев, недостаточно полно и ясно усвоивших политику нашей партии, — единственное противоядие не в том, чтобы преподать политику в сладеньком виде, а в том, чтобы ясной большевистской постановкой вопроса, — как предлагает резолюция всесоюзной партконференции, — раз'яснить, что кулак есть кулак, классовая борьба есть классовая борьба, уступка есть уступка, а частичное отступление есть отступление, но все это необходимо для того, чтобы поднять и двинуть крестьянскую телегу и, таким образом, в конечном счете удовлетворить интересы громадного большинства бедняков и серед-

няков. В этом смысле я и говорю, что лозунг «лицом к деревне» необходимо гораздо яснее, чем до сих пор, истолковать и популяризировать в массах, как лозунг «лицом к бедняку и середняку».

III. Пешехонов о деревне.

Действительно ли в деревне «все кошки серы».

Не далее как вчера я получил новую статью — продолжение одной интересной работы крупного народнического писателя Пешехонова, посвященную как раз вопросу о крестьянстве [1]). Я думаю, многие из вас слышали имя Пешехонова, яркого выразителя народнической идеологии. Он был одно время министром в так называемом «коалиционном правительстве» до Октябрьских дней, затем на Украине вел контр-революционную работу, и Советской властью он был выслан заграницу, где находится и в настоящее время. Пешехонов — не глупый противник. Он — крупный народнический теоретик по крестьянскому вопросу. Теперь на досуге он пишет работу по вопросу о социальной природе крестьянства и печатает ее в эс-еровском журнале. Работа еще не закончена печатанием. Она, действительно, представляет собой самое интересное и самое связное выступление представителя вражеского лагеря.

---

[1]) Речь идет о статье А. Пешехонова „К вопросу о социальной природе крестьянства". „Воля России". Прага, 1925 г., 4 и 5 книги.

Пешехонов ставит дело так: основной вопрос русской жизни заключается в том, что такое крестьянин для большевиков — друг или враг? Он все время ходит вокруг этой темы. Надо иметь в виду, — говорит он, — что в России не раз бывали ошибки на этот счет, и вспоминает то время, когда царское самодержавие тоже считало крестьянина своим другом, а на поверку оказалось, что крестьянин ему враг. Так было в эпоху второй думы. Действительно, когда царь разгонял первую государственную думу и ломал избирательный закон, то он отнял избирательные права у рабочих и городских бедняков и почти целиком оставил их крестьянам. Было такое время. Расчет был таков, что «мужичек» пойдет за царем. Вы знаете, что «мужичек» обманул надежду «батюшки-царя». Пешехонов, вспоминая об этом, и говорит: как бы не случилось того же самого с большевиками.

Я думаю, товарищи, к классовому врагу не грех прислушаться. Враг, конечно, преувеличивает на 100 и даже на 100 тысяч процентов. Но в зародыше такая тенденция есть, — поскольку дело идет о «верхних» слоях крестьянства. Передовики-рабочие должны ее ясно видеть и не строить себе ни малейших иллюзий. Тысячу раз Владимир Ильич говорил: крестьянин, как трудящийся, — наш брат; как продавец хлеба, как торговец и спекулянт, он может стать даже нашим врагом [1]). Не в том заключается

---

[1]) „Крестьянство, как трудящиеся — союзник; как собственники и спекулянты — враг". Ленинский сборник. Издание Института Ленина при ЦК РКП(б), т. III. „О диктатуре пролетариата", стр. 497.

задача пролетарского авангарда, чтобы закрывать глаза на опасность и кричать: мы шапками закидаем всякую опасность. Нет, ежели ты гегемон революции, то у тебя должна быть голова на плечах. Ты должен понимать, что в этой сложной переходной обстановке, когда наша промышленность быстро восстанавливается, зарплата растет, когда весь уровень жизни поднимается, — крестьянское хозяйство развивается еще медленно, крестьянскую телегу мы только начинаем как следует налаживать. Именно при этой обстановке такая опасность существует; и если ты, гегемон революционной страны, допустишь в этом вопросе какую-либо ошибку, то это может вызвать самые серьезные политические последствия. Не забывайте предостережений умного врага. Опасность отчуждения от крестьянской массы существует. И если мы не будем ясно видеть своего пути, она из маленькой может превратиться в большую.

В дальнейшем Пешехонов подходит к самому основному и больному вопросу современности. Он разбирает вопрос о дифференциации крестьянства. Он пытается доказать, что марксисты в целом оказались неправыми, когда говорили, что крестьянство дифференцируется, что крестьянство распадается на три больших группы: среднюю массу в центре и две крайних — богатую верхушку и пролетаризирующиеся слои — по сторонам. Ссылаясь на нашу советскую и досоветскую статистику, он стремится доказать, что деревня, напротив, все больше и больше нивеллируется и становится средней.

Мне кажется, что Пешехонов бьет нам челом на-

шим же добром. Я напомню вам, что говорил в 1921 году тов. Ленин. Он указывал, что наша деревня после Октябрьской революции начинает нивеллироваться, выравниваться. В наброске тов. Ленина от 1921 года, опубликованном только на-днях, говорится, что середняк является центральной фигурой нашей деревни [1]). Так оно и есть. После революции, после того, как мы скинули помещика, совершили величайшую земельную революцию в мире, после этого деревня при правильной политике пролетариата бесспорно будет выравниваться, нивеллироваться. Однако, Пешехонов, более или менее правильно констатируя этот факт, хочет взять реванш в том смысле, что вообще классовой борьбы в деревне никогда и не было, и что в этом наша коренная ошибка, как марксистов. Он говорит: то, что вы называете раскулачиванием, было борьбой не разных классов, а только борьбой внутри одного крестьянского класса. Что же, вы захватили, мол, власть и сказали «грабь награбленное». Конечно, внутри единого крестьянства одна часть и стала грабить другую часть того же класса. Вы думаете, это может произойти только по отношению к крестьянству? Нет, это могло случиться с любым классом, это могло быть с буржуазией. Я вам приведу дословно его мысль:

---

[1]) В плане брошюры о продналоге, помещенном в «Большевике» № 7 за 1925 г., имеется следующая запись Владимира Ильича: «Теперь гвоздем, оселком становится (стало) увеличение продуктов (ср. программа РКП). Unde (следовательно — *Г. З.*) ставка на середняка в земледелии. Старательный крестьянин как «центральная фигура» нашего хозяйственного под'ема» (стр. 76).

«...Началось раскулачивание деревни... Но это была, конечно, не классовая борьба. Такой же грабеж легко вызвать в любой социальной среде. Предоставьте возможность буржуям, и они охотно начнут грабить друг друга. Да и грабят, ведь, в меру дозволенного, в иных только формах. Способны грабить друг друга и рабочие, — примеров этому мы видели немало...» [1]).

Такова его постановка вопроса. То, что было в деревне в течение первой полосы революции, это, видите ли, не классовая борьба, а разнуздание зверя внутри одного и того же класса. Почтенному политику из народнического лагеря и невдомек следующее. Если кто-то мог сказать одной части крестьянства «грабь другую», то значит эта другая часть крестьянства чем-то отличалась от первой. Чем? Тем, что у нее было обилие земли, обилие инвентаря, обилие деньжонок.

Мы отлично знаем, что кулак охотно называет себя крестьянином, да еще трудовым. Мы знаем, что кулак часто и участвует в процессе хозяйства, «трудится». И сельский кабатчик прежде называл себя «трудовым крестьянином». Он никогда не говорил, что он просто кабатчик и паук, он считал себя «трудовым крестьянином» и видел в Викторе Чернове (которого, кстати, великолепно охарактеризовал недавно Савинков) своего идеолога и представителя. Богатый крестьянин политически заинтересован в том, чтобы красить все в одну краску: мы все — единое трудовое православное

---

[1]) «Воля России», 1925 г., № 5, стр. 99.

«хрестьянство». В этом заинтересован кулак. И Пешехонову невдомек, что своей квази-научной постановкой он выдает себя с головой, как идеолог кулачества. У него выходит, что в деревне всегда все кошки были серы, ибо он хочет, чтобы кулак и трудовой крестьянин одинаково назывались «крестьянами». Такова кулацкая идеология!

IV. Классовая борьба в деревне до и после революции.

Я вам прочту еще пару мест из статьи Пешехонова: «Положение в деревне большевиков, особенно после того, как начался под'ем в сфере сельско-хозяйственного производства и вместе с тем обозначилась «подвижка вверх» крестьянского хозяйства, становилось все труднее и труднее. Опора все быстрее и быстрее уходит из-под них. Мероприятия Советской власти, предпринимаемые ею в интересах сельского хозяйства, грозят еще более обострить это положение... «Вчерашний бедняк, ставший середняком, имеет тягу стать зажиточным. И с этой позиции, пока хозяйство индивидуально, его стащить никоим образом нельзя». (В данном месте Пешехонов цитирует нашего советского экономиста А. И. Хрящеву). Как в самом деле сделать, чтобы бедняк и даже середняк не тянулся вверх, как сделать, чтобы и бедняк оставался, и хозяйство процветало? Задача явно неразрешимая» [1]).

Итак, по Пешехонову, наша позиция будто бы сводится к тому, «чтобы и бедняка сохранить и что-

---

[1]) Там же, стр. 100—101.

бы хозяйство процветало». Так как здесь явно неразрешимое противоречие, он и радуется. Вы, большевики, в деревне делали ставку на бедняка, связали свою политику с бедняком, но поскольку бедняк становится середняком, постольку ваша ставка на бедняка бита, постольку вы, стало быть, сломали себе шею в крестьянском вопросе. Вы ставите себе теперь неразрешимую задачу — и бедняка сохранить, и середняка создать. Тут Пешехонов проводит параллель между столыпинской политикой и нашей. Столыпин делал ставку на один сектор деревни, на один угол ее, на богатую верхушку крестьянства; большевики ставили на другую крайность, на другой сектор, на другой отрезок, на бедняка, — политика Столыпина сорвалась, сорвалась и большевистская политика, и не могла не сорваться, — говорит он. Деревня выравнивается, становится все более середняцкой, поэтому всякий, кто ставит на один угол деревни, будь то Столыпин, будь то большевики, — срывается.

Вот уж, поистине, запутался почтенный народник в трех соснах. Бедняги, неужели у них нет лучших аргументов?

Действительно, если мы утверждаем, что классовая борьба в деревне продолжается, что деревенский кулак есть и в количестве 3—4 проц., что он опаснее, чем нэпманы в городе, и если мы все-таки держим курс на бедняцкие и середняцкие слои деревни, то вытекает ли отсюда, что мы хотим увековечить бедняка, следует ли отсюда, что мы поставили себе такую несбыточную цель — и хозяйство поднять, и бедняка оставить бедняком.

Конечно, нет!

Нет, мы ни в коем случае не держим курс на то, чтобы бедняк остался бедняком. Это было бы действительно безнадежная идея. Тогда ни в коем случае ни один бедняк не пошел бы за нами. Правда, мы возникли как «правительство рабочих и крестьянской бедноты». Однако, любой бедняк в деревне откажется от своего почетного звания ради действительного материального благополучия. Мы были бы дон-кихотами, не знающими народа, если бы мы этого не понимали. Мы, правительство, вышедшее из низов, деревенской бедноты, но вовсе не правительство, увековечивающее бедность. Мы — правительство, которое хочет поднять бедноту на известную хозяйственную высоту — на социалистической основе. Мы знаем, что поднять крестьянство к социализму гораздо труднее, чем рабочих. Мы знаем, что этого нельзя сделать декретами, нельзя сделать насилием, нельзя сделать в короткий срок, но есть пути, которые ведут нас к цели.

Это азбука: если бедняк поднимается на одну ступень, он становится середняком, если середняк поднимается на одну ступень, он становится зажиточным, зажиточный — кулаком, растет классовая борьба и т. п. Так шло при капитализме, так до известной степени идет и при государственном капитализме, идет при НЭП'е, идет при власти советов. Но именно потому, что государственная власть теперь в руках пролетариата, именно потому, что социалистическая промышленность растет, именно потому, что мы начинаем овладевать деревней по-новому, на новых хозяйственных началах, именно

поэтому законы капитализма у нас теряют теперь известную часть своей силы. Пешехонов не хотел видеть действительных законов капиталистического развития деревни до падения царизма, и Пешехонов хочет полностью навязать нам законы капитализма теперь, когда мы капиталистов прогнали. Тогда весь народнический лагерь говорил, что русская деревня развивается по совершенно особым законам, что в ней никакой классовой борьбы нет. Такое утверждение было неверно, и мы были правы, когда говорили, что деревня в общем и целом развивается путем роста в ней противоречий, путем распада на разные классы. Это было верно на 100 проц. до тех пор, пока власть не перешла к рабочему классу. А теперь дело уже не так, не совсем так.

Теперь, по мере того как мы овладеваем не только государственной властью, но и могучими экономическими рычагами жизни страны, дело меняется. Были времена, когда Столыпин делал ставку на кулака,—теперь Советская власть делает ставку на бедняка и середняка. Разница, г. Пешехонов, есть. Она заключается вот в чем: при капитализме вся государственная машина, вся государственная власть тоже не была нейтральна, она участвовала в классовой борьбе, в том числе и в классовой борьбе в деревне, но участвовала на стороне одной определенной группы, по одну сторону баррикады, на стороне кулака, а теперь наша диктатура тоже не нейтральна. Не наша задача сделать, чтобы и овцы были целы, и волки сыты. Мы тоже участвуем в классовой борьбе всей своей мощью, всей силой политической и экономической власти, но мы участ-

вуем по другую сторону баррикады. Мы всю мощь государства бросаем также на чашу весов, но только на другую — середняков и бедняков.

При Столыпине тоже была диктатура, но только диктатура помещика; у нас диктатура пролетариата. Мы свою диктатуру бросаем на чашу весов середняка и бедняка. Мы бедняка хотим поднимать до уровня середняка. Мы хотим создать двухугольное сб'единение деревни, т.-е. на одной стороне — середняк и бедняк, на другой стороне — кулак. И мы хотим в последнем счете сделать это не на основе личного обогащения, не на основе господствующих пока в деревне мелкобуржуазных форм хозяйства, а на основе социализма. Мы добиваемся своего п о с т е п е н н о через трактор, через кооперацию, путем поднятия мощи нашей городской промышленности, через предметные уроки преимуществ коллективного хозяйства над единоличными, в течение годов и годов.

V. Наши задачи в деревне

Наша партия только сейчас вплотную, по-настоящему подходит к деревне. Не забудем, что широкая работа нашей партии в деревне только еще начинается. Мы были до 1917 года исключительно (почти исключительно) г о р о д с к о й партией. Еще в 1918 году Ленин говорил, что крестьянской партией у нас является партия левых эсеров. Мы только теперь широко подходим к деревне.

Самое главное — нужно найти слова, которые дойдут до сердца рядового крестьянина. Если из Са-

мары нам сообщают, что нас мужик понял так, будто вся политика партии есть поворот на кулака, на сытую кулацкую лошадь,—как фигурально говорит крестьянин, — то это значит, что-то было нехорошо раз'яснено, мы еще недостаточно ясно поставили вопрос, и надо добиться, чтобы в каждом селе на Волге, в Сибири и где бы то ни было крестьянин-массовик понял, что все нынешние мероприятия Советской власти не только не противоречат тому, чему учил Ленин, а представляют собой осуществление идей Ленина в современных условиях.

Мы не будем говорить, что мы ничего не уступили деревенской верхушке, нет, мы ей уступили, как уступили и нэпману. Мы были слишком слабы, чтобы сразу перейти к социализму, мы должны были уступить, и кое в чем уступили. Но мы смотрим на кулака — на подлинного кулака попрежнему, как на «самого грубого эксплуататора, на кровопийцу, на вампира» (слова Ленина), а центральной фигурой деревни считаем середняка и бедняка.

Местами и при недавних вторичных перевыборах в сельсоветы ряды бедняков были смяты, а ряды середняков раз'единены, при чем раз'единены так, что громадный кусок оторвали от нас кулаки, которые повели их за собой. Вот первый опыт этих перевыборов в новой обстановке. Идеален ли он? Конечно, нет, он будит тревогу. Идеальное положение будет тогда, когда ряды кулаков будут смяты, а ряды бедняков будут крепки, когда нам удастся повести за собой 100 проц. середняков, изолировав кулака. Ленин говорил, что социалистическая революция в деревне началась у нас летом 1918 года, когда мы

двинули бедноту против кулака. Продолжать социалистическую революцию в деревне летом 1925 г.,— значить не скрывать от себя опасностей, идущих от современного кулака.

VI. О кулаке. Есть ли у нас полный социализм?

Деревенский кулак—это не то, что кучка банкиров или городской буржуазии, которая бежала от революции за-границу и там отсиживается. Разве можно представить себе такое положение, что все кулачество сбежит за-границу? (смех). Конечно, этого представить нельзя, и не потому, что кулак не знает железных дорог или не имеет деньжонок на проезд. Здесь кроется нечто другое. В чем разница? Да в том, что кулак,—увы!—гораздо больше корней пустил в родную землю, потому что он в деревне совсем иначе устроился, чем какой-нибудь банкир в городе, который в момент опасности схватил шапку в охапку, собрал, что мог, и удрал заграницу. Нет, кулак гораздо больше вошел в почву гораздо глубже пустил корни: его надо и побороть по-иному.

Конечно, очень печально, что у нас есть еще кулак и что на восьмом году революции об этом приходится говорить. Это звучит неприятно, я с этим согласен. Неприятно звучит, что у нас на восьмом году революции государственный капитализм, однако это — факт. Свою последнюю лебединую песнь в Московском Совете тов. Ленин закончил, выразив твердую уверенность, что из нэповской Россия станет социалистической. Это значит, что пока у нас

еще нэповская Россия — с растущими элементами социализма; нэповская Россия — разве это звучит для нашего уха благозвучно? Не особенно. Но что же делать, товарищи? Заложить уши ватой и уверять, что мы не нэповская с растущим социализмом, а уже полностью социалистическая Россия? Нет. Если бы мы так сказали, это была бы фальш, сладкая водичка. Рабочий, крестьянин сладкую водичку попробует и выплюнет. Вопрос о том, будем ли мы называть вещи своими именами, имеет не только теоретическое, но и глубоко практическое значение: если мы сейчас станем утверждать, что у нас уже не нэповская Россия и не государственный капитализм с растущими элементами социализма, а чуть не полный социализм, тогда рабочий скажет: ежели то, что мы сейчас имеем, социализм, — то подите вы ко всем чертям.

Хорошо у нас дело идет; однако, и сейчас мы не имеем еще 100 проц. довоенной зарплаты. Не надо подкрашивать действительность. Владимир Ильич сказал, что государственный капитализм — это три четверти социализма, а вот одной четвертушки еще не хватает. Три четверти социализма. Это значит, что мы имеем все надлежащие кирпичи для постройки: политическая власть в наших руках, промышленность начинает подниматься, валюта окрепла. Червонец у нас котируется во многих европейских странах. Конечно, очень приятно, что у нас превосходный червонец. Ведь было время, когда наш совзнак имел громадное количество нулей почти без какой бы то ни было единицы (смех). Однако, разве это уже социализм? Это как раз настоящее, здоро-

вое, полнокровное выражение «государственного капитализма в пролетарском государстве», как говаривал Владимир Ильич. У нас нет еще полного социализма, ибо еще не отменены деньги совсем, ибо есть еще классы, ибо в системе социалистического хозяйства частный капитал и товарооборот играют значительную роль.

Если мы говорим о существовании кулака, то тем самым мы тоже подтверждаем, что социализма у нас еще нет. Должны ли мы подкрашивать действительность и говорить, что кулака у нас нет? Нет, товарищи, нужна еще долгая работа для того, чтобы социализм полностью построить. Не хватает еще малого: чтобы мы в деревне кулака хозяйственно победили, чтобы трактор там стал общим явлением, а не исключением. Не хватает, чтобы мы поголовно уничтожили безграмотность, не хватает, чтобы мы поголовно кооперировали население. Не хватает закончить работы по электрификации. Когда мы все это осуществим, тогда мы самыми быстрыми шагами пойдем к социализму. Не теряя ни минуты, мы строим социализм. Мы строим социализм, и мы его построим.

У нас есть все основания к здоровому, доброму оптимизму. Партия завоевывает второй раз и завоюет окончательно деревню. Союз рабочего и крестьянина нерушим! (Бурные, долго несмолкающие аплодисменты).

(Из речи на конференции Ленинградского военного округа. 21 июля 1925 г.).

О работе партии среди деревенской бедноты.

Доклад тов. В. М. Молотова на пленуме ЦК РКП(б). X — 25 г.

Товарищи, на протяжении этого года пленум ЦК партии заслушивает третий доклад о политике в деревне. Между этими докладами и решениями, которые Центральный Комитет принимал по этому вопросу, есть тесная и неразрывная связь.

Первый доклад был посвящен политическим задачам партии в деревне. Отсюда—лозунг оживления советов.

Второй доклад касался, главным образом, экономических вопросов и, на-ряду с линией на устранение пережитков военного коммунизма, на развязывание товарооборота в деревне, он указывал также на ряд мер, направленных на немедленное и непосредственное облегчение положения крестьянских масс (уменьшение с.-х. налога, правильное регулирование с.-х. цен, дополнительное выделение для крестьян леса и земли и т. д.). Известно, что решения, которые Центральный Комитет принимал в октябре прошлого года и в апреле этого года, нашли свое выражение, прежде всего, в постановлении XIV партийной конференции, а также в постановлениях III Съезда Советов.

Теперь, по истечении года работы на основе новых решений о политике в деревне, нужно поставить вопрос—оправдался ли взятый партией курс работы в деревне? Я думаю, что, имея перед собой опыт этого года, мы все без колебаний можем ответить, что этот курс полностью оправдался. Курс был взят правильный. Что это так, об этом говорит сравнение теперешнего политического положения в деревне с тем, которое было год тому назад.

Мне кажется, что основной общий вывод, который мы должны сделать при оценке теперешнего политического положения в деревне, заключается в том, что в деревне в политическом отношении стало лучше, что Советская власть укрепилась в деревне. Это, для настоящего момента — основной вывод, который, однако, не покрывает ряда минусов в нашей работе среди крестьянства, ряда отрицательных сторон в политической и экономической жизни деревни. Но все же основной вывод, характеризующий положение деревни в общем и целом, тот, что в деревне понемногу начинает улучшаться политическое положение и укрепляться авторитет Советской власти.

Дальше я перейду к тем выводам, которые мы должны присоединить к этому основному выводу, и эти дополнительные выводы мы ни в коем случае не можем отрывать от первого.

Но прежде остановимся на том, в какой последовательности партия развертывала за этот год (с октября прошлого года) свои политические задачи в деревне. Тогда мы сможем отметить два основных этапа. Именно, первый этап—это тот, который выра-

жен в лозунге оживления советов. Он поставил перед нами задачу укрепить связь партии и авторитет Советской власти в отношении основной массы крестьянства, в отношении бедняков и середняков деревни. Вслед за этим, в особенности на XIV парт-конференции, мы особенно подчеркнули задачу укрепления партийного (и пролетарского, вообще) руководства деревней. Это был второй этап, который неразрывно связан с первым. Вслед за оживлением советов, мы должны были поставить и подчеркнуть задачу укрепления политического руководства деревней со стороны пролетариата,. т.-е., в первую очередь, со стороны нашей партии.

Новые задачи партии в деревне и организация бедноты.

Теперь в резолюции, которая ставится на утверждение ЦК, намечается нечто новое, ставятся некоторые новые задачи перед нашей партией в деревне. Если определить кратко это новое, то оно заключается в указании и подчеркивании того, *какими путями, какими средствами мы более правильно можем провести политику оживления советов в деревне одновременно с линией на укрепление руководства партии,* руководства пролетариата по отношению к крестьянской массе. Для того, чтобы иллюстрировать мысль, которую сейчас мы в особенности должны подчеркнуть, я приведу один пример, на котором более ярко обнаруживается то, в чем, действительно, заключается наша теперешняя задача.

Недели полторы-две назад мне пришлось беседовать с секретарем курского губкома нашей партии.

И вот, он мне рассказал, что у них в течение истекшего лета усилилось в ряде деревень напряженное настроение по отношению к советским хозяйствам, принадлежащим сахарным заводам, т.-е. к совхозам сахарных заводов. При чем в ряде случаев наблюдалось, что деревни прилегающих районов дружно, по крайней мере, с внешней стороны дружно, выдвигали требования о передаче части земли сахарных заводов в распоряжение крестьян. Выяснилось при этом, что требования эти в большинстве случаев предъявлялись от имени крестьянства в целом, от имени целых деревень, и как-будто получалось так, что за спиной этих требований стоит все крестьянство соответствующей местности. Между тем, когда наши товарищи ближе вгляделись в это дело, выяснилось, что инициатива в этих наступлениях на совхозы сахарных заводов в Курской губернии принадлежала кулачеству. Кулачество выступало при этом весьма организованно, умело объединяя вокруг себя всю деревню. Для того, чтобы добиться оторвать тот или иной кусок земли от сахарного завода, они без разрешения запахивали соответствующий кусок земли, принадлежащий совхозу при сахарном заводе, и эту запашку делали обыкновенно более зажиточные хозяева. А запахавши землю, они говорили бедноте: «Надо теперь ехать в Курск разбирать вопрос о передаче нам этой земли, но землю мы взяли сообща для всей деревни, тут и ваша доля есть. Кроме того,—говорили они беднякам,—эту землю мы подготовили, вспахали и вашу часть. Весной, когда нужно будет сеять, вы, беднота, получите ее готовенькой». Так организованно, умело, объединив вокруг этих

требований всю деревню, проводили свою линию наиболее зажиточные слои деревни, нуждающиеся в земле, не могущие полностью использовать своих материальных средств на своей только земле. Так умело в своих интересах они использовали и середняков, и бедняков. Характерно, что беднота, которая не может иной раз справиться и со своим теперешним жалким клочком земли, которая местами пыталась противостоять кулакам и вначале не соглашалась с ними, характерно, что и она, не говоря уже о середняках, в конце концов участвовала вместе с кулаками. Деревня в этих случаях представлялась как бы единой, а на деле оказалась под руководством кулачества. Отсюда, товарищи, видно, в чем наша громаднейшая слабость, где у нас большие трудности, чтобы правильно провести нашу правильную политику. А ведь это как раз те слабости и трудности, с которыми мы встретились при первых же шагах оживления советов. Нам нужно в настоящее время суметь сделать таким образом, чтобы кулачество не вело за собой деревню, не вело за собой не только бедняков, но и середняков, наша задача—вырвать из-под влияния кулачества бедноту и, что особенно трудно, вырвать из-под влияния кулачества середняков деревни. В связи с этим нам приходится сказать, что первые шаги в проведении оживления советов в ряде случаев обнаружили громадные недочеты в работе наших парторганизаций. Мы можем констатировать сейчас, что в ряде мест *парторганизации отставали от задач политики оживления советов*. В ряде мест они не могли справиться с этими задачами, у них вырывали позиции в сове-

тах, в кооперации и в других организациях. Они зачастую еще не умели правильно подойти к своей основной задаче, а именно—к новым методам работы и одновременно к правильной организации наиболее близких Советской власти и партии элементов деревни, в то время, как политическая активность всех социальных слоев деревни, и, следовательно, в том числе более опытной в политике верхушки деревни, явно возросла и растет дальше. Мы должны учесть рост этой активности и оживление во всех слоях крестьянства и на этой основе суметь развернуть свою работу против политических поползновений кулачества. Вот отсюда и вытекает то новое, что мы должны внести теперь в решения партии по вопросу нашей политики в деревне. Это новое заключается в том, каким образом в данное время, в данных условиях, при теперешних силах и при теперешней обще-политической обстановке, каким образом лучше организовать вокруг нашей партии бедноту, беднейшие слои деревни и, вместе с тем, каким образом лучше вырвать из-под влияния кулачества середняцкие элементы и повести их за собой—за партией, за пролетариатом и беднейшими слоями деревни. В этом теперь в деревне важнейшая задача нашей работы.

В связи с этим и намечается та практическая задача, которая формулирована в первой части выводов предлагаемой теперь резолюции. Здесь именно и говорится о том, что партия должна сейчас поставить перед собой задачу—организовать вокруг себя бедноту в деревне. Для этого парторганизации должны устраивать особые собрания бедняков в де-

ревне, организовать или, по крайней мере, приступить к организации особых групп бедняков, найти новые гибкие формы организации бедняков вокруг нашей партии и этим путем, при *совместной работе с середняком*, добиться сплочения вокруг нашей партии всей основной крестьянской массы. Как создавать эти группы? Мне кажется, пока Центральный Комитет не должен чересчур детализировать свои указания по этому вопросу, и некоторое время мы должны, приняв общую директиву, подождать с тем, какие формы будут складываться на практике в деревне. Надо теперь же оговорить, что в этом деле не должно быть никакой торопливости, что не в каждой деревне мы будем создавать, не в каждой деревне можем и должны создавать в настоящее время эти бедняцкие группы. С другой стороны, организационные формы этих групп будут наверно разнообразны в зависимости от того, насколько зашло далеко расслоение деревни, насколько крепка партийная организация в деревне, насколько мы можем овладеть этими группами. Во всяком случае, основным правилом должно быть следующее: эти группы должны быть вокруг нашей партии, вокруг наших партийных организаций и под нашим руководством. Там, где мы с этой задачей справиться можем, мы должны приниматься за это дело. Там, где эти группы будут создаваться, наша задача будет заключаться в том, чтобы они ни в коем случае не противопоставляли себя середняцкой части деревни. Наоборот, все меры должны быть направлены к тому, чтобы сближаться с середняками и вовлекать в свою работу середняцкие элементы. Мне кажется, ничего

плохого не будет, если на собрание бедняков, например, во время перевыборной кампании, будут приходить более близкие к ним элементы из середняков; ничего плохого не будет, если мы в советах или в кооперативах при наличии избранных при нашей поддержке бедняков будем время от времени собирать вроде бедняцкой фракции из членов совета, исполкома, кооператива для предварительного обсуждения и выработки тех или других практических мер.

Эти фракции или группы бедняков в советах, кооперативах и т. д. будут иметь значение только при участии коммунистов в их работе, при руководстве коммунистов этой работой и при правильной их организации. Подобные фракции или группы бедняков могут действительно явиться хорошей опорой для работы партии, средством воспитания, выращивания новых кадров, через которые можно лучше руководить беспартийным крестьянским активом деревни и организации деревни. В дальнейшем ЦК партии соберет материалы о первых попытках организации этих групп, отметит наиболее удачные формы организации, которые будут пригодны для того, чтобы использовать опыт отдельных районов в других местах. Достаточно эту идею сейчас выдвинуть и твердо сказать теперь же, чтобы работа этих групп не противопоставлялась середняцким массам деревни, не противопоставлялась советам и кооперации, и указать на то, чтобы руководству этой работой партия уделяла особое внимание и в ходе перевыборной кампании и в дальнейшей работе советов и кооперации.

Нам нужно добиться того, чтобы те недостатки, которые выявились во время первой кампании перевыборов советов, мы учли полностью и теперь, при общей кампании перевыборов советов, оказались бы более организованными, приняли бы более серьезные меры в деле организации бедняков вокруг нашей партии, в деле *совместного выступления бедняков и середняков* при выдвижении тех или иных кандидатур в кооперативы, советы, крестпомы и т. п., в деле совместной защиты тех или иных интересов маломощных, в проведении для этого тех или иных практических мер через кооперацию, советы, крестпомы и другие организации деревни. Нам нужно добиться того, чтобы партия оперлась гораздо более крепко на деревенскую бедноту, привлекла гораздо ближе к себе середняков и изолировала бы кулацкие элементы. Вот та основная задача, которая намечена была нашей партией год назад под новым углом работы в деревне — под углом оживления советов, и в выполнении которой мы сейчас должны сделать дальнейший шаг, укрепляющий наши первоначальные мероприятия и политику партии в целом.

Действительно, местные организации теперь уже встрепенулись и на вопрос организации бедноты в новых условиях обратили большее внимание, чем это было раньше. Мы знаем, что за последнее время, например, на Украине, внимательнейшим образом обсуждали вопрос о реорганизации комнезамов. Этот вопрос для Украины имеет колоссальное значение во всей политике партии в деревне. Те решения, которые приняты были ЦК КП(б)У по реорганизации комнезамов, по превращению комнезамов в ор-

ганизации добровольные и общественные, эти решения, мне кажется, целиком правильны и они правильно направляют главное внимание реорганизованных комнезамов в дальнейшей их работе на вопросы хозяйственного строительства, на задачи укрепления хозяйства, на задачи подъема хозяйства бедняков, при совместном участии в этой работе (кооперация, колхозы и др.) бедняков и середняков. Реорганизованные комнезамы должны помочь партии на Украине проводить в дальнейшем таким образом нашу политику в деревне, чтобы действительно в деле укрепления маломощного крестьянского хозяйства партия оперлась на эти организации и объединила бы при помощи их бедняков и революционно-передовую часть среднего крестьянства.

Основная линия партии и вопрос о середняке.

Само собой разумеется, постановка такой задачи должна быть теснейшим образом связана с основной линией нашей партии в деревне. А это значит, она должна быть связана с политикой союза пролетариата с крестьянством—во-первых, с обеспечением при этом руководства пролетариата по отношению к крестьянству—во-вторых.

Нам приходилось во время революции переходить в нашей политике в деревне от одного этапа к другому. Вы знаете, товарищи, что мы шли к Октябрьской революции под лозунгом объединения *пролетариата и беднейшего крестьянства.* Это был лозунг, которым партия объединяла пролетариат вместе с деревенской беднотой для вырывания власти у буржуазии и для экспроприации экспроприаторов.

Но мы должны также помнить, что, начиная с октябрьских дней, наряду с мерами укрепления пролетарской диктатуры, *мы вместе со всем крестьянством* завершали, «доделывали» буржуазно-демократическую революцию в деревне. Вплоть до лета 1918 года мы эту политику проводили в деревне вместе со всем крестьянством, вместе со всеми слоями деревни. Вы знаете дальше, что с лета 1918 года мы встали в деревне во главе отчаянной, беспощадно-решительной *борьбы с сельской буржуазией, с деревенским кулачеством.* Эта политика против кулачества могла проводиться только при прямой опоре на деревенскую бедноту, при жестокой, местами, вооруженной борьбе бедноты против кулачества. Эту политику партия наша проводила начиная с лета 1918 года. Но уже на VIII съезде нашей партии, т.-е. в начале 1919 года, партия ясно подчеркнула необходимость постановки нового вопроса в деревне, а именно, вопроса о *среднем крестьянстве,* о нашем отношении к среднему крестьянству. Как тогда был поставлен этот вопрос? Я процитирую то основное место из вступительной речи В. И. Ленина при открытии VIII съезда партии, которое, мне кажется, очень важно помнить и в настоящее время. Вот как определял тогда В. И. Ленин наше отношение к среднему крестьянству. Он говорил: «Если по отношению к буржуазии задача наша формулируется словом «борьба, подавление», если по отношению к пролетариям и полупролетариям деревни эта задача формулируется словом «опора»,—здесь (т.-е. по отношению к среднему крестьянству. *В. М.)* наша задача несомненно более сложна. Тут лучшие предста-

вители социализма старого времени, когда они еще верили в революцию и теоретически служили ей, говорили *о нейтрализации крестьянства,* т.-е. о том, чтобы сделать из этого среднего крестьянства общественный слой, если не активно помогающий революции пролетариата, то, по крайней мере, не мешающий нашей работе. Эта отвлеченная теоретическая постановка задачи для нас вполне ясна. *Но она недостаточна.* Мы вошли в такую стадию социалистического строительства, когда надо выработать конкретно, детально, на опыте работы в деревне основные правила и указания, какими мы должны руководиться для того, чтобы *по отношению к среднему крестьянству стать на почву прочного союза...»* [1]). (Курсив во всей цитате мой. *В. М.*). Вот как В. И. Ленин определил тогда отношение партии и пролетариата к среднему крестьянству, а также и к другим слоям крестьянства. Это было сказано на VIII съезде партии.

Относится ли это указание к настоящему периоду? Мне кажется, в этом не может быть никаких сомнений. Если в 1919 г., когда у нас появились первые надежды на то, что мы переходим к эпохе мирного строительства, если в этот период Ленин указывал на то, что теперь мы не можем формулировать наши задачи по отношению к среднему крестьянству только как задачи нейтрализации, то к настоящему времени это, конечно, имеет еще большее значение. Да, основы нашей политики, политики пролетариата в отношении к среднему крестьянину в настоящее время должны быть формулированы

[1]) Ленин. Собр. Соч. т. XVI, стр. 94.

как такие основы, которые опираются «на почву прочного союза» с ним. После статьи Ленина «О кооперации» тем более приходится сказать, что эта постановка абсолютно и единственно правильна для настоящей эпохи пролетарской революции. Именно статья «О кооперации», говорящая о том, что мы теперь вошли в полосу «мирной» организационной, «культурной» работы, в полосу «культурничества», когда развертывание действительно массового кооперирования крестьянства стало основной задачей социалистического строительства в деревне,—подчеркивает основную линию нашей политики в деревне по отношению к среднему крестьянину. Если сделать из этого вывод для нашей практической работы — государственной, партийной и другой,—то, мне думается, тогда станет особенно ясным, насколько правильны были решения партии, принятые этой весной (постановления апрельского пленума ЦК и XIV партконференции) и ряд важнейших для крестьянства решений советской власти. И развязывание товарооборота, и устранение пережитков так называемого «военого коммунизма» в деревне, и особые меры, направленные специально на немедленное облегчение положения основной массы крестьянства (значительное понижение с.-х. налога, гибкое регулирование хлебных и других с.-х. цен, дополнительное выделение крестьянам леса и земли из госфонда и, кроме всего этого, специальные меры по облегчению положения крестьянства неурожайных районов, особо для Центрально-Черноземной полосы и для районов хлопководства в Средней Азии),—все это необходимо для упрочения союза пролетариата со

всей основной массой крестьянства. Политика соглашения пролетариата и беднейшего крестьянства со средним крестьянством для настоящего периода обязательна, а отсюда для пролетарской революции вытекает следующий вывод: все то, что партия и Советская власть могут в настоящее время сделать для улучшения положения крестьянской массы, все то, что они могут сделать в смысле поддержки основной крестьянской массы,—партия и Советская власть должны делать и проводить безотлагательно. При этом должно быть, конечно, особое внимание к нуждам и интересам беднейших слоев деревни. Это необходимый вывод для всей нашей работы в настоящее время. Я сошлюсь здесь еще на то, как определял один из основоположников марксизма, Ф. Энгельс, наше отношение к мелкому крестьянину. Он говорил: «Мы решительно стоим на стороне мелкого крестьянина. Мы будем делать все возможное, чтобы ему было сноснее жить». И дальше у него сказано: «Чем больше будет число крестьян, которым мы не дадим спуститься до пролетариев и которых мы привлечем на свою сторону еще крестьянами, тем быстрее и легче совершится общественное преобразование». Это лишний раз подчеркивает вред и недопустимость той теории, до которой у нас договорились некоторые товарищи, до «теории»: «Деревня—колония пролетарского государства». Эта «теория» неприемлема и неправильна именно с точки зрения основных интересов пролетарской революции. Политика партии в деревне в отношении основной крестьянской массы должна быть построена на основе прочного союза с середняцкой массой. Для этого не-

обходимы те меры, которые облегчают положение крестьянской массы, те меры, которые государство может предпринять, не подрывая основ развития пролетарской революции.

Пролетарское государство должно сделать для облегчения положения мелкого и среднего крестьянина то, что оно может, что позволяют делать общие условия развития революции, при чем оно должно наряду с этим принимать меры к кооперированию крестьянских хозяйств, должно делать то, что будет подготовлять основы для введения лучшей техники в сельском хозяйстве, для проведения электрификации в сельском хозяйстве и тем самым для подготовки постепенного и добровольного перехода на крупное коллективное сельское хозяйство. Мы должны сделать все для того, чтобы укрепить доверие крестьянства к пролетарской власти, теперь же облегчая, сколько можно, положение крестьянских масс и соединяя эти меры с мерами, которые будут вести крестьянство при помощи кооперации к крупному коллективному сельскому хозяйству. Такова должна быть наша политика соглашения с середняком и политика укрепления нашей опоры в деревенской бедноте. Обо всем этом говорилось много раз. Об этом достаточно сказано и в постановлении последней конференции.

Два уклона от правильной политики.

Но при проведении этой политики мы неизбежно наталкиваемся на громаднейшие трудности. Иллюстрирую эти основные трудности одним наиболее характерным для настоящего периода примером. Для

деревни одну из решающих ролей играет вопрос о политике хлебных цен. Какую же политику партия может и должна проводить по отношению к хлебным ценам в настоящее время? Если вдуматься в этот вопрос, то он дает нам возможность наиболее правильно уловить, какие трудности, какие две основные опасности мы должны учесть в деле проведения нашей политики в деревне. Мы знаем, что к настоящему времени, т.-е. после первых 8 лет пролетарской революции, после того, когда и помещичья земля, и значительная часть земель кулачества перешла в руки мелкого и среднего крестьянина, наша деревня в значительной мере осереднячена, и что основная масса хозяйств в деревне—середняцкая масса. Идущий в деревне процесс социального расслоения дает и в ближайшие годы еще больше будет давать себя знать, увеличивая количество бедняков и выделяя из зажиточного слоя сельскую буржуазию. Но не трудно убедиться, что теперь главную массу хлеба производит и выбрасывает на рынок именно середняцкая масса. Поэтому наша политика хлебных цен должна быть такой, которая, прежде всего, соблюдала бы интересы пролетарского государства в целом, чтобы эта политика давала возможность укреплять основы пролетарской диктатуры, основы социализма. Но вместе с тем эта политика должна быть такой, чтобы она не разрывала прочного союза с середняком и допускала известные уступки по отношению к интересам этой части крестьянства. Поэтому, когда мы говорим о политике понижения хлебных цен или о политике удержания цен от чрезмерного понижения,—и в том, и в другом

случае мы должны быть очень внимательны к интересам основной середняцкой массы, к интересам, которые должны быть, однако, согласованы с интересами пролетарского государства. Мы не можем проводить в области хлебных цен такую политику, которая была бы непосильна для пролетарского государства. Это—основная линия, которой мы держались и которой мы обязаны держаться во всей нашей работе. Но вместе с тем, мы должны принимать меры против такого понижения, против таких прыжков сельскохозяйственных цен вниз, которые бы разрушали крестьянское хозяйство, которые бы тормозили развитие хозяйства середняцкой массы деревни. Поэтому нам приходится принимать меры к удержанию в тот или иной период от чрезмерного падения цен на хлеб путем, например, усиления хлебных заготовок, увеличения экспорта хлеба и т. п. Вместе с тем, как, например, в данный момент, нам приходится подчеркивать необходимость понижения их для того, чтобы эти цены не были непосильными для пролетарского государства, для наших рабочих и для значительной части деревенской бедноты, которая сама является покупателем хлеба. Вот сочетание этих интересов, при обеспечении основных интересов пролетарского государства, при обеспечении основных интересов рабочих и беднейших слоев деревни, и есть та политика, которая должна проводиться нашей партией.

Мы должны учесть возможность и, до известной степени, даже неизбежность двоякого искажения этой политики, избегать двух уклонов от нее, против которых мы должны решительно бороться. Первая

опасность искажения, первый уклон от правильной политики, выявился бы в том случае, если при проведении политики развертывания товарооборота в стране, политики устранения «пережитков военного коммунизма» в деревне, не доучитывалось, что это связано, как об этом говорил еще Ленин, с прямыми уступками мелкому товаропроизводителю, связано с оживлением капитализма в деревне, связано с оживлением кулачества, и что эта политика сама по себе еще не устраняет роста классового расслоения в деревне и соответственно известного усиления враждебных пролетариату социальных сил. Поэтому первая опасность ,которую мы не должны упускать из виду, заключается в недооценке отрицательных сторон нэпа, отрицательных сторон политики на большее вовлечение в товарооборот теперешнего мелкого частного крестьянского хозяйства, на почве которого растут и элементы капитализма и все еще увеличивается количество деревенской бедноты. Нам приходится поэтому бороться против фальшивого подкрашивания тяжелого положения деревенской бедноты в современной деревне, против недооценки отрицательной роли кулачества в нашей деревне.

Отмечу здесь же, что на апрельском пленуме ЦК и в докладе о кооперации на партконференции указывалось на недопустимость недооценки опасности роста кулачества и на необходимость максимального внимания к интересам бедноты в нашей деревне.

Но сейчас приведу один пример, который явно говорит, что в этой области у нас были уже за последнее время такие выступления, которые должны вызывать отпор со стороны нашей партии. Вот, на-

пример, статья т. Богушевского в «Большевике», №№ 9—10. Там по поводу кулачества говорится таким образом: «Кулак, это—жупел, это призрак старого мира. Во всяком случае, это—не общественный слой, даже не группа, даже не кучка! Это—вымирающие уже единицы». Дальше говорится в таком же роде: «Только терминологической инерцией, с позволения сказать, можно объяснить выпячивание в ряде статей значения в нашей деревне фигуры кулака».

Редакция «Большевика» заявила, что она решительно несогласна с этой частью статьи тов. Богушевского. И это совершенно верно. Следует признать, что такая оценка, вернее, недооценка, роли кулачества в современной деревне, конечно, внесла бы смуту и путаницу в оценку действительного положения нашей деревни. Она противоречит тому, что партия говорила и говорит о кулаке.

Но есть и другая опасность и тоже не кажущаяся, а заставляющая нас быть очень внимательными в другом отношении. Эта опасность заключается в недооценке всей необходимости нэпа, являющегося, по выражению Ленина, уступкой крестьянину-собственнику, и всей той важнейшей роли и того крупнейшего значения, которое крестьянин-середняк имеет в нашей деревне. Эта опасность заключается в недооценке того, что нам необходим «прочный союз» с середняком, что единственно правильной политикой партии в настоящее время будет такая политика, которая добьется правильного обеспечения интересов пролетарского государства на основе союза с середняком.

Всем вам, товарищи, хорошо известен пример тов. Ларина, который в этом вопросе допускает грубые ошибки, несовместимые с правильной политикой партии в деревне, ведущие к нарушению этой политики. Не буду останавливаться на них. Всем хорошо известны эти ошибки. О них говорилось не раз, между прочим, и на последней конференции.

Приведу другой, более свежий пример, из этой же области.

Сошлюсь на одну из статей, напечатанных в харьковском «Коммунисте» в июле этого года. Статья принадлежит тов. П. Солодубу, которого некоторые из присутствующих товарищей знают. В этой статье тов. Солодуб защищает необходимость сохранения комнезамов и возражает против обсуждавшегося в это время плана реорганизации комнезамов на Украине. Какими же доводами он защищает существование комнезамов в их прежнем виде?

Вот его основная мысль. Он говорит: «Неверно было бы рассматривать незаможных крестьян, как группу, социально связанную с середняками. Только в незначительной части интересы незаможников и середняков могут совпадать. В большинстве они (интересы) в силу хозяйственной природы середняка совершенно другие». И дальше он перечисляет доводы в пользу комнезамов. Не останавливаясь на двух первых его доводах в пользу оставления прежнего типа комнезамов, следует особо подчеркнуть два последних аргумента тов. Солодуба, а именно, что нужно сохранить организацию незаможных селян, «в третьих, как организацию, защищающую интересы всей бедноты, сталкивающейся на каждом шагу

с интересами кулаков и с е р е д н я к о в, и, в-четвертых, как единственную политическую базу, опираясь на которую, партия может проводить на селе свою политику».

Вот пример перегиба в другую сторону, против которого партия тоже должна решительно бороться.

Этот перегиб ведет к тому, что т. Солодуб противопоставляет бедняка середняку и прямо говорит, что интересы бедняка и середняка в большинстве случаев непримиримы, «на каждом шагу» противоположны и не могут быть согласованы.

Правильна ли эта точка зрения? Нет, абсолютно неправильна и неприемлема для нашей партии. У тов. Солодуба, да и не только у него, сквозит явное непонимание роли середняка в данный период пролетарской революции. Владимир Ильич говорил о том, что интересы пролетариата и среднего крестьянства не противоположны, что в основном при пролетарской диктатуре и тот, и другой классы должны и могут договориться, не доводя до раскола, «который был бы губителен для Советской республики». Если Владимир Ильич говорил, что мы можем и должны договориться с средним крестьянством, что мы можем с ним «ужиться», идя по пути укрепления пролетарской диктатуры, то тем паче при советском строе должны «ужиться» и договориться середняк и бедняк, а в этом и есть сейчас основной момент нашей работы в деревне. Решительная борьба против такого уклона, против такого понимания, которое противопоставляет середняка бедняку и которое тем самым толкает середняка к кулаку,—реши-

тельная борьба против подобных уклонов является необходимой во всей работе нашей партии в настоящее время.

Но если нам приходится сейчас признавать необходимость развертывания товарооборота в деревне, если мы признаем, что капитализм в деревне, по крайней мере на ближайший период, будет развиваться, будет «оживать», то наша политика по отношению к деревне и устранение уклонений от этой правильной политики будут только тогда осуществлены, если эта политика в деревне будет неразрывно связана со всей политикой партии. Если мы оторвем политику партии в деревне от общей политики партии, если мы оторвем нашу политику в деревне от политики партии в городе, если будем рассматривать развитие деревни вне зависимости от развития города, т.-е. вне зависимости от укрепления экономической базы Советской власти, вне зависимости от укрепления диктатуры пролетариата, вне зависимости от роста сил пролетариата, от роста и укрепления всей работы нашей партии, иначе говоря, вне зависимости от всего развития нашей страны и от всей политики партии, в целом,—тогда опасность уклонов останется реальной опасностью, и тогда правильную политику в деревне вести будет невозможно.

Нам нужно суметь вести такую политику, которая давала бы нам возможность на известный период «ужиться» с середняком, «ужиться» с мелким товаропроизводителем, которого только постепенно и, прежде всего, через кооперацию мы будем вовлекать в социалистическое строительство; вместе

с тем, в нашей работе в деревне нужно укреплять уже теперь нашу опору на наиболее близкие нам слои, на беднейшие слои деревни, добиваясь от них более активной поддержки для партии и борясь вместе с тем с эксплуататорскими стремлениями кулачества. Но эта политика будет действительно правильной и будет давать тот результат, который необходим для пролетарского государства, только в том случае, если она будет опираться на развитие социалистических элементов нашего хозяйства в городе (госпромышленность), на укрепление политической диктатуры рабочего класса, на рост и укрепление сил пролетариата, на всю политику партии, в целом.

А это значит, что развитие пролетарской революции может быть основано только на союзе пролетариата и крестьянства, при чем на таком союзе, который обеспечивал бы укрепление руководства пролетариата по отношению к крестьянским массам. Только дальнейшие успехи пролетарской революции и, прежде всего, рост советской крупной промышленности и поднятие культурности и организованности масс для социалистического строительства нашей страны, в целом, открывают перед крестьянством (и, в частности, перед деревенской беднотой, условия жизни которой пока особенно тяжелы) настоящие возможности к хозяйственному и культурному подъему, ко все большему вовлечению в подлинное строительство социализма. С учетом этого мы должны подходить и к задачам сегодняшнего дня.

То, что мы теперь имеем в результате опыта этого года, то, что мы теперь видим из практики

оживления советов, из усилившегося оживления кулацких элементов деревни, нередко ведущих еще за собой и середняков, из крайней неорганизованности бедноты, особенно ярко отражающей слабости наших партийных организаций,—все это подчеркивает в настоящее время необходимость при проведении намеченной партией правильной линии больше внимания и больше сил уделить делу сплочения бедноты вокруг партии, делу организации бедноты и, тем самым, делу улучшения руководства пролетариата по отношению к среднему крестьянству.

Меры помощи бедноте и работа партии.

В связи со всем этим необходимо наметить и провести ряд практических мер, идущих навстречу деревенской бедноте. В представленной здесь резолюции указаны только некоторые общие директивы насчет этих практических мер. Я думаю, что пленум ЦК должен будет ограничиться этими общими директивами, практические меры придется разработать в политбюро и в соответствующих советских органах. Но надо признать, что наряду с правильной политикой, которую мы наметили в резолюциях XIV партконференции и на прошлых пленумах ЦК, наши теперешние решения должны сопровождаться реальными организационными мерами и мерами хотя бы некоторой, посильной государству, прямой материальной помощи тем слоям бедноты, которые в ней особенно нуждаются, особенно для улучшения своего хозяйства. И здесь главную роль сыграют кооперация, коллективные хозяйства маломощных кре-

стьян в деревне (с.-х. колхозы, коммуны, сельскохозяйственные товарищества) и соответствующие меры в отношении с.-х. кредита.

Особенно важно в настоящее время выделить определенный специальный фонд, который должен быть направлен исключительно на цели производственного кредита деревенской бедноте, не говоря уже о том, что во всей общей системе с.-х. кредита должно быть усилено внимание к кредитованию бедняцких хозяйств. Этот специальный фонд для производственного с.-х. кредита бедноте на более льготных условиях, при большей долгосрочности, будет одной из реальных практических мер, которая положила бы начало развитию соответствующих мер в дальнейшем. Такое решение партия должна теперь вынести. Соответствующие материальные средства для образования специального фонда льготного кредитования бедняцких хозяйств мы должны найти. Пусть будет положено хотя бы скромное начало этому делу, — это будет одним из реальных шагов помощи хозяйствам бедноты. Не буду останавливаться на всех практических выводах и организационных предложениях, которые вытекают из представленной вам резолюции. Я уже отметил, что в частности считаю необходимым одобрить решение ЦККП(б)У о реорганизации комнезамов с превращением их в общественно-добровольные организации, сосредоточивающие главное внимание на хозяйственных вопросах в деревне и на том, чтобы сплотить бедняков и середняков в деле поднятия их хозяйства. Это—правильные решения, они идут навстречу основным потребностям настоящего момента. О кошчи и других

организациях бедноты в восточных республиках резолюция говорит только в духе общей основной директивы. Этот вопрос заслуживает дополнительной серьезной проработки.

О работе крестпомов мне не придется много сейчас говорить. Нужно подтвердить, что крестпомы должны объединять деревню в целом, что в настоящих условиях это является одной из необходимейших организаций в деревне, объединяющих крестьянство в деле взаимопомощи и помощи находящимся в нужде. Мы должны поставить при этом своей особой задачей более активное участие в этих организациях бедняков, мы должны их организовать в этих крестпомах и работу крестпомов теснейшим образом связать с работой советов и кооперации. Но если говорить об основных организациях в деле советского и в частности хозяйственного строительства в деревне, то таковыми были и остаются на ближайшее время советы и кооперативы. Комитеты взаимопомощи, комнезамы и другие организации, которые имеют большое значение в деле сплочения бедноты и в которых беднота особенно заинтересована, должны суметь таким образом вовлекать в работу и советов, и кооперативов бедняцкие элементы деревни, чтобы беднота почувствовала и поняла, что именно советы и кооперативы и, наконец, колхозы с участием маломощных суть те организации в деревне, которые могут и оказать бедноте материальную помощь, и дать правильную общественную форму организации всей бедняцкой и середняцкой деревни.

Особенное внимание необходимо в дальнейшем обратить на работу всеработземлеса. Уже в настоя-

щее время насчитывается в нашей деревне около полутора миллионов батраков. В нашем союзе всеработземлеса пока еще организована небольшая часть батрачества. Мне думается, что те решения о применении наемного труда в сельском хозяйстве, которые партия приняла весной этого года, особенно подчеркивают необходимость усиления внимания партии к работе всеработземлеса, требуют всемерного усиления внимания к делу организации пролетарских и полупролетарских элементов деревни. На это дело партия должна в дальнейшем уделить гораздо больше внимания, чем это было до сих пор.

И, наконец, два слова о парторганизациях в деревне. Это те организации, которые в настоящее время должны, конечно, особенно почувствовать размах и трудность задач, ставших перед партией в деревне. Мы теперь достаточно выявили слабости и недочеты в работе наших сельских, волостных и других организаций в деревне. Но нам необходимо ближе и конкретнее подойти ко всей их работе. То, что мы в отдельных местах потеряли в результате «оживления» социальной верхушки деревни, то, что мы не сумели использовать в начале проведения «нового курса» в деле сплочения бедняков новыми методами работы,—мы должны в настоящее время наверстать. Мы должны усилить работу парторганизаций в деревне, поведя эту работу под лозунгом: лучше организовать деревенскую бедноту, сплотив ее вокруг партии, чтобы повести за собой и среднее крестьянство. Нам нужно усилить партработу в деревне, нам нужно усилить помощь парторганизациям в деревне, укрепить их работниками, помочь руководством,

еще и еще усиливая к этому делу внимание всей партии. Нам нужно во что бы то ни стало добиться, чтобы в деревне за нашей партией, за пролетариатом действительно шло большинство крестьянства, чтобы вокруг нашей партии объединились беднота и среднее крестьянство и чтобы кулачество было изолированной силой, не могущей вести за собою деревню. Мы еще этого не добились, нам еще в этом отношении много и много придется поработать. Но намеченная партией политика в деревне, намеченные теперь пути работы в деревне, мне кажется, обеспечат нам положительные результаты во всей нашей дальнейшей работе.

Два уклона в крестьянской политике.

Я обращаюсь, прежде всего, в своем отчете к вопросу о том, что нового заметил пленум ЦК в деревне и как он на это новое реагировал.

Недооценка середняка.

Вы знаете, что уже на XIV партконференции, которая абсолютно правильно сформулировала нашу задачу в развитии производительных сил деревни, что уже там наметился некоторый уклон, который там же, на конференции, получил совершенно решительный отпор. Этот уклон был представлен на конференции тов. Лариным, схема которого сводилась к тому, что раз мы идем к разворачиванию товарооборота в деревне, раз мы делаем те уступки, которые мы сделали на партконференции и на III С'езде Советов и которые были абсолютно необходимы, во-первых, и сделаны были абсолютно в меру, во-вторых, то тем самым должны разворачиваться капиталистические отношения в деревне. До сих пор он был прав. Да, уступки в деле аренды, уступки в деле применения наемной силы, ставка на дальнейшее разворачивание товарооборота в деревне, конечно, как и отметила XIV парт-

конференция, должны, по крайней мере, на первых порах, породить рост дифференциации деревни, создать условия, при которых выделение кулацкой верхушки будет происходить более интенсивно, чем тогда, когда этот товарооборот был зажат у нас, когда над наймом рабочей силы в крестьянском хозяйстве стоял целый ряд ограничений и т. д. Но тов. Ларин шел дальше. Он рассуждал таким образом: если эта дифференциация будет дальше происходить, то, значит, народится в деревне новая буржуазия, свергнуть которую нам придется новой революцией. Новая, вторая революция, как результат проведения НЭП'а в деревне, — вот что рисовалось тов. Ларину. Конечно, эта теория абсолютно противоречит и нашей политике, и нашему пониманию НЭП'а, и тем путям, которые указывал нам тов. Ленин. Мы всегда понимали так, что НЭП есть неизбежный путь к социализму. Нэп — не прямая лобовая атака на остатки капитализма, а путь обходный, маневр, который делает пролетариат для того, чтобы захватить и прихватить к себе основную толщу крестьянства, крестьянского середняка. Этого мы никогда не забывали, и тут, с этой трибуны, Владимир Ильич рассказывал нам о НЭП'е, как о маневре необходимом, но вместе с тем, о таком маневре, который ведет нас к социализму, а не к чему-нибудь другому. Тов. Ларину, это представляется иначе. Ему кажется, что из НЭП'а будут расти такие формы капитализма, ниспровергнуть, сломать, задушить которые можно будет только новой, второй пролетарской революцией. Корни этого взгляда тов. Ларина, конечно, коренятся в давно

известных и отвергнутых партией взглядах насчет того, что столкновения рабочего класса и крестьянства неизбежны. Вы знаете эти теории, знаете, что партия употребила много энергии, чтобы выяснить неправильность этих теорий. Нельзя не признать, что корни ларинского представления о неизбежности второй революции, в которой пролетариат столкнется с новой деревенской буржуазией, и что другого пути к социализму нет, как только через то, что мы эту баррикаду кулачества ниспровергнем новой гражданской войной, — нельзя не признать, что корни этого взгляда коренятся в том представлении, что пролетариат и крестьянство неизбежно столкнутся, как два противоположных класса. Это — старое представление вульгаризаторов марксизма, которое обозначает фактически пессимизм и неверие в дело социалистического строительства. Эта теория Ларина бьет, таким образом, в лицо и тому, что нам говорил Ленин о НЭП'е, и тому что усвоила партия относительно неизбежности и возможности вовлечения основной массы крестьянства в социалистическое строительство через кооперацию, и тому, что говорил тов. Ленин о середняке, как о центральной фигуре нашей деревни, и, наконец, тому, что говорил нам тов. Ленин о переходе при диктатуре пролетариата от лозунга гражданской войны к лозунгу гражданского мира. Тов. Ленин в 1921 году писал: «Кто не понимает смены лозунга гражданской войны лозунгом гражданского мира, тот смешон, если не хуже». Это, конечно, абсолютно правильная мысль. Когда мы с вами были угнетены буржуазной властью и хотели ее нис-

провергнуть, мы стояли за гражданскую войну. Когда пролетариат стал у власти, он против того, чтобы кто-нибудь шел на него гражданской войной, он против гражданской войны и за гражданский мир. Тов. Ленин писал тогда: «Новым в настоящий момент является для нашей революции необходимость прибегнуть к «реформистскому», постепенному, осторожному, обходному методу действий в коренных вопросах экономического строительства». В этом и заключается НЭП. Все это, конечно, не значит, что мы пришли к уничтожению классов, что у нас нет классов и нет классовой борьбы. Она есть, она способна даже временами усиливаться и обостряться — в частности в деревне. Не видеть этого, не считаться с этим недопустимо. Но она протекает в новых формах, отнюдь не в формах гражданской войны.

Ясное дело, что взгляд тов. Ларина, упускающий возможность через кооперацию подобрать и подтянуть к социализму основную середняцкую массу, бьет в лицо этим положением Ильича. Таков был этот первый уклон, который проявился уже на партконференции и который там же встретил отпор. Тов. Ларину было сказано, что он упускает роль середняка и возможности для середняка под руководством пролетариата расти к социализму, а не к капитализму. Этого он и не оценил, а, ведь, если бы было доказано, что середняк неизбежно и при диктатуре пролетариата врастет всей своей массой в капитализм, тогда, конечно, наша политика НЭП'а была бы неверна. НЭП был создан для середняка, и теория ленинской кооперации рассчи-

тана именно на то, что, имея в своих руках промышленность, железные дороги, кредитную систему и, главное, государственную власть, мы можем захватить середняка своими щупальцами и вовлечь его в социализм, мешая ему расти к капитализму. Если кто-нибудь не верит в эту теорию, он должен пересмотреть всю нашу политику. Кто не верит в это, тот должен поверить тем, которые говорят: «Вы на словах как-будто бы строите социализм, а построите вы совсем другое, построите вы богатую мелкобуржуазную крестьянскую страну». Вот к чему это может привести, если бы партия хотя бы на минутку поверила в правильность ларинских построений и взяла тот курс, который советовал ей Ларин. Это значило бы поставить партию на путь катастроф. Это совершенно опрокидывало бы всю нашу сейчас ведущуюся политику в деревне.

Есть ли у нас кулак?

Но это не единственный уклон. Уже после партконференции в партийной печати мы заметили ряд высказываний, которые были прямо противоположны уклону ларинскому. Чтобы взять только тот пример, который был приведен на пленуме ЦК, я процитирую только одного товарища, взявшего очень рельефно и очень ясно противоположный Ларину уклон, но столь же вредный, столь же неправильный. Тов. Богушевский в журнале «Большевик» в № 9—10, стр. 63—64, от 1 июня, после конференции, писал так: «Кулак, это—жупел, это—призрак старого мира. Во всяком случае, это—не

общественный слой, даже не группа, даже не кучка. Это—вымирающие уже единицы... Только терминологической инерцией, с позволения сказать, можно объяснить выпячивание в ряде статей значения в нашей деревне фигуры кулака».

Вот эта небольшая цитата при внимательном к ней отношении может вскрыть уклон, который может завести нашу партию, если бы это не встретило решительного отпора, на очень скверные рельсы. Я тов. Богушевского не знаю, совершенно уверен, что он написал это из самых лучших побуждений; я помню, и все мы помним слова Ильича, что нет такого политика, который бы не ошибался, и что весь вопрос в том, чтобы, допустив ошибку, быстро ее поправить. Быстро поправить допущенную ошибку — вот в чем суть дела.

Что действительно скрывается за тем, когда тов. Богушевский говорит, что напрасно происходит «выпячивание в ряде статей значения в нашей деревне фигуры кулака», что кулак это—не кучка, не группа, не общественный слой, а просто вымирающие единицы? Если бы действительно кулак «выпячивался» только в статьях, то тогда политически это было бы не так серьезно. Но дело-то в том, что он «выпячивается» и в жизни, и тот, кто этого не видит, тот ничего не понимает, тот замазывает действительность, толкает партию на такие рельсы, что она может потерять свой облик и характер.

Если вы присмотритесь к ходу жизни в деревне, если вы прочтете отчеты, которые присылаются в ЦК, то надо будет признать, что «выпячивание»

кулака происходит именно в жизни, как естественный и неизбежный результат разворачивания товарооборота в деревне, устранения в ней остатков «военного коммунизма», наших уступок и т. д. Неизбежным явилось то, что кулак стал поднимать голову не только экономически, но и политически. Мы знаем, как происходили выборы в советы в целом ряде мест, как кулаки, пользуясь своим экономическим положением, кладя бедняка на обе лопатки, пробирались в руководящие органы местной сельской власти. Мы знаем, как кулак пытается, пользуясь слабостью наших деревенских организаций, захватить позицию в кооперации и других общественных организациях в деревне, и мы можем с полным правом говорить, что нам необходимо считаться с экономическими и политическими поползновениями кулака.

Страшно ли это? Нет, не страшно! Ново ли это, неожиданно ли это? Нет, не ново и не неожиданно. Потому что мы хорошо знаем, и тов. Ленин 5 лет тому назад, с момента НЭП'а, не переставал предупреждать, что если допустить свободный товарооборот, свободную продажу хлеба, то неизбежно получится нарастание новой деревенской буржуазии. Нам это не страшно, нам нужно только вести правильную политику. Но когда нам говорят, что «выпячивание» кулака происходит лишь в статьях, что кулак — это жупел, которым пугают, то при этом явно извращают всю картину НЭП'а, всю перспективу дальнейшего строительства социализма.

Мы должны проводить новую экономическую политику и мы знаем, что НЭП в нашей стране в дан-

ной международной ситуации есть неизбежный и единственный наш путь. Но НЭП есть оживление капитализма, так определил это и Ильич. И при диктатуре пролетариата в среде мелкого распыленного крестьянства при настоящей дифференциации в деревне НЭП должен порождать на верхушках известные группы кулацких хозяйств, т.-е. новую деревенскую буржуазию.

Вот если не понимать этого неизбежного последствия НЭП'а, тогда можно говорить, что кулака нет, что это просто жупел.

А между тем мы должны знать, что в нашей деревне развитие происходит в противоречивых формах, т.-е. что суть НЭП'а заключается в состязании, в конкурренции социалистических и частнокапиталистических элементов хозяйства. Для того, чтобы победил социализм, нам надо знать, с кем и с чем мы можем и должны в деревне бороться. Если мы врага не будем видеть, то мы будем плохо двигать свои колонны на этого врага, неизбежно будем плохо маневрировать. Врага необходимо видеть, это необходимо в особенности в деревне, ибо покуда распыленные крестьянские хозяйства еще не объединены нами в кооперацию, не вовлечены в наше общее социалистическое хозяйство.

Какие отсюда проистекают практические последствия, об этом я скажу вам дальше. О том, как распыленная масса крестьянских хозяйств, пока очень скверно регулируемая, влияет на наши расчеты и что она в них вносит, как она влияет на темп роста нашей промышленности, на наш вывоз и ввоз, об этом я вам расскажу с цифрами в ру-

ках. У нас, с одной стороны, крупнейшая крепость — цитадель социалистической пролетарской промышленности, а с другой стороны—22 миллиона разрозненных, распыленных крестьянских хозяйств, производящих на рынок, живущих стремлением к прибыли, прибыли хотя и очень маленькой, нищей, бедной, но все же хозяев, движимых в своем хозяйстве только этим расчетом. Ясно, что при таком положении у нас развитие совершается в противоречивых формах. Тот, кто этого не понимает, тот неизбежно ведет к срыву политики партии в деревне.

Каким образом может произойти такая ошибка, как у тов. Богушевского? Случайна ли она? Я думаю, что нет. Такой уклон естественен и, пожалуй, неизбежен при не совсем точном и ясном понимании политики партии. XIV партконференция правильно высказалась в том смысле, что мы ставим ставку на развитие производительных сил деревни. Мы ставим ставку на то, чтобы вся деревенская масса поднялась, чтобы деревня становилась сытее, богатее, чтобы она больше потребляла промышленных товаров, чтобы на основе расширяющей свой спрос деревни разворачивалась наша промышленность. Это все абсолютно правильно. Но мы не должны допустить, чтобы эта правильная ставка, этот правильный курс истолковывались в смысле какого-то мирволения, поддакивания кулакам, в смысле замазывания той дифференциации, которая происходит в действительности. Вот что более всего опасно.

Вы можете себе представить, что если мы допустим какую-нибудь ошибку здесь, в Москве, то что

получится в провинции. Мы знаем, что ошибочка, допущенная в центре, в провинции, где пролетарское ядро окружено сплошной массой крестьянства, где на него напирает мелкобуржуазная стихия, где проведение пролетарской диктатуры и пролетарского руководства очень затрудненно,—что эта ошибка, если ее не поправить в центре, там может увеличиться во много раз.

Для того, чтобы итти туда, куда мы пойдем, несмотря на отдельные ошибки того или другого товарища, мы должны себе сказать: да, мы за развитие производительных сил, но в то же время мы не должны закрывать глаза и мирволить росту кулацкого хозяйства. Тот, кто неправильно понимает нашу ставку на развитие производительных сил, тот может не видеть кулака, тот может писать, как пишет один неизвестный мне до сих пор даже по имени товарищ в последней книжке журнала «Печать и Революция», а именно: «Охваченный кольцом социалистических командных высот аграрный капитализм будет рычагом роста социалистических элементов советского хозяйства»... «...В Соединенных Штатах или в Канаде фермер льет воду на мельницу финансового капитала, у нас он даже в своем законченном «кулацком» виде будет одним из винтиков машины социалистического накопления»... Это я сегодня вычитал в книжке этого журнала. Ежели у товарища такое понимание политики партии, то ему надо посоветовать прежде всего хорошенько почитать резолюции XIV партконференции и последнего пленума, а потом толковать политику партии. Мы хотим поднять всю основную

массу крестьянства, середняка и бедняка, на более высокую ступень, мы хотим, чтобы общий хозяйственный под'ем деревни шел по нашему пути, а не путем усиления кулацких хозяйств с неизбежным распространением их экономического и политического влияния на середняка и бедняка.

Это — не наша дорога, по этому пути никогда партия не пойдет и никого итти по этому пути не звала.

Так из этой маленькой цитаты, из этого отрицания наличия кулака вскрывается политика, которая оказалась бы политикой вредной и которая в резолюции, принятой пленумом ЦК, охарактеризована как вредный и опасный уклон, сводящийся к замазыванию дифференциации в деревне, к замазыванию и недооценке кулацкой опасности. Что действительно означало бы, если бы партия не дала этому уклону отпора? Я уже говорил, что если партия хотя бы на минуту встала на ларинский путь, усвоила ларинский взгляд, то это привело бы нас к катастрофе.

А что было бы, если бы хоть на минуту партия стала на точку зрения, здесь развиваемую кулака нет, это жупел, напрасно его «выпячивают». Тогда мы пришли бы к противоречию с деревенским бедняком и середняком, которые кулака видят не в книгах, а в жизни, а затем незаметно для себя могли бы скатиться к идеологии, которая была бы идеологией развивающегося кулацкого хозяйства. Этого, конечно, не будет в нашей партии.

Что же говорит та резолюция, которая охарактеризовала эти два уклона? Я прочту центральные

места резолюции, принятой пленумом ЦК, о работе в деревне по докладу тов. Молотова. Резолюция напечатана. Вы все ее, конечно, прочтете полностью. Я же прочту только те места, которые сейчас в связи с моим рассказом представляют интерес: «...и в области сел.-хоз. производства в частности совершенно неизбежен одновременный рост и капиталистических элементов (кулацкие земледельческие хозяйства, торговцы и т. д., неизбежно выделяющиеся из более зажиточных слоев крестьянства), и элементов, развивающихся в сторону социализма (коллективные хозяйства, кооперация и т. д.). Такие противоречивые тенденции неизбежно должны наблюдаться даже внутри самой кооперации, и вопрос окончательно решит лишь борьба этих тенденций». Я прошу товарищей вслушаться в эту резолюцию, единогласную резолюцию ЦК. Это очень не похоже на то, что говорил тов. Богушевский. ЦК трезво и смело констатирует: да, в деревне, при нынешних условиях будут развиваться неизбежно и элементы социализма, и элементы капитализма, и в самой кооперации даже, прибавляет ЦК, которая есть столбовая дорога для основной массы крестьянства к социализму, и в ней неизбежно должны наблюдаться такие же противоречивые тенденции. Это звучит иначе, чем говорит Богушевский. ЦК говорит: будет борьба, и если мы хотим строить социализм, а мы этого хотим, то необходимо обратить внимание на капиталистические ростки, которые есть в деревне, не надо становиться на точку зрения, что этого нет, и что все пойдет гладко, что кулак будет работать на социализм. Ростки капита-

лизма есть и будут расти, с ними надо бороться, но, конечно, не по-ларински. Нужно ли об'явление гражданской войны? Нужно ли введение комбедов? Нужно ли начать военный поход против этих ростков? Ничего подобного, мы слишком сильны сейчас, чтобы применять такие методы. У нас есть наша кооперативная политика, наша кредитная политика, наша налоговая политика, наша избирательная политика, и этими всеми методами мы можем эту опасность, эту нарастающую деревенскую буржуазию ограничивать в известных пределах. Это не значит, что мы должны ее сейчас с корнем выкорчевать. Если мы допускаем свободу торговли хлебом и всеми остальными продуктами сельского хозяйства, если мы стоим за развитие товарооборота в стране, если мы понимаем, что для развития товарооборота нужно, чтобы деревня стала на более высокий уровень, больше производила и больше продавала, тогда неизбежно будет вырастать на верхушке кулак, который будет сливочки класть себе в карман. Воевать против этого по-ларински об'явлением гражданской войны, пророчествами о новой революции, новыми комбедами — неумно. Нас к этому никто и ничто не принуждает. А если нас схватят за горло вооруженной интервенцией?— Не знаю. Но сейчас действовать по этому методу было бы просто уж очень—как бы сказать повежливее—неразумно, что ли!

Резолюция дальше говорит: «В связи с этим создается опасность искажения этой политики в двух направлениях: в направлении недооценки отрицательных сторон НЭП'а и в направлении непонимания

значения НЭП'а, как необходимого этапа к социализму. Первая опасность — опасность недооценки отрицательных сторон НЭП'а — ведет к забвению интересов деревенской бедноты и недооценке кулацкой опасности»...

Вот точная и ясная формулировка тех опасностей, которые вытекают из той теории, на почве которой стоит тов. Богушевский,—забвение интересов деревенской бедноты и недооценка кулацкой опасности.

Вторая опасность, о которой я уже говорил,— «непонимание всей необходимости НЭП'а» — ведет к забвению важнейшего в данный период значения основной середняцкой массы крестьянства, к разрыву союза рабочих и крестьян и, следовательно, к ослаблению пролетарской диктатуры в стране.

Вот точная и ясная формулировка второй опасности, которая вытекает из той теории, на почве которой стоит тов. Ларин и которую я выше разобрал.

Отсюда основная директива пленума ЦК, данная в резолюции по докладу тов. Молотова: «Решительная борьба с обеими этими опасностями есть непременное условие для предотвращения срыва принятой партией политики в деревне и для правильного проведения в жизнь решения XIV партконференции».

Надо укрепить связь с бедняками.

Резолюция дальше перечисляет целый ряд мер, которые необходимо принять для того, чтобы наша партия не оказалась в положении, когда бедняц-

кие слои деревни перестанут чувствовать в партии свою защитницу против кулаков, когда она оказалась бы в таком положении, что не могла бы вести систематической постоянной борьбы за высвобождение середняка от фактически захватывающего и в политическом, и экономическом отношениях кулаков. Проведение решений XIV партконференции, говорит дальше резолюция, «особо важное значение приобретает в данный момент. в виду ускоряющегося развития товарных отношений вследствие хорошего урожая и неизбежного для ближайшего времени усиления процессов социального расслоения (дифференциации) крестьянства».

Я надеюсь, что здесь нет ни одного слабонервного товарища, который испугался этих слов ЦК. ЦК предупреждает партию, что в ближайшее время на основе роста товарного оборота, который нам необходим для строения социалистических крепостей, на основе хорошего урожая, неизбежно для ближайшего времени усиление процесса дифференциации крестьянства, выделение, с одной стороны, кулака, с другой стороны—бедняка, а следовательно, и обострение классовой борьбы в деревне. Вот если бы мы перед этим процессом были бессильны, если бы мы не знали, как основную массу середняка и бедняка на свою сторону привлечь, то это звучало бы очень скверно. Но мы не вчера родились на свет, как пролетарская власть, и не малые дела переделали, и мы знаем хорошо, что имеем средства для того, чтобы избежать тех последствий, которые могли бы от этого получиться. У нас есть средства, которыми можно и должно и середняка, и бедняка притянуть к себе.

У нас есть совершенно реальные методы усиления союза рабочих и крестьян, союза рабочих и беднейших крестьян с середняками. Мы это делали, начиная с 1921 года, и мы продолжаем эту работу, усиливая этот союз, завоевывая середняка на нашу сторону, и делаем это недурно. Разве наша деревня сейчас похожа на деревню 1921—22 г.г.? Разве то, что имело место тогда, имеет не только место, но хотя бы основание вспыхнуть у нас сейчас? Нет, конечно. Наша партия и Советская власть в деревне в бедняцких и середняцких слоях несомненно укрепились. Мы знаем, как завоевать на свою сторону середняка, через союз с бедняком привлечь к себе середняцкий элемент и вырвать его из-под власти кулака. Но надо ясно видеть окружающую обстановку и не закрывать глаза на неприятные факты. Надо ясно видеть стратегическую обстановку и твердо вести свою линию. В чем она заключается? Резолюция ЦК говорит: укрепляйте связь партии с бедняком. Резолюция в практической части своей говорит: «В дальнейшей работе советов (а также в кооперации, крестпомах) необходимо проводить особые собрания бедноты, приступить к организации в селах, волостях и районах групп бедняков (с непременным втягиванием в них батрачества), всемерно стремясь при этом к совместному с середняками отстаиванию практических мероприятий в работе советов, кооперации, крестпомов и к совместному с середняками выдвижению кандидатов при перевыборах».

Далее, обращаясь уже к партии, ЦК говорит: «Во всей работе советов, кооперации, крестпомов

парторганизации, при активном участии комсомола. должны брать на себя инициативу в деле организации беднейших слоев и обеспечения их интересов в работе соответствующих органов».

Вы видите, товарищи, что линия этой единогласно принятой резолюции нисколько не похожа на ту линию, которую я разбирал выше, и сила нашей партии в том, что такие ошибки быстро и решительно отвергаются. Означает ли эта резолюция, что мы должны повернуть нашу политику? Нисколько! Эта резолюция есть продолжение проведения линии, формулированной уже давно и нашедшей свое отражение и в резолюциях XIV конференции. Не эта резолюция нова и неожиданна, а ново и неожиданно, когда мы видим такое толкование нашей ставки на развитие производительных сил в деревне, какое мы встречаем в словах Богушевского. Вот если бы мы сказали: надо, чтобы деревня росла и развивалась, чтобы росли ее производительные силы, чтобы крепли ее производство и потребление, а потому давайте не обращать внимания на расслоение деревни, рост кулака, давайте говорить, что кулак не кулак, а полезный винтик в социалистической машине,—вот это было бы действительно ново и неожиданно, и во всяком случае, не похоже на то, что говорил Ленин. Резолюция же ЦК говорит: «Мы ставим ставку на развитие производительных сил в деревне, мы дали известные уступки новой буржуазии в деревне, дали ей право более широкой аренды, более широкого использования наемного труда и т. д., но одновременно мы укрепляем другой участок фронта, привлекая

к себе бедняков, чтобы об'единить вокруг себя и середняка, а эксплуататорским теденциям кулака положить известный предел. Это—по-ленински, по-коммунистически. Если вы спросите меня: «Ново это или нет?»—я отвечу: «В практических предложениях, конечно, ново (группы бедняков, фонд для бедняков и т. д.), а по существу, нет, не ново». Это есть проведение нашей старой политики. Вот пара слов из Владимира Ильича, из его статьи, написанной 16 марта 1922 года: «В виду преобладающей важности под'ема сельского хозяйства и увеличения его продуктов,—Ильич, как видите, исходил в 1922 году из того, из чего исходим мы сейчас, нам необходимы, под'ем сельского хозяйства и увеличение его продукции,—в данный момент политика пролетариата по отношению к кулачеству и зажиточному крестьянству должна быть направлена, главным образом, на ограничение его эксплуататорских стремлений и т. д. Как ограничить эти стремления, как защитить бедноту должно и может наше государство, в этом вся суть». Если вы возьмете эти слова Ленина, сказанные в 1922 году, и прочтете вслед эту резолюцию, то вы убедитесь, что это есть лишь проведение ленинской политики.

Неожиданной эта политика могла бы показаться лишь тому, кто воспринял резолюцию XIV конференции и всю линию нашу в деревне, как смазывание расслоения в деревне. Но XIV партконференция понимала, конечно, линию партии по-ленински, а не по-богушевски и не по-ларински. И только так понимая ее, только направляя нашу политику в деревне по Ильичу, только помня о кулаке и не да-

вая ни на минуту повода думать, что партия пролетариата, партия коммунистов отвернулась от бедняка, — только так можно сохранить пролетарский характер нашей деревенской политики. Это и делает резолюция ЦК.

Вы видите, что в ней есть две неразрывно связанных стороны. Одна сторона—политическая. Резолюция ЦК говорит: политика оживления советов, политика сплочения вокруг советских органов крестьянского актива должна проводиться таким образом, чтобы наша партия становилась во главе бедняцких и середняцких групп крестьянства, помогала им выдвигать свои кандидатуры, чтобы середняки и бедняки обсуждали свои интересы, свои кандидатуры и осуществляли проведение их в крестпомах, советах, кооперации и т. д., вопреки и против поползновений кулачества. А другая сторона резолюции говорит об экономических мерах, указывая ясно и прямо говоря, что необходимо обеспечить участие бедноты в кооперативном строительстве, что необходимо сделать и из кооперации, и из кредита форму содействия организации бедняков и середняков против кулаков. Научились ли мы это делать? Нет, еще не научились и довольно порядочное время еще будем учиться. Важно и ценно указание ЦК, направленное к тому, что наша система кооперации, наша система государственного кредида должна быть нами так использована, и мы должны маневрировать таким образом, чтобы сделать из них орудие сплочения середняков и бедняков против кулаков.

Это должно быть конкретно разработано, и надо

уже сейчас заставить органы Советской власти работать во исполнение этого решения ЦК. Как создать специальные фонды для поддержки бедняцких слоев? Каковы условия льготного кредитования на производственные нужды бедняцкого хозяйства, как обеспечить возможность того, чтобы в кооперацию вступили широкие слои середняков и бедняков, это—все практические вопросы, которые по этому указанию ЦК должны быть разработаны. Вот передо мной лежат постановления XIV сесси Центросоюза. Резолюция по докладу правления Центросоюза прямо говорит: «Необходимо разрешить задачу создания в предстоящем году массового притока в деревенскую потребительскую кооперацию новых членов из середняцких и бедняцких элементов и тем самым усилить роль этих элементов в деревенской потребительской кооперации». Толчок дан, и дело пойдет. Отнюдь не ручаюсь, что через пару месяцев действительно в кооперации будет масса бедняков, кредит сейчас же широко потечет на укрепление бедняцких хозяйств. Но мы не на резвость гоним, а на крепость, прочность нашей постройки. Толчок ЦК дан, и, конечно, он будет развиваться и даст реальные методы. Не буду на этом дальше останавливаться. В моем докладе Московскому Комитету от 6 сентября: «Наши достижения, трудности и перспективы», — я уже достаточно подробно на этом останавливался.

Два пути развития деревни.

Вы, вероятно, заметили, что в цитате, которую я привел из Ильича, рядом с кулачеством поста-

влено и зажиточное крестьянство. У Ильича сказано: «В данный момент политика пролетариата по отношению к кулачеству и зажиточному крестьянству должна быть направлена главным образом на ограничение его эксплуататорских стремлений и т. д.». Естественно здесь задуматься: почему Ильич, говоря об ограничениях эксплуататорских стремлений, добавляет к кулачеству и зажиточное крестьянство? Ответ совершенно ясен: потому что Ильич интересовался не только тем, что есть в данный момент, но и тем, что куда растет, не только статикой, но и динамикой, интересовался процессами, которые происходят в деревне. Какие же процессы действительно происходят в деревне? XIV-я партийная конференция ответила на этот вопрос. Она сказала: новая деревенская буржуазия растет из зажиточного крестьянства, и в словах, которые я только-что прочел из резолюции ЦК, эти слова повторены, потому что они правильны. В резолюции ЦК тоже сказано: «В области сельскохозяйственного производства, в частности, совершенно неизбежен одновременный рост и капиталистических элементов, неизбежно выделяющихся из более зажиточных слоев крестьянства» и т. д. Зачем партия повторяет это? И Ильич сказал, и на XIV партийной конференции это было сказано: «Новая деревенская буржуазия растет из зажиточных слоев крестьянства», и здесь в резолюции пленума это повторено. Почему? Потому что мы должны наблюдать за теми процессами и тенденциями, которые происходят в деревне.

Основной вопрос, который стоит перед нами,

в этом и заключается: куда же растет середняк, куда растет зажиточный крестьянин? Мы знаем теперь из анализа цифр распределения урожая, что если взять 12% всех крестьянских дворов, то у них окажется около 60% хлебных излишков. Конечно, это не кулак. Смешно по хлебу определять кулака. Кулака надо определять в первую очередь по наемному труду, а не по посеву. Смешно думать, что партия, которая еще несколько месяцев тому назад единодушно определелила число кулаков — 3—4% (мне пришлось назвать именно ту цифру кулаков— 3—4% в своем докладе о III С'езде Советов еще в мае этого года), вдруг оказалась перед фактом, что у нас 12% кулаков. Кулаков не 12%, а те же 3—4%. Эти 12% не однородны. В эти 12% входит 3,5% сеющих свыше 10 дес. и имеющих 30% всех хлебных избытков. 3½% крестьянских дворов, имеющие 30% всех хлебных избытков.—Вот здесь, в этой именно группе надо искать кулака. Здесь он сидит. И даже не вся эта группа—кулаки. Но, кроме кулаков, надо внесть и те зажиточные слои крестьянства, из которых растет новая деревенская буржуазия. 12%—это и есть кулаки, плюс верхушка середняков. Если разделить строго только на кулаков, только на середняков, только на бедняков, то, конечно, окажется, что у середняков и у бедняков хлебных избытков процентов 70, а 30% у 3½% дворов, которые подходят подлинно к кулачеству. Но сам по себе факт, что 30% хлебных избытков находятся у 3,5% крестьянских дворов, а около 60% хлебных избытков находятся у 12% дворов, не оспаривается, и он отнюдь,

конечно, для нас не маловажен и отнюдь не безразличен.

Нас интересует вопрос, куда растет зажиточный крестьянин. В деревне происходят два процесса. Один процесс был недавно очень живо описан А. И. Рыковым. Он рассказал, как из покупки трактора развиваются неизбежно формы коллективного хозяйства. Крестьяне сложились, образовали маленький кооператив, купили трактор. Сначала каждый работал на своей полоске. Потом увидели, что это невыгодно.

Начали поле запахивать подряд вместе те, которые об'единились в кооператив для закупки трактора. Потом приходит мысль, что раз вместе вспахали, и урожай можно вместе собрать. Раз вместе собрали, можно вместе продать. Одним словом, из кооперативной закупки трактора зарождаются и развиваются подлинно коллективные формы хозяйства, т.-е. то, что нам надо, что мы поддерживаем, т.-е. кооперация, которая эту крестьянскую массу приведет к социализму, свяжет с рабочим хозяйством, с рабочим пролетарским государством. Но есть и другой процесс в деревне. Другой процесс заключается в том, что при капиталистических отношениях, если у человека сегодня имеется маленький излишек и он на этом излишке кое-что заработал, на эти заработанные им деньги купил, скажем, ту или другую машину или лошадь, потом дал соседу на имеющейся у него лошади попахать, на этом опять заработал, и так понемножечку, накапливая индивидуально, поднимая свое хозяйство, этим путем он переходит постепенно от середняка

к зажиточному, от зажиточного к кулачку. Вот два процесса. Один процесс в сторону социализма, т.-е., наша дорога, по которой мы хотим вести крестьянство, та дорога, по которой крестьянство в основной своей массе, середняцкой и бедняцкой, пойдет. А рядом другая, стихийная форма, которая соответствует капиталистическим отношениям. Сегодня небольшой избыток, завтра ловко обернул этот избыток, потом чуть больше, перешел к найму батрака, потом двух, потом он—кулак. Можем ли мы охватить этот процесс? И как это сделать? В этом основном пункте политика не только сегодняшнего дня, но, конечно, он останется основным на ряд лет. Можем ли мы и что должны мы сделать для того, чтобы из этого середняка не росла новая буржуазия, а чтобы он сам рос в массе своей к социализму? Что для этого нужно сделать? Надо охватить хозяйство этого середняка и этого растущего от середняка к зажиточному крестьянину, охватить его нашей пролетарской промышленностью, охватить кооперацией, охватить электрификацией, охватить нашим государственным кредитом, охватить системой нашей внешней торговли и повернуть его рост с капиталистических рельс индивидуального накопления на социалистические рельсы массового под'ема.

Можем ли мы это сделать? — Можем! Справимся ли мы с этим? — Справимся! Основной путь к этому это — кооперация, это — электрификация, т.-е. развитие крупной машинной индустрии. Задача заключается именно в том, чтобы «центральную фигуру» нашей деревни захватить во время

ее под'ема, и этот под'ем направить через кооперацию, через все наши рычаги по социалистическому руслу. Это — не такая легкая задача. Я не говорю, что ее можно разрешить в год. Ильич говорил, что годы нужны на то, чтобы переработать эти индивидуальные отдельные крестьянские хозяйства в общую социалистическую систему. Долго будем работать над этим, но будем работать и несомненно добьемся успеха. Почему? Потому, что мы имеем сильные рычаги.

Я и перейду к тем рычагам, которые находятся в руках пролетариата и при помощи которых он эту колесницу середняков заворачивает на социалистические рельсы. Но раньше я спрошу себя: нужно ли, следует ли насчет этих вопросов тревожиться? Я думаю, что нужно, и нужно, между прочим, потому, что этими же вопросами тревожился и Владимир Ильич. Вы помните одну из его последних статей, ту статью, которую, конечно, каждый из нас воспринимает как указание на долгие годы. Статья эта — «Лучше меньше, да лучше». Там, вы знаете, Владимир Ильич развивает целый большой стратегический и тактический план нашей политики. Он указывает, как мы должны двигаться вперед, и вдруг, развивая свой план, прерывает себя и спрашивает и себя и нас: «Но не будет ли это царством крестьянской ограниченности?». Сам себя прервал и спросил: а если будем двигаться по этому пути, не придем ли мы всего только к «царству крестьянской ограниченности»? — и тут же ответил: нет, не будет это царством крестьянской ограниченности, если мы сделаем то-то и то-то,

и кончает статью словами: «Притом мы будем в состоянии удержаться не на уровне мелко-крестьянской страны, не на уровне этой всеобщей ограниченности, а на уровне, поднимающемся неуклонно вперед и вперед к крупной машинной индустрии». Ильича беспокоил этот вопрос. Он рассуждал: страна будет богатеть, и это хорошо; середняк будет подниматься, и мы к этому должны стремиться: деревня будет становиться сытее, и это необходимо, если мы хотим иметь потребителя для социалистической фабрики. Все это так, но вместе с тем, не будет ли это царством мелкокрестьянской страны, не будет ли это уровнем мелкобуржуазных отношений? Так спрашивал Ильич и говорил: нет, мы должны принять такие-то и такие-то меры, и тогда этого не будет. Вот на эти-то меры нам и нужно обратить внимание. Ильич сказал, какие это меры: кооперация—раз, электрификация, развитие крупной машинной индустрии—два, культурная революция—три. «Если мы сохраним за рабочим классом руководство над крестьянством, то мы получим возможность ценой величайшей и величайшей экономии хозяйства в нашем государстве добиться того, чтобы всякое малейшее сбережение сохранить для развития нашей крупной машинной индустрии, для развития электрификации, гидроторфа для достройки Волховстроя и проч. В этом, и только в этом будет наша надежда». Вот ответ Ильича Вот что тревожило Ильича, и вот его ответ в последних его статьях: развитие машинной индустрии и — в следующей статье — кооперация. Кооперация, плюс электрификация, т.-е. всеобщее объ-

единение основной массы крестьянства и вовлечение его в социалистическое строительство — раз: развитие крупной машинной индустрии, укрепление, таким образом, пролетарских центров и обеспечение благодаря этому руководящей роли пролетариата в союзе рабочих и крестьян — два. Вот этими рычагами мы и направим подъем нашей страны на социалистические рельсы. Вот этими путями мы и переварим те миллионы крестьянских хозяйств, которые сейчас хозяйствуют еще не по социалистическим принципам, а по принципу купли-продажи, т.-е. на основе товарного производства.

Итоги Пленума ЦК РКП (б.). (Из доклада тов. Каменева на общегородском собрании актива Московск. организации РКП (б.), 31 октября 1925 г. „Моск. Правда" 20/x, № 240).

В. Богушевский.

О деревенском кулаке или о роли традиции в терминологии.

Наша политика по отношению к крестьянству знает несколько этапов после Октябрьской революции. Первый этап, последовавший сейчас же после разгрома помещика, представляет собою этап резкой классовой борьбы внутри деревни. Это — эпоха комитетов бедноты, эпоха экспроприации кулаков и зажиточного крестьянства, эпоха всеобщего поравнения, когда безземельный и безлошадный получил необходимые ему для ведения хозяйства минимальные средства производства.

Следующий этап — это когда, в результате упомянутого поравнения, все крестьянство стало средняцким. Этот период, кроме того, в силу известных обстоятельств, привел к всеобщему понижению уровня крестьянского хозяйства, т.-е. само средняцкое хозяйство стало ниже средняцкого хозяйства дореволюционного времени.

Само собой разумеется, что в условиях военного коммунизма не могло существовать ни кулацкого, ни вообще капиталистически-предпринимательского хозяйства. Если в то время мы говорили об особом отношении к среднему крестьянству, противопоста-

влял его отношению к кулаку, то речь, таким образом, могла итти только о бывшем кулаке. При этом особое отношение к нему вполне оправдывалось тем, что, как бывший кулак и эксплуататор, он был, конечно, настроен контр-революционно, не принимал революции, стремился к свержению Советской власти, вел антисоветскую агитацию среди крестьянства, не подчинялся постановлениям правительства и всячески, чем мог, содействовал его врагам. Таким образом, «звание» кулака в эпоху военного коммунизма было уже, повидимому, экономическим анахронизмом, хотя его политический смысл сохранился в полной мере.

Наша победа на всех фронтах контр-революции, конечно, сама по себе еще не означает исчезновения контр-революционных сил и поползновений, тем не менее для всякого очевидно, что, с потерей надежд на свержение Советской власти при помощи белогенеральской контр-революции или антантовской интервенции, эти поползновения совершенно перестали находить какой бы то ни было резонанс в сколько-нибудь широких общественных кругах, а в особенности в деревне. Уже одно это поставило под знак вопроса и политический смысл «звания» кулака еще до наступления новой экономической политики.

Новая экономическая политика и дальнейшее разитие ее начал по-разному должны были на первый взгляд повлиять на наше отношение к вопросу о наличии в деревне кулачества. С одной стороны, замена продразверстки продналогом, допущение свободы торговли и прочее без сомнения примирили

с Советской властью значительную часть тех крестьян, которые все еще были настроены контр-революционно, которые были активными участниками бандитизма или подрывали наше хозяйство, отказываясь засевать поля. Таким образом «политический» кулак, т.-е. активный враг Советской власти, стал постепенно все более и более исчезать. С другой стороны, однако, самое развитие принципов новой экономической политики, означающее рост товарно-денежных отношений, открыло возможность появления снова, впервые после революции, капиталистического предпринимательского крестьянского хозяйства в деревне. Призрак кулака уже не «бывшего», уже не «политического» кулака эпохи гражданской войны, снова явился перед нами. Понятно, что нет сейчас более жгучего, более захватывающего всех вопроса, чем вопрос о кулаке в деревне и, следовательно, вопрос о путях и возможных последствиях расслоения крестьянства.

Первое, что необходимо делать для того, чтобы разобраться в вопросе о деревенском кулаке, это — перенести его на чисто экономическую почву. Мы видели, что это требование вполне законно сейчас, поскольку разгром контр-революции и введение новой экономической политики, если, может быть, и не совсем, то во всяком случае почти совсем, уничтожило тип политического кулака. Мы не хотим, конечно, сказать этим, что в деревне царят одни только советские или коммунистические настроения, но мы вправе утверждать, что настроения деревни стали более однородными в том смысле, что индивидуальные антисоветские настроения (почти исключи-

тельно партийно-эсеровские), во-первых, остаются чисто индивидуальными, а во-вторых, не находят себе обычно объяснения ни в нынешнем, ни в прежнем социально-экономическом положении данного субъекта (более всего объясняясь, как сказано, партийной принадлежностью). С другой стороны, все претензии крестьянства к Советской власти почти полностью укладываются в рамках чисто экономических требований.

Вот почему мы считаем, что вопрос о кулаке может, а следовательно, и должен быть перенесен полностью на экономическую почву.

Итак, после этого предварительного замечания постараемся установить, имеем ли мы право говорить о наличии у нас в деревне экономического типа кулака, есть ли предпосылки в нашем хозяйственном строе для развития этого типа. Чтобы не отыскивать в старой литературе определений этого экономического типа, мы воспользуемся лишь двумя выписками из двух современных статей т.т. А. Смирнова и М. Калинина. И т. Смирнов и т. Калинин особенно внимательно в последнее время анализировали тип кулака, сопоставляя его с типом хотя и крепкого, но трудового крестьянина.

Тов. Смирнов дал в «Правде» ряд статей о «крепком трудовом крестьянстве». В одной из них («Правда» от 7 апреля) мы находим следующее определение, вернее, характеристику кулака, как определенного, резко отличного от трудового крестьянина типа:

«Что же такое кулак в деревне? Мы должны прямо сказать, что это — прежде всего ро-

стовщик, занимающийся эксплуатацией маломощного соседа не только путем эксплуатации его труда, а, главным образом, путем всякого рода кабальных сделок, путем деревенской мелкой торговли, посредничества, «дружеского» кредита с «божескими процентами» — одним словом, это — хозяйство, которое ведению своего хозяйства на земле уделяет самое ничтожное внимание, а свои силы и средства направляет главным образом для использования бедственного положения своих маломощных соседей в целях их закабаления» [1]).

Если не придавать этой характеристике значения точного определения, то легко признать, что сложившееся у нас представление о кулаке на самом деле обладает теми чертами, которые приписаны кулацкому хозяйству тов. Смирновым. Ростовщичество, кабальные сделки, торговля, связанная с ростовщическими операциями, закабаление маломощных хозяйств — вот эти вполне определенные черты.

Тов. Калинин, в своей статье «Теория и практика борьбы» («Известия» от 22 марта), рисует облик кулака почти теми же красками:

«...Всякому кулаческому хозяйству, как большому, так и маленькому, присуще увеличивать свою мощь эксплуатацией маломощных. Конечно, и это мое толкование слишком расширительно. Под это определение подходит всякое частное хозяйство, хоть в какой-либо степени пользующееся наемным

---

[1]) Курсив автора.

трудом (иными словами не всякое хозяйство, пользующееся наемным трудом, является кулацким. *В. Б.)*... В литературе, да и в обыденной жизни, под кулачеством подразумевается закабаление окружающего населения такими условиями работ или такими хозяйственными сделками, которые являлись бы для одной стороны убыточнее средних сделок в этом роде. Примерно, крестьянин наймет работника и за уплату вперед заработной платы понижает ее ниже средней в данной местности. Второй случай: кулак покупает у бедняка хлеб на корню за плату ниже нормальной. Третий случай: дает пользоваться инвентарем за цену значительно выше себестоимости. Четвертый случай — продает свой продукт бедноте в долг или просто монопольно по повышенным ценам. Одним словом, кулак всегда стремится на исключительной бедности, на трудных моментах клиента нажиться, разоряя его».

У тов. Калинина, как видим, особенно резко подчеркнуто, что не самая сделка (торговая, кредитная, наем рабочей силы), а особенный ее характер, сплошь и рядом чисто количественное отличие ее от других подобных же, является признаком кулацких отношений. И здесь перед нами те же самые черты: кабала и ростовщичество.

Заметим мимоходом, что тов. Калинин для портрета кулака прибегает к краскам прошлого, пережитого («в литературе, да и в обыденной жизни»). Ни он, ни т. Смирнов не дают примеров и не говорят о наблюдениях, сделанных ими в современности. Что это значит, мы сейчас увидим.

Кто же такой в конце-концов кулак и откуда он берется в деревне?

На этот вопрос нет двух ответов. Кулак есть продукт разложения крестьянства, это — сельскохозяйственный капиталист, но не всякий с.-х. капиталист, а обладающий особыми чертами. Что кулак есть продукт расслоения деревни — это совершенно бесспорно, и лишь народническое стремление доказать, что крестьянская община не разлагается, могло породить представление о кулаке, как о чем-то чуждом, инородном по отношению к крестьянству. Кулак, конечно, вышел из того же самого средняцкого крестьянского теста, из которого на другом полюсе вылепился батрак. Кулак вышел из средняка, превратившегося сначала в зажиточного или крепкого трудового крестьянина, а затем — в обыкновенного предпринимателя и эксплуататора; об этом никто не спорит. Вопрос заключается в другом.

Является ли неизбежной эволюция зажиточного крестьянина (безразлично трудового или предпринимателя-капиталиста) в кулака, и если нет, то каковы те условия, при наличии которых складывается этот совершенно специфический экономический тип? [1]).

Для присвоения сельской буржуазией кулацких черт необходимы совершенно особенные условия, а именно условия, характеризующиеся двумя

---

[1]) Мы совершенно не касаемся в данной статье вопроса о том, в какой мере процесс кооперирования крестьянства открывает сейчас возможность некапиталистического вообще развития крестьянского хозяйства что не означает, разумеется, чтобы мы игнорировали или тем более отрицали эту возможность. Просто это другой вопрос.

словами: остатки крепостничества. Известно, что именно остатки крепостничества, как в области земельных отношений (отказ от отработки, община), так и в области отношений сословных (замкнутость крестьянского сословия), а также политических, именно это, вместе с отсталостью экономического развития вообще, являлось в дореволюционной России питательной средой для черт, характеризующих кулачество. Вместе с тем необходимо отметить, что уже тогда «роль капитала не исчерпывается кабалой и ростовщичеством, что капитал обращается также и на производство», «что зажиточное крестьянство вкладывает деньги не только в торговые заведения и предприятия, но и в улучшение хозяйства, в покупку и аренду земли, в улучшение инвентаря. наем рабочих и т. д.» [1]). Иначе говоря, на-ряду с кулацкими проявлениями мы наблюдаем и нормальное капиталистическое развитие растущего крестьянского хозяйства. Капиталистически развивающееся крестьянское хозяйство приобретает, таким образом, черты кулацкого хозяйства лишь в известных, строго определенных условиях. Совершенно правильно при этом и тов. Смирнов, и тов. Калинин говорят о реакционном характере чисто кулацкого хозяйства, следуя в этом за Лениным, который установил, что «самостоятельное развитие торгового и ростовщического капитала в нашей деревне задерживает разложение крестьянства» [2]). Но особенно

[1]) Ленин, «Развитие капитализма в России», гл. II стр. 114 — 115 и т. д. «Московск. Рабоч.», 1923 г.

[2]) Там же, стр. 115.

важно для нас указание Ленина на те факторы, которые препятствуют или устраняют кулацкий характер деревенского капитализма. Это — развитие торговли, сближающее деревню с городом, вытесняющее «примитивные сельские базары» и подрывающее «монопольное положение деревенского лавочника», и развитие «европейски-правильных форм кредита», вытесняющее деревенского ростовщика. «Капитал зажиточных крестьян, вытесняемый из мелкой торговли и ростовщичества, обратится в более широких размерах на производство, на которое он начинает обращаться уже теперь» [1])

Если мы с этими предпосылками подойдем к современному положению, то получим следующую картину. Новая экономическая политика принесла с собой разложение крестьянства; оно приводит к образованию предпринимательских, капиталистических крестьянских хозяйств (через предварительное превращение средняцких в крепкие, трудовые, зажиточные хозяйства). Возможно, что первые шаги развития товарного и капиталистического товарного хозяйства у нас содействовали кулацкому перерождению этих хозяйств, так как, вообще говоря, именно низкий уровень развития капиталистических отношений содействует росту ростовщичества и т. п., но зато полное, радикальное уничтожение остатков крепостничества должно было силь-

[1]) Там же, стр. 115.

нейшим образом подорвать самую возможность такого перерождения. Кроме того, у нас сейчас энергичнейшим образом при активнейшем содействии государства происходят именно те процессы, о которых, как мы только что видели, говорил Ленин, как об уничтожающих развитие кулачества: во-первых, развитие торговли и — что особенно важно — кооперативной и государственной, т.-е. несравненно более могущественной, чем торговля деревенского лавочника; и, во-вторых, развитие «европейски-правильного кредита» и — что опять-таки важно — кредита кооперативного. Мы не говорим уже о целом ряде административных мер, принимаемых государством с целью борьбы с кабальными сделками и прочее.

Возможно ли, спрашивается, в таких условиях развитие специфического типа кулака? Конечно, нет! Оно невозможно и сейчас при сравнительной слабости кооперации (потребительской, кредитной, производственной и пр.). Оно тем более невозможно будет в дальнейшем, чем скорее и внушительнее будет рост кооперации. Кулак, как определенный экономический тип, доживает свои последние дни. Говорить о кулаках, как об общественном слое, сейчас можно только в том случае, если считать, что всякий сельско-хозяйственный предприниматель есть кулак, или же если вообще по инерции от эпохи военного коммунизма всякого исправного крестьянина считать кулаком.

Кулак — это тип дореволюционной России, пере-

носить эту терминологию в наши условия, сохраняя то же самое содержание понятия, совершенно неправильно. Возможности нарождения кулака в наших условиях крайне ограничены, наоборот, налицо явится тенденция к вымиранию его. Кулак — это жупел, это — призрак старого мира. Во всяком случае, это—не общественный слой, даже не группа, даже не кучка! Это — вымирающие уже единицы.

Вот почему, как нам кажется, и тов. Калинин, и тов. Смирнов фактически не находят современных красок для портрета кулака и заимствуют их из деревни прошлого. Вот почему, мы полагаем, слишком много чести делают они кулаку, разражаясь против него грозными филиппиками.

И вот почему вместе с тем их точка зрения остается об'ективно абсолютно правильной, поскольку они требуют бережного отношения к крепкому зажиточному крестьянину, т.-е. к середняку, переросшему свое середняцкое существо и вступившему на путь накопления: смешивать его с кулаком, конечно, не правильно.

Немаловажным свидетельством в пользу того, что кулака в самом деле в деревне почти не существует уже и сейчас, является то действительное, непритворное затруднение, которое представляет и для самих крестьян и для непосредственных наблюдателей деревни вопрос о том, кого из данных граждан данного селения признать кулаком. Рассказов об этом подчас сильно юмористических, а подчас и грустных было уже приведено в газетах достаточное количество. Повторять их мы не будем.

Итак, ни на минуту не отрицая процесса расслоения деревни со всеми вытекающими отсюда последствиями, мы, однако, решаемся утверждать, что только терминологической инерцией, с позволения сказать, можно объяснить выпячивание в ряде статей значения в нашей деревне фигуры кулака.

Впрочем, одну оговорочку надо сделать. Есть и у нас сейчас те моменты в общественно-экономических отношениях в деревне, которые сильно напоминают кулаческие, есть эти элементы «особо невыгодных для одной стороны сделок», о которых говорит тов. Калинин. Особенно ярко сказывается это в наших современных арендных отношениях. С другой стороны, есть и элементы ростовщичества, те самые «дружеские» услуги за «божеские» проценты, против которых основательно негодует тов. Смирнов. Но и тут мы не вправе говорить о кулаке, так как ни в коем случае нельзя утверждать наличия тенденции к обособлению какого-либо слоя или группы в крестьянстве, монополизирующих проистекающие из этого особые выгоды. С одной стороны, «божеские» проценты берет решительно всякое крестьянское хозяйство, настолько хотя бы зажиточное, что ему есть что одолжить (и само в свою очередь платит те же «божеские» проценты, так как и ему приходится одалживаться); с другой стороны, относительно аренды можно сказать, что в накладе иной раз остается именно исправное, более или менее зажиточное крестьянское хозяйство, так как сплошь и рядом в аренду

сдают сейчас полукрестьяне-полурабочие, отказывающиеся от обработки земли, так как они окончательно осели в промышленности, а берут в аренду более или менее крепкие крестьяне. Кто кого тут эксплуатирует, разобрать нелегко!

Наконец, нельзя отрицать, конечно, и случаев кулацкой эксплуатации наемного труда. Примеров тому достаточно.

Если поставить вопрос, на какой основе вырастают эти элементы нео-кулачества (элементы кулачества, а не кулаки!), то мы должны, кажется, признать, что почву для них создает недостаточное еще развитие товарности крестьянского хозяйства, с одной стороны, и те стеснения арендных отношений и найма рабочей силы, которые имеются в нашем земельном кодексе — с другой.

Начавшийся уж пересмотр некоторых положений земельного кодекса и настойчивая работа по кооперированию крестьянства должны сделать появление кулацких элементов в экономических отношениях деревни совершенно невозможным и окончательно уничтожить традиционный тип кулака.

(«Большевик» № 9—10, 1925 г.).

Ф. Сулковский

Не „терминологическая“, а просто путаница.

I.

В №№ 9—10 «Большевика» помещена статья Богушевского под широковещательным названием: «О деревенском кулаке или о роли традиции в терминологии». Эта статья приходит после беглого разбора к выводу, что «кулак, как определенный экономический тип, доживает последние дни», что кулак «это — не общественный слой, даже не группа, даже не кучка — это вымирающие уже единицы». И, как вывод, т. Богушевский устанавливает: «только терминологической инерцией, с позволения сказать, можно объяснить выпячивание в ряде статей значения в нашей деревне фигуры кулака», ибо «кулак в самом деле в деревне почти не существует уже и сейчас».

Вот так штука! Оказывается, кулак — просто недоразумение. Его нет, и мы лишь зря болтаем, когда о нем пишем резолюции и статьи. Основная линия партии за все время революции (как равно до нее) определенно учитывала наличие кулаков. Когда в настоящем году был взят курс на усиление работы в деревне в связи с лозунгом «лицом к де-

ревне», то одним из основных вопросов, вставшим перед партийными организациями и перед Центральным Комитетом, был вопрос о кулачестве. «Вопрос о кулачестве», — говорит Молотов,— «имеет в настоящее время большое значение» («Об очередных задачах работы в деревне»). Об этом же говорят и решения XIV партконференции.

И вдруг вопрос о кулачестве — иллюзия, чуть ли не карточный домик, нами зря выдуманный.

Тов. Богушевский грубо ошибается: постараемся это доказать.

II.

«Само собой разумеется, — пишет тов. Богушевский, — что в условиях военного коммунизма не могло существовать ни кулацкого, ни вообще капиталистически - предпринимательского хозяйства». Это положение будет совершенно верным, если мы возьмем его, как теоретическое положение: действительно, сплошной военный коммунизм исключает кулацкое хозяйство. Но подобное теоретическое положение является теоретизированием в худшем смысле этого слова, когда мы его применяем к нашей действительности 1917 — 1921 г.г. Во-первых, целые годы ряд крупнейших районов был во власти белых (Украина, Сибирь); там в это время, конечно, военным коммунизмом и не пахло. Там были и поддерживали белых не бывшие, а настоящие кулаки. Во-вторых, крестьянские восстания, охватывавшие крупнейшие территории Украины, ряд районов Сибири, Тамбовской губернии, были определенно кулацкими не только потому, что кулаки были вожди

в этой борьбе против Сов. власти, но и потому, что в восставших районах, как правило, воскресал и возрождался кулацкий тип хозяйства. В-третьих, при безграничных пространствах РСФСР, несомненно, были и не в белых, и не в восставших местах районы с определенными кулаками, не бывшими, как на это напирает Богушевский, но настоящими. С точки зрения диалектики, которой придерживаются марксисты, совершенно недопустима та абсолютизация, которой т. Богушевский одаряет эпоху военного коммунизма. Жизнь есть жизнь, но не нагромождение абсолютных схем.

Поэтому Богушевский совершенно неправ, когда утверждает, что «если мы говорили об особом отношении к среднему крестьянству, противопоставляя его отношению к кулаку, то речь, таким образом, могла итти только о бывшем кулаке». Как видно из сказанного выше, речь шла о настоящем, живом кулаке; звание кулака не было экономическим анахронизмом, а упиралось как-раз в деревенскую экономику. То, что кулаков стало меньше и их роль сузилась весьма сильно, не означает их перехода в «небытие».

Но т. Богушевский не останавливается только на том, что якобы кулак стал экономическим анахронизмом, но утверждает, что разгром контр-революции (к концу 1920 г.) привел к тому, что контрреволюционные поползновения «совершенно перестали находить, какой бы то ни было, отклик в сколько-нибудь широких общественных кругах, а в особенности в деревне». «Поэтому, — дальше развивает свою мысль т. Богущевский, — одно это по-

ставило под знак вопроса и политический смысл «звания» кулака еще до наступления новой экономической политики».

Поистине удивительные рассуждения.

Прежде всего, замечательно, что контр-революционные поползновения особенно потеряли почву в деревне. Что же, рабочий класс был в то время правее крестьянства? Значит, крестьянство было в то время основной опорой Советской власти? Стоит поставить перед собою эти вопросы и вспомнить это тяжелое для Советской Республики время — и станет совершенно ясным, что контр-революционные поползновения не имели почвы под собою именно в рабочих крупных районах и в фабрично-заводских центрах (Москва, Ленинград, Иваново-Вознесенск), крестьянство же, наоборот, далеко не обнаруживало того политического спокойствия, которое так категорически утверждает тов. Богушевский. Вспомним кронштадтский мятеж, Антоновское восстание в Тамбовской губернии, полосу восстаний в Сибири, украинские бродячие банды — и мы увидим, что крестьянство в целом ряде случаев, руководимое кулаками, политически было против Сов. власти. Касаясь кронштадтского мятежа—по существу крестьянского мятежа — Ленин писал: «Тут проявилась стихия мелкобуржуазная, демократическая, с лозунгами свободной торговли и всегда направленная против диктатуры пролетариата». (Н. Ленин, Собрание сочинений, т. XVIII, ч. 1).

В знаменитой брошюре «О продналоге» т. Ленин замечает: «Политическая обстановка к весне 1921 г. сложилась так, что немедленные самые решитель-

ные, самые экстренные меры для улучшения положения крестьянства и подъема его производительных сил стали неотложно необходимыми». Именно политическое настроение крестьянства весной 1921 года поставило ребром вопрос о переходе к новой экономической политике. А это настроение в ряде случаев было таково, что крестьянская, мелкобуржуазная стихия, руководимая кулацкими и эс-эровскими (это часто одно и то же) элементами, шла на свержение Советской власти (тот же Кронштадт); а это разве не контр-революционное поползновение?

К тому же тов. Богушевский путается в трех соснах — и путается основательно. Лишним доказательством этого служит то обстоятельство, что дальше (на стр. 60) Богушевский утверждает, что «замена продразверстки продналогом, допущение свободы торговли и прочее, без сомнения, примирили с Советской властью значительную часть тех крестьян, которые все еще были настроены контр-революционно». Как это вяжется с приведенным выше утверждением об отсутствии какого-либо отклика контр-революционных поползновений в деревне? Ведь одно другое исключает, — это ясно для каждого грамотного человека.

Попытки т. Богушевского доказать политическое и экономическое «небытие» кулака в 1920 г. в период после разгрома контр-революции и до новой экономической политики — являются совершенно несостоятельными. Противоречие эпохи военного коммунизма заключалось в том, что военный коммунизм оказался не в состоянии увязать фабрично-заводскую и крестьянскую экономику и установить

между ними подлинную смычку, обеспечивающую удовлетворение потребностей широких масс трудового крестьянства. А отсюда, как частный случай, вытекает вывод, что военный коммунизм не был в состоянии ликвидировать экономически и политически кулака. Гони природу в дверь — она летит в окно. И как мы не истребляли экономически и политически кулаков, они в первых рядах сражались против нас и организовали против Сов. власти более широкие крестьянские круги. Для упрочения нашего союза с крестьянством, рабочему классу надо перейти на новые позиции, которые бы усиливали его влияние в деревне и позволили ему в большей степени, чем до сих пор, связаться с трудовым крестьянством, изолируя от него кулака. Этим фактическим маневрам, подводящим прочную базу под союз города и деревни, и явилась новая экономическая политика.

III.

Переходя к периоду новой экономической политики и к современности, т. Богушевский заявляет о необходимости перенести вопрос на «чисто экономическую почву». Против этого возражать не приходится. Но это свое, для марксиста вполне понятное заявление, тов. Богушевский сопровождает двумя замечаниями, заслуживающими больше удивления, чем внимания: 1) «Разгром контр-революции и введение нэпа. если, может быть, и не совсем, то, во всяком случае, почти совсем уничтожили тип политического кулака» (курсив наш. Ф. С.).

Совершенно неясно, почему без основания т. Бо-

гушевский придает ему благочестивый советский облик. Затем трудно понять т. Богушевского, почему это он так упорно отделяет, выражаясь его словами, «политического» кулака от «экономического»; самое противопоставление является странным, а в данном случае — непонятным. Самое большее, о чем можно говорить, это «не об уничтожении типа политического кулака», а об изменении политических настроений кулачества. Настроение кулака сейчас, оставаясь попрежнему антисоветским, все же иное, чем до годов нэпа, особенно в области тактической: до нэпа кулак пытался нас удушить восстаниями, а сейчас использует легальные возможности: борьба за советы и т. д.

2) Сам чувствуя недостаточность своего объяснения, т. Богушевский поясняет: «Мы не хотим сказать, что в деревне одни только советские настроения, но мы вправе утверждать, что настроения деревни стали более однородными в том смысле, что индивидуальные антисоветские настроения (почти исключительно партийно - эсеровские), во-первых, остаются чисто индивидуальными, а, во-вторых, не находят себе обычно объяснения ни в нынешнем, ни в прежнем социально-экономическом положении субъекта (более всего, объясняясь, как сказано, партийной принадлежностью)» (курсив наш. Ф. С.).

Это дальнейшее пояснение чрезвычайно хромает. Верно, что настроение деревни стало более однородным, чем в годы перед нэпом, но почему антисоветские настроения — «почти исключительно партийно-эсеровские»? Это делает слишком много чести эсерам, в то же время не соответствует действительности:

эсерство не покрывает собою антисоветских настроений.

Затем, как же это так «антисоветские настроения не находят себе обычно объяснения ни в нынешнем, ни в прежнем социально-экономическом положении субъекта, объясняясь более всего партийной принадлежностью»? А партийная принадлежность из воздуха приклеивается к мужику? С каких это пор состояние в партии не связано с социально-экономической физиономией членов? Ведь, по Богушевскому получается, что: а) антисоветские настроения случайны; б) антисоветское настроение кулака не объясняется его экономическим положением; в) партийная принадлежность приобретает самодовлеющее значение, хотя на самом деле именно она является производным фактором и сама нуждается в объяснении.

Совершенно очевидно, что т. Богушевский грубо ошибается: политическое настроение крестьянства опирается и соответствует его экономике; противником Советскей власти, в первую очередь и главным образом, являются именно кулаки, независимо от их партийности. А сама партийность (эсеровская) является уже следствием (далеко не обязательным) недовольства политикой Советской власти, т.-е. результатом антисоветских настроений. Как известно, недовольство Сов. властью ведет не только к эсерству, но и к анархизму и монархизму.

IV.

Наконец, тов. Богушевский переходит к определению того, кого можно назвать кулаком. Тов. Бо-

гушевский отказывается «отыскать в старой литературе определения этого экономического типа» и целиком свое объяснение кулака базирует на статьях т.т. А. Смирнова и М. Калинина. Как известно, и т. Смирнов, и т. Калинин заостряли вопрос в определении кулачества не на моменте эксплуатации, а на ее особенных формах: ростовщичестве и кабале. По Калинину получается, что под кулачеством следует понимать «закабаление окружающего населения такими условиями работ или такими хозяйственными сделками, которые бы явились для одной стороны убыточнее средних сделок в этом роде». По Калинину, примером кулацкой сделки следует считать случай, когда «крестьянин нанимает работника и за уплату вперед заработной платы понижает ее ниже средней в данной местности» (цитата у т. Богушевского). Те же самые соображения развивает и т. Смирнов. К ним безоговорочно присоединяется и т. Богушевский, подчеркивающий, что кулак — это не всякий сельско-хозяйственный капиталист, а обладающий особыми чертами (кабала и ростовщичество).

Мы полагаем, что совершенно неверным является это построение.

Совершенно неправильно в качестве мерила брать среднюю плату в данной местности. С каких это пор у марксистов водоразделом экономических определений является размер заработной платы? Вы представьте себе мужика, который летом платит работникам среднюю для данной местности зарплату; по определению тов. Калинина, он не кулак; но если он зимой зарплату понижает, он превращается в ку-

лака. Представим себе еще местность, где средняя зарплата, в силу ряда условий, является буквально нищенской, но мужик вынужден наниматься в работники, ибо массовая безработица, неурожай его на это толкают. Сельско-хозяйственный предприниматель эксплуатирует его во-всю, но раз он не понижает средней зарплаты (и без того мизерной), он не является кулаком. Если мы этот пример с зарплатой перенесем в промышленность, то у нас получится: капиталист, платящий ниже средней ставки — эксплуататор, платящий выше не может быть зачислен по эксплуататорскому ведомству, а между тем, мы все превосходно понимаем, что независимо от того, сколько платит фабрикант рабочему — больше или меньше — он настоящий капиталист, буржуа, ибо для нас основное не в размере зарплаты, а в самом факте эксплуатации, являющемся результатом капиталистических производственных отношений.

Тов. Богушевский не любит ссылок на старую литературу. Постараемся порыться в новой уже советской литературе. В «Ответе на запрос крестьянина» (Н. Ленин, Собр. соч., т. XVI, стр. 29) мы читаем следующее определение тов. Ленина: «Кулаки — богатые крестьяне, которые угнетают чужой труд, либо нанимая работников, либо давая деньги в рост и тому подобное». Коротко и ясно. Тов. Ленин не проводит разницы между мужиками в зависимости ст того, какую зарплату они выплачивают своим работникам, а подчеркивает момент угнетения, т.-е. эксплуатации чужого труда. Эта эксплуатация идет по двум путям: а) найма; б) ростовщичества. Таким образом, мужик, ведущий свое хозяйство наемными

руками — настоящий кулак. Несомненно, что в условиях Советского Союза ведение хозяйства наемным трудом далеко от широкого распространения, но дело не в том, насколько широко распространен этот способ хозяйствования, а имеется он или нет. На этот вопрос ответ может быть только положительным. Наивным втиранием самим себе очков было бы, если бы мы утверждали, что у нас нет хозяйств, ведущихся наемным трудом. Само собою разумеется, что хозяйство, лишь на время пользующееся наемными руками, кулацким названо быть не может. Эксплуатация рабочей силы должна быть основой ведения хозяйства; лишь в этом случае мы можем назвать последнее кулацким. Как семья, состоящая из мужа, жены, работающих на службе, и 3 детей не может быть причислена к эксплуататорской на том только основании, что она имеет прислугу, так и крестьянское хозяйство, в основном живущее своим трудом, не имеет кулацкого характера.

Возникает вопрос: можно ли сказать, как это утверждает и тов. Богушевский, «что кулак — сельско-хозяйственный капиталист, обладающий особыми чертами». Если говорить о кулаках, как об особенной категории сельско-хозяйственного капитализма, то это было безусловно правильным в дореволюционное время, когда существовало помещичье землевладение. Но теперь помещичье землевладение весьма прочно отсутствует; и сейчас (если не считать сельско-хозяйственных концессионеров, роль которых не может быть значительной) единственными монопольными представителями сельскохозяйственных капиталистов в СССР являются кулаки. К тому же особенные черты, как их понимает

т. Богушевский (кабала, ростовщичество), не являются, как разобрано выше, исчерпывающими понятие кулака. Потому мы вправе установить, что для переживаемого нами этапа диктатуры пролетариата понятия «сельско-хозяйственный капиталист» и «кулак» взаимно покрывают друг друга.

Основная ошибка т. Богушевского, а равно т.т. Калинина и Смирнова, заключается в том, что они деревенское кулачество связывают исключительно с торгово-ростовщическим капиталом. Совершенно верно, что торгово-ростовщический капитал исторически предшествует образованию промышленного капитала и логически является необходимым условием этого образования (Н. Ленин, Собр. сочинений, т. III, стр. 138, «Развитие капитализма в России), — это же по аналогии относится и к сельскому хозяйству, где капитал «не исчерпывается кабалой и ростовщичеством, но обращается также и на производство». Но, как говорит т. Ленин, «нанимает ли крестьянин рабочих для расширения производства, торгует ли он землей или бакалейными товарами, торгует ли он коноплей, сеном, скотом и пр., или деньгами (ростовщик), он представляет из себя один экономический тип, операции его сводятся в основном к одному и тому же экономическому отношению» (там же, стр. 139), т.-е. к присвоению прибавочной стоимости.

Таким образом, нельзя противопоставлять, как различные в основе категории, крестьянина-ростовщика-торговца и крестьянина-производственника, живущего эксплуатацией наемного труда: оба представляют одну экономическую категорию — кулака.

V.

Сузив и извратив, таким образом, понятие кулака, т. Богушевский идет дальше семимильными шагами. По его мнению, развитие типа кулака невозможно и сейчас, при сравнительной слабости кооперации, тем более т. Богушевский считает невозможным это развитие в дальнейшем, когда внушительно окрепнет кооперация. По Богушевскому, кулаки — просто вымирающие единицы.

Даже, если мы примем исходную точку т. Богушевского о ростовщической базе кулачества, то для подобных «розовых» рассуждений и утверждений имеется весьма мало оснований. Еще меньше будет этих оснований, если мы к исследованию кулацкого типа подойдем без розовых очков. Посмотрим, что нам говорят цифры:

По данным Ц. С. У. к лету 1923 г. 6,2% крестьянских дворов относится к зажиточным и 1,8% к богатым (безусловные кулаки). К 1925 г. можно предполагать, что % кулаков доходит до 2 — 2,2. По подсчетам Ю. Ларина («Советская деревня», стр. 85 — 86), число хозяйств, нанимающих рабочих, колеблется в пределах от 400.000 до 600.000.

У Хрущевой мы находим следующие цифры, касающиеся ряда не пострадавших от голода губерний: хозяйства с посевами от 6 — 10 десятин составляли в 1920 г. 2,7%, а в 1924 г. — 5,5%; с посевами 10 — 16 дес. в 1920 г. — 0,7%, а в 1924 г. — 0,7% («Большевик», №№ 5 — 6 за 1925 г.). Приведенная там же сводка дает нам для 1924 г. процент крупнопосевщиков от 6 дес. — 9,5%, свыше 10 — 2,5%.

Эти цифры можно значительно умножить («Экономическое Обозрение», «Плановое Хозяйство», «На аграрном фронте», статьи Хрящевой, издания ЦК РКП и т. д.). Но и их достаточно для того, чтобы установить существующий процесс расслоения деревни и развитие и укрепление ее кулацкой верхушки. В современной деревне имеется почва для развития кулачества. В каких размерах — это вопрос другой. Поэтому существование кулака — это непререкаемый факт, который находит себе полное подтверждение в нашей политике. Последние перевыборы советов это показали с удивительной отчетливостью. Не только в издавна кулацких местах, как Кубань, но и в таких рабочих районах, как промышленные округа Урала и губернии Центральной России, мы чувствовали политическое сопротивление (большее или меньшее в разных местах) кулацких элементов, бравших не своим количеством, но своим качеством (экономическая зависимость от них части середняков и бедняков, активность и организованность). Развитие кооперации в деревне, помимо прочих препятствий, наталкивается также на резкое противодействие кулачества.

Но не только существование кулаков несомненно, безусловным фактом является рост кулачества. Экономика современной деревни создает условия, которые способствуют развитию буржуазной верхушки.

Резолюция XIV партконференции констатирует, что «начавшееся с нэпом расслоение деревни найдет свое выражение в ближайшем будущем в дальнейшем увеличении и усилении на известное время

новой крестьянской буржуазии, вырастающей из зажиточных слоев крестьянства»... Наряду с этим конференция высказывается за «недопущение в правление общества явно кулацких элементов». Наша партия не боится констатировать того, что есть, и прямо признает существование кулачества и усиление его на известное время: факты — упрямая вещь.

Позиция же т. Богушевского попросту смазывает существование кулачества. Какие там кулаки — восклицает т. Богушевский, — были, да почти вышли, а сейчас они доканчивают свое разложение и исчезновение.

Чувствуя под ногами непрочную почву, т. Богушевский ссылается, в качестве последней соломинки, на то, что «большим вопросом для крестьян является вопрос о том, «кого из граждан данного селения следует причислить к кулакам». Затруднения, конечно, в этом бывают, ибо точную, отчетливую границу между кулаком и зажиточным крестьянином провести трудно. Но значительная часть этих затруднений вытекает из того, что понятие кулака толковалось часто слишком распространительно и захватывало крупную категорию «хозяйственных» и «крепких» середняков. Конечно, этот аргумент т. Богушевского ничуть не доказывает отсутствие кулака. В конце т. Богушевский все же делает «одну оговорочку». Оказывается, есть «элементы, напоминающие кулачество», как-то: «особо невыгодные для одной стороны сделки» и «элементы ростовщичества». Оказывается, что хотя это — кулацкие элементы, но это еще не кулачество, ибо

мы не можем утверждать «наличия тенденции к обособлению какого-либо слоя или группы в крестьянстве, монополизирующих проистекающие из этого особые выгоды». Утверждение далеко неясное и неверное. Тенденция к обособлению, т.-е. к выделению, именно имеется.

Наивно указание т. Богушевского, что «божеские» проценты берет каждое крестьянское хозяйство, настолько хотя бы зажиточное, что ему есть что одолжить». Значит, «божеские проценты берет только определенная, имущая категория крестьянства. Ведь, бедняк не сможет ничего одолжить, ибо ему нечего одалживать. Поэтому «божеские» проценты доказывают обратное тому, на что ссылается наш автор.

Совсем нелепо звучит рассуждение, что при аренде «в накладе иной раз остается именно исправное, более или менее зажиточное крестьянство, так как сплошь и рядом в аренду сдают сейчас крестьяне-полупролетарии, осевшие в промышленности, а арендуют более или менее крепкие крестьяне. Кто кого тут эксплуатирует, разобрать нелегко». Зажиточный крестьянин, арендующий землю соседа, ушедшего на фабрику, по Богушевскому, оказывается чуть ли не эксплуатируемым существом! Мужика, ушедшего из-за невозможности свести концы с концами, в город на фабрику, т. Богушевский готов зачислить в эксплуататоры!

Это — все же слишком. Всякому увлечению есть предел.

VI.

Статья т. Богушевского является, независимо от субъективных взглядов автора, попыткой легализовать кулака, отрицая его существование и вводя его тем самым в состав полноправных советских граждан. Он дает неверную перспективу происходящему в деревне процессу расслоения и излишне оптимистически расценивает классовые отношения в деревне.

Классовая борьба в деревне приобретает у т. Богушевского прямо-таки идиллический характер. Давая совершенно неверный анализ классовым отношениям в современной деревне и делая из этого «розовые» выводы об отсутствии кулака, т. Богушевский вступает в явное противоречие с позицией партии по этому вопросу.

Партия на основании объективного изучения деревенских отношений пришла к выводу, что классовое расслоение в деревне, выделение крепнущей и активной буржуазной верхушки, выдвигает перед нами исторической важности задачу — борьбу за середняка. Борьба за середняка происходит между городской буржуазией и деревенским кулачеством, с одной стороны, и рабочим классом, руководимым партией, — с другой стороны.

Эта борьба происходит в своеобразных условиях, когда для усиления нашей промышленности, для увеличения рядов пролетариата, для укрепления социалистического участка борьбы мы вынуждены развязывать новую экономическую политику в деревне, приводящую не только к укреплению наших

позиций у бедняка и середняка (сельскохозяйственный кредит, кооперация), но к росту деревенской буржуазии, к росту кулачества, к росту на известное время капиталистических элементов.

В этом и заключается суровая диалектика переживаемого нами момента.

Соотношение сил социализма и капитализма в системе нашего народного хозяйства, как показывают нам годы нэпа, складывается из года в год в сторону советского государства, т.-е. социализма.

Но этот наш социалистический успех не должен мешать нам пристально следить за успехами капитализма в первую очередь в деревне. Опасность здесь далеко не преодолена. В деревне нам предстоит очень тяжелая, кропотливая работа, борьба. И лишь в итоге этой борьбы мы сможем сказать, что уже победил социализм. Поэтому мы проявляем такое внимание к деревне, поэтому мы ее так пристально пытаемся изучить.

По Богушевскому же деревня является наиболее спокойным участком нашего Союза, где тишь, гладь, да божья благодать. Отсутствие кулака, отсутствие предпосылок для укрепления этого нашего злейшего и опаснейшего врага влечет за собой, как вывод, ослабление нашего внимания деревне, «почивание на лаврах». А именно это особенно опасно. Поэтому статья т. Богушевского не только неверная, но и вредная статья.

(„Большевик“ № 17 — 18).

ПРИЛОЖЕНИЯ.

I. О партийном строительстве.

Из резолюции XIV конференции РКП (б.).

I. Своеобразие текущего момента заключается в том, что существенным образом изменяется как международная, так и вся внутренняя обстановка. Этот перелом в своих самых главных и основных чертах сводится к следующим фактам: отсутствие революционного подъема в Центральной Европе, при одновременном развитии революционного движения против империализма в колониях и зависимых странах и некоторая временная стабилизация капиталистического режима в целом; довольно быстрый хозяйственный рост СССР и упрочение Советской власти; изменившееся соотношение между СССР и капиталистическим миром, выразившееся в форме «признаний»; развитие внутри СССР, на основе хозяйственного роста, новых процессов, создающих новые трудности для дела укрепления рабоче-крестьянского блока.

2. Расшатанный капитализм Запада и развивающееся революционное движение Востока — это те общие условия нашего развития, которые создают внешнюю обстановку, необходимую для строительства социализма в нашей стране. Однако, это строи-

тельство может быть успешным лишь в той мере, в какой партия правильно учитывает изменяющиеся соотношения классовых сил, и, таким образом, обнаруживает умение руководить крестьянством в новой обстановке.

3. Победоносное окончание гражданской войны, установление внешних торговых отношений с признанием де-юре СССР со стороны ряда капиталистических держав, рост товарооборота между городом и деревней и решающее значение вопроса о ценах создают новое соотношение между пролетариатом и крестьянством и новую основу для союза рабочих и крестьян.

4. Переход помещичьей земли к крестьянству и уничтожение помещичьей кабалы, — что было завоевано в результате руководства победоносного пролетариата и его блока с крестьянством и что служило раньше основой рабоче-крестьянского блока, — становится теперь недостаточным средством укрепления этого блока; равным образом военный союз между пролетариатом и крестьянством, опиравшийся на защиту отвоеванной у помещика земли, теперь, в данных условиях, уже не играет той роли, какую он играл во время гражданской войны.

5. Мирные торговые сношения, связывающие крестьянство с внешним рынком, и хозяйственный рост СССР обнаруживают и обнажают известные противоречия интересов между пролетариатом и крестьянством, идущие по линии борьбы за цены (на продукты индустрии — с одной стороны, на продукты сельского хозяйства — с другой). Эти проти-

воречия не являются, однако, непримиримыми в пролетарском государстве при правильном проведении государственных мер экономического регулирования цен и при всемерной поддержке государством дела восстановления сельского хозяйства всей основной массы крестьянства.

6. Но эти противоречия обостряются еще в значительной мере остатками военного коммунизма в деревне, — как в области экономической, так и политически-административной практики. Скрытое аграрное перенаселение и налоговое обложение кустарной промышленности, обострявшее это перенаселение, не только отражались на всем хозяйстве в целом и развитии производительных сил, но и создавали недовольство обоих полюсов деревни, т.-е. зажиточной кулацкой верхушки и некоторых слоев деревенской бедноты.

7. Развитие крестьянского хозяйства, сопровождающееся его рационализацией, которая всемерно поддерживается нашей партией, а также быстро растущая культурно-политическая активность крестьянства приходит в противоречие с остатками военного коммунизма еще и потому, что эта рационализация требует и соответствующей административной практики, основанной на строжайшей законности, которая только и позволяет производителю заранее учитывать причитающиеся с него налоговые поступления и другие требования государственной власти.

8. При таких условиях необходимо укреплять союз между рабочими и крестьянами и диктатуру пролетариата, немыслимую без этого союза, на

основе новых отношений и новыми методами, вытекающими из этих новых складывающихся отношений.

9. В области экономической политики необходимо развязывать по возможности хозяйственный оборот во всех отраслях хозяйства, в том числе и в деревне. Это должно происходить при условии, что экономические высоты уже находятся в руках пролетариата и действительно укрепляются. Элементы капитализма, которые в ближайшие годы будут неизбежно нарастать, будут преодолеваться средствами экономической борьбы и растущим кооперированием основной массы крестьянства. В результате более быстрого товарооборота будет расти и темп накопления во всем народном хозяйстве, и все больший абсолютный и относительный рост социалистических элементов хозяйства.

10. В области политики основной директивой партии должно быть оживление советов и улучшение пролетарского руководства крестьянством через советские органы власти, со смелым и решительным переходом на линию революционной законности и искоренения остатков военного коммунизма в административно-политической работе.

Только таким путем можно укреплять в настоящих условиях диктатуру пролетариата.

11. Все члены партии должны отчетливо понять безусловную необходимость такого партийного курса. Работа каждого члена партии, любой местной организации, любого ответственного партийного работника должна измеряться той степенью умения, с которой они переходят на эту линию,

являющуюся единственно правильной линией пролетарской политики в настоящих условиях.

I. Задачи партийного руководства и практические меры по его улучшению.

В центре внимания нашей партии теперь стоят задачи осуществления правильного руководства пролетариата по отношению к деревне. Руководство пролетариата по отношению к крестьянству после победы пролетарской революции заключается, как в проведении правильной общей политической линии в направлении укрепления основ (прежде всего, экономических) пролетарского государства, так и в установлении конкретных способов и мер проведения этой политической линии в каждый данный период развития пролетарской революции. В период осуществления диктатуры пролетариата это руководство необходимо, как помощь пролетарского государства в деле экономического, культурного и политического роста по отношению к крестьянству, как к более отсталым и менее организованным массам трудящихся. Но только постепенное вовлечение во все дело строительства пролетарского государства вместе с рабочими и крестьянства, с безусловным проведением при этом пролетарского руководства, обеспечивает, как само развитие пролетарской республики, так и все большее и действительное приобщение ко всему советскому строительству и, тем самым, к социализму широчайших крестьянских масс, без чего невозможна окончательная победа социализма.

В настоящий период (при наличии проверенной опытом революции общей линии партии и при проведении назревших мероприятий по улучшению экономического положения деревни) важнейшее значение имеет вопрос о методах пролетарского руководства, тем самым вопрос о методах приобщения крестьянства к социалистическому строительству.

В теперешних условиях имеет исключительно большое значение развертывание работы советов, кооперации, профессиональных союзов и других организаций практического строительства со все большим вовлечением в их работу рабочих и крестьянских масс и с решительным устранением остатков практики неправильного вмешательства (назначенство, так называемое «командование» и т. п.) в их работу и в работу их выборных органов. Поэтому основными методами пролетарского руководства по отношению к деревне в настоящий период должны быть следующие:

а) Оживление советов (а на-ряду с этим и кооперации, крестьянкомов и т. п.) с действительно широким выдвижением на ответственную работу в советах и их исполкомах, в кооперативах и других органах (села, уезды, губернии, республики) беспартийных крестьян и крестьянок, на-ряду с правильным и систематическим выдвижением на работу в советах (и в кооперации) лучших сил партии в деревне, всемерно подкрепляемых присылкой подготовленных работников из города, а также с действительным усилением работы по улучшению состава работников совторганов и кооперативов.

б) Гибкое, приспособляющееся к условиям нашей крестьянской по преимуществу страны и вместе с тем плановое государственно-экономическое регулирование хозяйственной жизни (например, в отношении промышленных и с.-х. цен) и содействие всеми мерами государственной помощи работой промышленных и торговых органов делу подъема и, особенно, хозяйственного объединения крестьян через развитие кооперирования, которое (кооперирование) в соединении с государственным кредитом является основным условием для постепенного приобщения крестьянских масс к социалистическому строительству и для проведения пролетарского руководства в деревне.

в) Проведение законодательных и налоговых мер, а также соответствующих мероприятий на местах, направленных к защите и охране интересов сельско-хозяйственного пролетариата и деревенской бедноты, при строгом соблюдении революционной законности.

г) Развертывание культурного строительства в деревне (школы, библиотеки, избы-читальни и т. д.) с правильным и полным использованием наличных сил и с обеспечением действительно широкого роста новых советских кадров сельской интеллигенции (учителя, агрономы, врачи и т. д.) и с постоянным укреплением профессиональной организации батрачества и других работников деревни.

д) Постановка политического воспитания путем развертывания действительно массовой печатной и устной коммунистической пропаганды и агитации в деревне, как-то: распространение книг и газет

с наибольшим участием в этом самих крестьян-селькоров и крестьянских писателей (при чем особенно необходима активнейшая поддержка селькоровского движения, как важнейшего в настоящий момент помощника партии в борьбе с недостатками и злоупотреблениями в советских, кооперативных и других органах, а также в самой работе по улучшению практики партийных, советских и других органов); систематическое пополнение деревни подготовленными пропагандистами, агитаторами и т. п.

е) Большее привлечение батраков, бедняков и лучшей революционной части середняков в ряды наших партийных организаций, а также развертывание в деревне работы комсомола, организаций пионеров, делегатских собраний крестьянок и т. п.

Только при правильном применении всех этих методов руководства деревней, только опираясь на все эти рычаги пролетарского руководства крестьянством, рабочий класс, руководимый Коммунистической партией, сможет систематически укреплять доверие крестьянства к диктатуре пролетариата, тем самым будет расти и крепнуть союз рабочего класса с крестьянством для победы социализма.

Ни в коем случае нельзя затушевывать, что пролетарское руководство по отношению к крестьянству будет только тогда действительным руководством самого последовательного и решительного в советской революции класса — пролетариата, когда оно будет направляться Коммунистической партией, — подлинной выразительницей основных и действительных интересов этого класса в целом и, вместе с тем, интересов всех тружеников деревни и города в их объ-

единенной борьбе за превращение нашей страны в действительно передовую социалистическую республику.

Как авангард и вождь пролетариата, Коммунистическая партия, не говоря уже об общей политической линии, должна быть всегда во главе рабочих и крестьянских масс, беря на себя инициативу и роль основного организатора во всем практическом революционно-пролетарском строительстве, со все большим привлечением к нему рабочих и крестьянских масс. Это относится ко всем областям экономического, культурного, профессионального и политического строительства в Советской республике, а тем самым и к делу исправления недочетов и ошибок советских, кооперативных и других органов, а также к борьбе с прямыми и еще нередкими злоупотреблениями в их работе.

Это, дальше, предъявляет особые требования к самому составу и организации партии и к составу и организации коммунистических и примыкающих к партии организаций, как-то: комсомол и организация юных пионеров, организация работниц и крестьянок, рабселькоровское движение и т. п. Это, наконец, особенно в настоящих условиях, предъявляет все более повышенные требования, как в деле улучшения руководства непосредственно по партийной линии, т.-е. руководства вышестоящими парторганами по отношению к низовым партийным организациям, так и в деле руководства партии по отношению к советам, профсоюзам, кооперации и другим непартийным организациям. Все это говорит о необходимости, в особенности в настоящих усло-

виях, всемерного улучшения качества партийной работы и, прежде всего, улучшения качества партийного руководства.

Все эти меры в особенности необходимо провести в настоящее время по отношению к деревне, а следовательно, в первую очередь, по отношению к нашим низовым деревенским организациям. Здесь (в деревне) в настоящее время заключается особенно трудная задача нашей партии, поскольку здесь более слабы и менее политически подготовлены наши организации и партийные работники и поскольку в настоящих условиях здесь безусловно необходимо решительное изменение в методах партийного руководства по отношению к работе советов, кооперации, крестьянкомов и других непартийных организаций деревни в том направлении, как это указано выше.

Из этого вытекает необходимость особенно серьезного и внимательного отношения всей партии к делу улучшения работы наших партийных организаций в деревне, к делу усиления их политического воспитания и улучшению и обновлению самого их состава.

II. Меры по укреплению партийных организаций в деревне.

Улучшение работы партий в деревне возможно только при укреплении состава партийных организаций в деревне, при усилении их работы, при серьезном улучшении руководства и вообще увеличении помощи деревенским организациям со стороны всей партии. Особенно это необходимо сделать в на-

стоящее время по следующим причинам: партийные организации в деревне еще крайне слабы, состав этих организаций за последние годы мало обновлялся и в некоторых случаях требует серьезного очищения; в настоящих условиях требуется более высокая, чем раньше, политическая и деловая подготовка.

Исходя из всего этого, признать необходимым следующие меры по укреплению деревенских партийных организаций:

1. Пополнение и обновление состава деревенских партийных организаций путем более энергичной работы по привлечению в партию революционно-передовых элементов маломощного крестьянства (в частности, крестьянок, прошедших школу делегатских собраний), а также батраков и лучшей части середняков.

2. Особенно большое значение для укрепления партийных организаций в деревне должно иметь усиление политического воспитания и деловой подготовки деревенского комсомольского актива с действительными мерами по вовлечению в партию всей политически подготовленной его части.

3. На-ряду с этим признать необходимым проведение частичной проверки тех волостных (а также уездных), партийных организаций, где в составе организаций сказывается наличие разложившихся и оторвавшихся от партии элементов, дискредитирующих партию в глазах крестьянства. Эта проверка деревенских парторганизаций должна происходить с привлечением к ней беспартийных крестьян и с посылкой на место действительно ответ-

ственных партийных работников. Считать необходимым, чтобы ЦК дал дополнительные указания о проведении проверки деревенских ячеек.

4. В целях поднятия партийно-воспитательной работы в деревенских организациях, признать необходимым командировать в деревню не менее трех тысяч пропагандистов, приняв необходимые меры для подготовки их до 1 сентября (используя для этого, между прочим, более подготовленных слушателей совпартшкол и комвузов).

5. Для усиления инструкторского состава уездных партийных комитетов к тому же сроку (1-му сентября) командировать из более крупных партийных организаций не менее тысячи партийных работников. Отметить правильность решения последней Московской партийной конференции, высказавшейся за усиление провинции ответственными работниками, прошедшими школу Московской столичной организации.

6. Провести реорганизацию совпартшкол и школы деревенских пропагандистов и избачей, приняв подготовительные меры до предстоящего учебного года.

7. Состав посылаемых в деревню работников должен тщательно проверяться. Решительно сократить количество временных командировок.

Придавая большое значение посылке в деревню работников, добровольно выражающих такое желание, поставить в печати и на партийных собраниях соответствующую агитацию за поездку добровольцев в деревню. Обратить особое внимание шефских обществ на подготовку работников для деревни (в частности, работников-добровольцев).

8. Одобрить инициативу крупных пролетарских организаций (Ленинград, Москва, Тула) в деле развертывания работы рабочих шефских обществ на основе соответствующего постановления ЦК. Вместе с тем, в виду отмечавшихся неоднократно случаев совершенно неправильных и прямо недопустимых форм шефской работы (легкомысленная политическая и антирелигиозная пропаганда, соединение шефских командировок с развлечениями и т. п.), обязать местные партийные комитеты решительно бороться с этими явлениями, лишая подобные шефские организации права самостоятельной шефской работы в деревне.

9. Признать необходимым, чтобы ПУР провел специальную работу среди кончающих в этом году срок службы красноармейцев и возвращающихся в деревню, имея при этом в виду дать некоторую подготовку в связи с поставленными партией задачами работы в деревне.

10. В работе отделов работниц и крестьянок в деревне признать необходимым сосредоточить большее внимание на увязке политической работы этих организаций с практическими запросами крестьянок в деле непосредственного улучшения экономического положения тружениц деревни и втягивания крестьянок в советы, кооперацию, кресткомы и т. д.

11. Во изменение устава партии признать в настоящих условиях целесообразным выборы волостных партийных комитетов не раз в три месяца, а раз в шесть месяцев. Внести это постановление на утверждение очередного партийного съезда.

Из резолюции XIV конференции о кооперации.

Переживаемый период хозяйственного строительства Союза Советских Социалистических Республик характеризуется быстрым ростом производительных сил страны. В области хозяйственного строительства советского государства одержаны решительные успехи. Подъем сельского хозяйства и рост его товарности, быстрое развертывание крупной промышленности и улучшение работы транспорта, рост производительности труда, расширение торговых оборотов и решительный сдвиг в сторону выравнивания цен на продукты сельского хозяйства и промышленности, прекращение эмиссии и наряду с этим рост госбюджета, — таковы основные факты восстановительного процесса хозяйства СССР.

Переход к твердой валюте и успешное закрепление твердого денежного обращения открывают новую страницу в области хозяйственного строительства СССР, создавая прочную базу для дальнейшего экономического прогресса.

Основная задача партии и Советской власти состоит в дальнейшем содействии развитию производительных сил. Этот рост производительных сил будет происходить в обстановке, когда в ряде отраслей промышленности уже исчерпаны или исчерпыва-

ются возможности дальнейшего развития за счет старого основного капитала. В свою очередь рост сельского хозяйства диктует необходимость скорейшей замены трехполья многопольем и перехода к более совершенным методам сельско-хозяйственного производства. Перед партией и государством стоит задача сохранения достигнутого темпа восстановления хозяйства, что должно быть обеспечено соответствующей политикой в области производства и воспроизводства основного капитала страны, как в промышленности и транспорте, так и в сельском хозяйстве.

Рост производительных сил в условиях дальнейшего развития товаро-денежных отношений влечет за собой, однако, и новые трудности. На-ряду с укреплением социалистических элементов хозяйства СССР происходят и будет происходить в то же время развитие частного капитала и связанное с этим частичное обострение конкуренции между социалистическими и капиталистическими элементами хозяйства, как в городе, так и в особенности в деревне.

Начавшееся с переходом к новой экономической политике расслоение деревни найдет свое выражение в ближайшем будущем в дальнейшем увеличении и усилении на известное время новой крестьянской буржазии, вырастающей из зажиточных слоев крестьянства — с одной стороны, и пролетаризации его бедняцких элементов — с другой.

Поэтому мероприятия экономической политики государства, как в области регулирования всего народного хозяйства, так в особенности в области сельского хозяйства, не могут не считаться с этим

фактом. Общая политика партии и Советской власти должна быть направлена в сторону укрепления социалистических начал нашего народного хозяйства и обеспечения в руках государства действительного контроля над всеми происходящими в деревне хозяйственными процессами. В целях этого необходимо, в частности, использовать для кредитования и помощи основной массе крестьянства добавочные материальные рессурсы, получаемые от ускорения всего темпа накопления и роста вследствие этого национального дохода и бюджетных средств.

Несмотря на быстрое развитие производительных сил города, а также и деревни, оно оказалось, однако, недостаточным для использования всего избыточного населения деревни. Поэтому необходимо найти производительное применение для значительных масс рабочих рук, имеющихся в деревне. Это может быть достигнуто интенсификацией сельского хозяйства, дальнейшим ростом промышленности, развитием кустарных и отхожих промыслов, облегчением условий применения наемного труда в сельском хозяйстве и краткосрочной арендной земли, а также организацией переселения и широкой производительной помощью маломощным крестьянским хозяйствам.

Мероприятия в отношении кооперации должны развиваться в полном соответствии со всей экономической политикой Союза.

В условиях свободы товарооборота и господства мелкого товарного производства в деревне кооперация является основной общественно-экономической

формой связи между государственным хозяйством и мелким товаропроизводителем деревни. Только она может обеспечить государству наибольшую возможность контроля и регулирования как мелкого сельско-хозяйственного производства, так и товарного оборота в стране.

В силу этого кооперативное строительство получает в настоящее время исключительно важное значение.

В целях наибольшего охвата со стороны кооперации всех процессов хозяйственной жизни деревни необходимо предоставить всем слоям населения, занимающимся сельским хозяйством, право участия в кооперации.

Для обеспечения же руководящего влияния в кооперации за большинством крестьянства кооперативные организации всех видов должны внести в свои уставы ограничения, гарантирующие недопущение в правления обществ явно кулацких элементов.

Работа партии и всякого рода организаций бедноты и середняков (комитеты взаимопомощи и т. п.) должна вестись в таком направлении, чтобы обеспечить интересы малоимущих и середняцких слоев населения.

Кооперативная и государственная торговля не может полностью обслужить возрастающего товарооборота в стране, в силу чего в области торговли остается значительное место для участия частного капитала. Считаясь с такою ролью частного торгового капитала, партия должна в то же время всемерно бороться со всякой попыткой истолковать со-

временную торговую политику в смысле изменения отношения партии и Советской власти к кооперации. Такая роль частного капитала в области торговли не уменьшает, а увеличивает во много раз задачи, стоящие перед кооперацией, в частности перед потребительской кооперацией и, естественно, диктует необходимость еще более внимательного отношения к нуждам кооперации и еще более решительной поддержки ее со стороны партии и государства.

Должны быть приняты меры к удешевлению кредитов кооперации, в особенности сельско-хозяйственной, что является одним из особых условий успешного развертывания ее работы.

Для содействия осуществлению стоящей перед кооперацией задачи — упорядочения ее финансового хозяйства и накопления кооперативных средств существенное значение имеют кооперативные банки, укреплению и развитию которых партия должна, поэтому, уделить достаточное внимание.

Кооперация в свою очередь должна принять все меры к тому, чтобы скорее изжить свои внутренние болезни, выражавшиеся до сих пор, главным образом, в неумении соразмерять задачи со средствами, в неустойчивости ее организационных форм, в отсутствии гибкости аппаратов, дороговизне и т. д.

Качество работы кооперации в настоящий момент имеет решающее значение. От разрешения этой задачи зависит и дальнейший рост кооперации.

Наиболее опасной болезнью в настоящий момент является смешение функций разного вида кооперации (сельскохоз.-кредитной, потребительской и про-

мысловой). В дальнейшем должно быть обеспечено строгое разграничение их функций между собой, особенно потребительской и сельско-хозяйственной кооперации, при чем сельско-хоз. кооперация ни в коем случае не должна заниматься снабжением населения предметами личного потребления.

Такое разграничение функций является основной предпосылкой для создания крепкой единой первичной сети сельско-хоз. и кредитной кооперации. Эта единая сеть, оставаясь в общей системе сел.-хоз. кооперации, должна объединить как кредитные и производственные функции, так и посреднические операции по сбыту и снабжению. Средства, предназначенные непосредственно для кредита, ни в коем случае не должны быть использованы для каких-нибудь других операций, а также не могут быть использованы ни в первичных кооперативах, ни в союзных объединениях для ответственности кредитных капиталов по другим видам кооперативной деятельности.

В связи с этим должны быть разработаны новые уставы сельско-хозяйственной кредитной кооперации.

Улучшая работу кооперативных органов и предоставляя всевозможные льготы кооперации и кооперированному населению, партия и государство должны обеспечить привлечение все больших и больших масс населения в состав кооперации. Эти льготы кооперированному населению отнюдь не должны итти за счет тех государственных средств, которые предназначаются для помощи всему крестьянскому населению. В тех же случаях, когда общие государственные мероприятия по соглашению с ко-

операцией проводятся через кооперативные органы, должны быть созданы условия, гарантирующие обслуживание со стороны кооперации нужд и некооперативной части населения.

Основной предпосылкой для развития кооперации и привлечения к активному участию в ней широких масс населения должна явиться такая ее организация, которая полностью обеспечила бы свободу выборов, ответственность и подотчетность избранных органов перед избирателями. Партийные и советские органы на местах не должны допускать административного вмешательства в кооперативную работу и заботиться о точном соблюдении кооперативных уставов.

Партийные организации не должны ни в коем случае забывать и о том, что кооперативное движение в деревне должно сыграть по отношению к сельскому населению ту же воспитательную роль, которую играет профсоюз по отношению к беспартийным рабочим массам.

Со стороны местных, партийных, советских и профессиональных органов на кооперацию не должны ни в коем случае возлагаться задания, обязанности и расходы, не связанные непосредственно с кооперативной деятельностью и нарушающие уставы кооперации.

Сельско-хозяйствен.-кредитная кооперация должна особенное внимание уделить организации с.-х. кредита, сбыта, снабжения и переработки с.-х. продуктов, так как именно этим путем она может подойти к действительному непосредственному кооперированию широких слоев крестьянства. На-ряду

с этим сел.-хоз. кредитная кооперация должна прийти на помощь массе полуразоренных, безлошадных крестьян и помочь им встать на ноги, в частности путем организации артелей, сел.-хоз. товариществ, колхозов, коммун и т. п. форм коллективной организации сел.-хоз. труда и производства.

Широкое привлечение крестьянских сбережений сел.-хоз. кредитной кооперацией является основным условием для обслуживания крестьянского хозяйства денежно-производственным кредитом и использования накапливающихся в крестьянском хозяйстве средств в соответствии с общей экономической политикой.

Развитие производительных сил деревни теснейшим образом связано с развитием кустарных и отхожих промыслов, составляющих в некоторых районах значительный источник дохода крестьянского населения. Отсюда вытекает то огромное значение, которое имеет кустарно-промысловая кооперация.

Задачи, стоящие перед кооперацией, могут быть ею успешно разрешены только в том случаеа, если партия будет в большей степени, чем до сих пор, выделять необходимые для кооперативного строительства силы.

Партийные организации должны избегать частых перебросок работников, как внутри самой кооперации, так и из области кооперативного строительства на другие виды работы.

Партийные организации должны проявлять особую внимательность при выдвижении членов партии на кооперативную работу и должны со всей решительностью бороться с попытками, откуда бы они ни

исходили, использования кооперации для временных командировок туда товарищей, не занимающихся органической работой в самой кооперации.

Для упорядочения кооперативной работы и для укрепления доверия к кооперации со стороны широких масс населения приобретает в настоящее время особое значение борьба с злоупотреблениями, хищениями и бесхозяйственностью в органах кооперации.

Партия и кооперативные органы должны стремиться к созданию постоянных кадров советских кооператоров, как партийных, так и беспартийных, понимающих общие задачи Советской власти и кооперативной работы. В этом деле образования новых кадров кооперативных работников значительную роль должно сыграть вовлечение женщин в кооперативную работу.

О сельско-хозяйственной и кредитной кооперации.

Среди мероприятий, направленных к развитию и рационализации крестьянского хозяйства и к усилению участия крестьянства в хозяйственном строительстве, главное место должно принадлежать организационно-хозяйственному укреплению и развитию сельско-хозяйственной и кредитной кооперации.

1. Первоочередными задачами сел.-хоз. и кредитной кооперации являются:

а) организация кооперативного кредита;

б) организация, на основе развивающейся товарности деревни, переработки и сбыта продуктов сельского хозяйства;

в) развитие всех возможных форм коллективного земледелия: всякого вида колхозы, коммуны и т. п.;

г) снабжение широких крестьянских масс средствами производства;

Через организацаию сельско-хозяйственного кредита, снабжения, переработки и сбыта могут быть созданы условия для массового воздействия со стороны советского государства на производственные процессы отдельных распыленных крестьянских хозяйств.

Сельско-хозяйственная кооперация должна развиваться, с одной стороны, в направлении специальных сельско-хозяйственных товариществ, с другой стороны, — в направлении сельско-хозяйственных кредитных товариществ.

Сельско-хозяйственные кредитные товарищества в своей кредитной деятельности составляют первичную сеть общей системы организации сельско-хозяйственного кредита (с Центр. Сельско-Хоз. Банком во главе), — по своей же сбытовой, снабженческой и производственной работе, а также кооперативному инструктированию они входят в состав системы сел.-хоз. кооперации.

Принятые ранее директивы партии относительно всемерной поддержки низовой кооперации и ее укрепления остаются в полной силе. Однако, нужно бороться с вредными уклонами, которые могут выражаться в игнорировании союзных объединений.

Необходимо временно содействовать вовлечению наиболее активного передового крестьянства в вы-

борные органы сельско-хозяйственной и кредитной кооперации, особенно низовой ее сети. Местные органы не должны допускать административного вмешательства в деятельность кооперативов, в частности, в отношении перестроек, районирования, слияния, выделения, разделения или не предусмотренного законом о кооперации ограничения ее функций.

2. Практика создания специальных производственно-сбытовых сельско-хозяйственных кооперативных объединений оправдала себя, ее следует продолжать и углубить. Однако, специализацию низовой кооперации и местной союзной сети надлежит проводить с большею осторожностью, учитывая мощность сети и экономические особенности района, чтобы не ослабить всей системы в целом.

3. Основным типом первичного кредитного объединения крестьянских хозяйств должно явиться сельско-хозяйственное кредитное товарищество с посредническими функциями. Основная деятельность этих товариществ должна быть направлена на привлечение сбережений крестьянства в виде вкладов и на кредитные операции.

Торгово-посреднические операции могут товариществом вестись только по поручению своих членов. За свой счет могут вестись торговые и производственные операции лишь при наличии специальных капиталов. Только такое товарищество может вести вкладные операции без риска для вкладчика. Сельско-хозяйственные кредитные товарищества торговли потребительскими товарами вести ни в коем случае не должны.

4. Коллективизации сельского хозяйства необходимо уделить больше внимания, чем это делалось до сих пор. Организация колхозов всякого рода (товариществ, артелей и коммун) должна обеспечить развитие их товарности и строиться на началах хозяйственного расчета. Необходимо обратить внимание на усиление кредитования коллективов, хозяйств и на обслуживание сбыта их сельско-хозяйственной продукции. Землеустроительные органы должны своей работой обеспечить в первую очередь нужды той части крестьянства, которая переходит к коллективным формам хозяйствования.

Особое значение имеет повышение техники коллективных хозяйств, для чего должно быть улучшено снабжение их живым и мертвым инвентарем.

5. Внутри самой системы сельско-хозяйственной и кредитной кооперации необходимо провести ряд мероприятий по ее оздоровлению:

а) осуществить полное разграничение функций между потребительской и сел.-хоз. кооперацией;

б) сосредоточить для начала хозяйственную деятельность на немногих отраслях и вести ее на безусловном хозяйственном расчете и в соответствии с реальными средствами;

в) обеспечить действительную доходность всей работы в целом;

г) проводить дальнейшее сокращение накладных расходов, в частности, в низовой сети кооперации, ограничиваясь везде, где это возможно, одним платным членом правления;

д) ввести начала самой строгой кредитной дисциплины;

е) самым категорическим образом проводить в жизнь принцип ответственности каждой кооперативной организации за все принятые ею на себя обязательства, независимо от смены органов управления;

ж) усилить организационно-инструкторскую и ревизионную работу союзных объединений сельскохозяйственной кооперации.

6. Необходимо поставить во всей полноте задачу привлечения средств самого населения в паевые и иные капиталы сельско-хозяйственной и кредитной кооперации. В практике кооперативной деятельности должна быть строго обеспечена гарантированная законом тайна вкладов. Обеспечить рост кооперативных капиталов за счет прибылей. Низовая кооперация должна поставить своей задачей, чтобы крестьянство кредитовало свой кооператив, сдавая ему в кредит для реализации продукты своего хозяйства и внося задатки по заказам на предметы снабжения. Должен быть издан специальный закон в целях полной гарантии того, чтобы средства, предназначенные для кредитной помощи населению, образуемые как из средств сел.-хоз. кредита, так и за счет паевых взносов и вкладов населения, за исключением тех случаев, когда из этих средств будет образован специальный пай для участия в союзе с.-х. кооперации, были полностью и целиком освобождены от ответственности по каким-либо обязательствам союзов с.-х. кооперации и других организаций, а также и по посредническим операциям кредитных товариществ.

7. Для скорейшей организации собственных

средств с.-х. и кредитной кооперации при существующих условиях необходима правильно построенная финансовая помощь со стороны государства, осуществленная в соответствии с привлечением средств самого населения. Усиление капитала с.-х. кредитной кооперации должно производиться в форме отпуска долгосрочных ссуд в основные капиталы, как из центральных, так и из местных средств, на основе договоров, определяющих условия погашения этих ссуд. Кредитование с.-х. кооперации со стороны банков и государственной промышленности должно быть основано на началах наибольшего благоприятствования с.-х. кооперации и полного использования ее организационных и хозяйственных возможностей.

8. В ряде мероприятий государства по развитию и укреплению с.-х. кредита особо важную роль играют Центральный и местные с.-х. банки и общества с.-х. кредита. Необходимо, чтобы Центральный с.-х. банк и местные с.-х. банки и общества сельскохозяйственного кредита проводили свою работу в полной согласованности с земорганами и системой сельско-хоз. и кредитной кооперации, укрепляя как низовую, так и союзную кооперативную сеть.

9. Кредитная деятельность Центрального сельско-хозяйственного банка, местных с.-х. банков и обществ сельско-хозяйственного кредита должна опираться непосредственно на низовую сеть сельскохозяйственных кредитных товариществ. Кредитование низовых кооперативов должно производиться на обычных банковских началах, руководствуясь при этом как целесообразностью направления кредита,

так и удешевлением его. Общества с.-х. кредита должны создаваться не ниже областного, губернского (крупных округов) масштаба, в своей деятельности они могут также опираться как на свои отделения или агентства, так и на районные союзы с.-х. кооперации.

10. Органы государственной промышленности и государственной торговли должны полностью на договорных началах использовать систему с.-х. кооперации в деле заготовки сырья и реализации промышленных товаров, необходимых для с.-х. производства. Государственные органы регулирования торговлей и промышленностью должны избегать таких директив по отношению к кооперации, которые влекут за собой убыточные для нее сделки.

11. Сельско-хозяйственная кооперация должна использовать предоставленное ей, в соответствии с законом о монополии внешней торговли, право самостоятельного выхода на внешний рынок с тем, чтобы в наибольшей степени заинтересовать низовую кооперацию и кооперированную массу крестьянства в развитии внешней торговли.

Постановление III съезда советов СССР.

О мероприятиях по поднятию и укреплению крестьянского хозяйства.

I. Заслушав доклад тов. Л. Б. Каменева «О мероприятиях по поднятию и укреплению крестьянского хозяйства», III Съезд Советов Союза ССР находит, что:

Интересы всего народного хозяйства Союза ССР требуют, на-ряду с дальнейшим развитием промышленности, принятия всех необходимых мер для быстрейшего укрепления и подъема всей массы крестьянских хозяйств с целью поднятия их доходности. Крестьянство должно получить возможность вкладывать в свое хозяйство большие дополнительные средства, повышать его технический уровень и увеличивать ту массу продуктов, которая идет на рынок. С этой целью Съезд считает необходимым отменить ряд ограничений, задерживающих развитие сельского хозяйства, с одной стороны, и дополнить действующее законодательство рядом мероприятий, облегчающих крестьянству поднятие и укрепление его хозяйства, — с другой. Считая нецелесообразным применение каких-либо административных мер против вырастающей на почве свободной торговли буржуазной (кулацкой) верхушки деревни, признавая необходимой поддержку трудового крестьянского хозяйства, поскольку оно является проводником улучшенных способов ведения хозяйства, Съезд в то же время заявляет, что политика Советской власти должна быть направлена на дей-

ствительную помощь бедняцким и середняцким элементам крестьянства в деле поднятия их хозяйства, их материального благосостояния и их политического и культурного роста. Объединение этих слоев крестьянства путем кооперации — в первую очередь сельскохозяйственной и кредитной кооперации — является единственно правильным путем поднятия их хозяйственной силы, борьбы против эксплуатации со стороны богатеев-ростовщиков и посредников и приобщения крестьянства к делу строительства социалистического хозяйства. Первой и основной задачей Советской власти на ближайший период является помочь объединяющемуся в кооперацию мелкому крестьянству пополнить свой живой и мертвый инвентарь до тех пределов, которых требует трудовое землепользование.

II. Ставя перед собою вышеуказанные задачи и стремясь обеспечить всему крестьянству большую свободу в деле приложения своего труда и использования его продуктов, Съезд постановляет:

1. Одобрить принятое Центральным Исполнительным Комитетом и Советом Народных Комиссаров Союза ССР новое Положение о едином сельскохозяйственном налоге, снижающее на 100 миллионов рублей платежи крестьян, устанавливающее более правильный пересчет скота в пашню и дающее крестьянству заранее твердую ставку налога.

Вместе с тем, Съезд считает необходимым дальнейшее улучшение единого сельскохозяйственного налога в сторону облегчения его тяжести для крестьянского хозяйства и более справедливого его распределения между отдельными районами и отдель-

ными хозяйствами применительно к их хозяйственной силе.

2. Одобрить передачу 100 миллионов рублей из единого сельскохозяйственного налога в распоряжение волостей (районов), которые должны израсходовать эти средства на потребности, непосредственно связанные с местными крестьянскими нуждами (школы, больницы, местные дороги и т. п.).

3. Решительно запретить всякое незаконное дополнительное местное обложение крестьянства.

4. В виду того, что переход к правильному ведению хозяйства на земле в первую очередь связан с проведением землеустройства, признать необходимым: 1) закончить проведение землеустроительной работы в основных районах в десятилетний срок; 2) принять на счет государства оплату землеустроительных работ для бедняцкой части крестьянства, ассигновав уже в текущем году на эту цель 3 миллиона рублей; 3) одобряя отпуск 6 миллионов рублей для кредита крестьянству на землеустроительные работы, увеличить и удешевить в дальнейшем для этой цели кредит и удлинить срок кредитования.

5. Признать необходимым в малоземельных губерниях передать крестьянству часть земель государственного фонда (в том числе арендуемых государственными органами), если эти земли используются не по прямому назначению или нецелесообразно; кроме того, признавая необходимым сохранение и оказание всяческой поддержки советским хозяйствам (совхозам), в целях превращения их в агрикультурные показательные хозяйства, принять меры к пересмотру списка советских хозяйств (сов-

хозов) в малоземельных районах для сокращения их количества и передачи освободившейся таким образом земли в пользование крестьян.

6. Признать необходимым закончить к 1 августа текущего года передачу крестьянам лесов местного значения, обязав местные исполнительные комитеты, с возможной финансовой поддержкой из средств центра, обеспечить материальными средствами проведение в жизнь этого решения; в тех районах, где отвод лесов местного значения не удовлетворил потребности крестьянства в древесине, принять меры к дополнительному отводу лесных площадей всюду, где это окажется возможным, в районах же безлесных организовать государственные склады в целях онабжения крестьянства лесным материалом по доступной цене.

7. Строго соблюдать право свободного выбора форм землепользования, согласно земельного кодекса, не ставя административных преград для выделения на отруба и хутора, принимая одновременно меры, направленные к росту таких форм землепользования, которые более благоприятны для развития механизации сельского хозяйства и кооперирования его (поселки, выселки и проч.).

8. В целях увеличения средств, вкладываемых в обработку и удобрение земли, и повышения ее доходности решительно бороться с попытками частых переделов, противоречащих земельному кодексу.

9. В целях наилучшего использования земельной площади и помощи бедноте, не имеющей возможности за недостатком средств и инвентаря обработать свою землю, устранить препятствия к более

широкому использованию права крестьян сдавать землю в аренду до 2 севооборотов при многополье и на срок не свыше 12 лет при трех- и четырехполье.

Устранить также препятствия к сдаче в аренду отдельным землепользователям неиспользованного земельного фонда крестьянских обществ, с направлением дохода от этой аренды соответственно на нужды сельского или волостного бюджета.

Разрешить сдачу в аренду отдельным землепользователям участков государственных фондовых земель на срок свыше 12 лет в соответствии с условиями договора.

Категорически запретить и повести решительную борьбу со всякими видами субаренды, т.-е. передачи прав аренды третьему лицу, как с преступной спекуляцией национализированной землей.

10. Одобрить «Временные правила» от 18 апреля 1925 года об условиях найма и применения подсобного наемного труда в крестьянских хозяйствах, облегчающие применение рабочей силы в сельском хозяйстве в соответствии с современными хозяйственными условиями деревни; распространить этот закон и на применение наемной силы на арендованной земле.

11. В виду того, что основным противоречием, задерживающим дальнейший рост сельского хозяйства, является несоответствие между количеством земли, переданной крестьянству революцией, и наличным количеством и качеством живого и мертвого инвентаря, потребного для ее обработки, принять решительные меры к устранению этого гибельного для сельского хозяйства несоответствия, для чего

необходимы: 1) восстановление силами государства и кооперированного населения в пятилетний срок конского состава и развитие коневодства; 2) обновление и пополнение мертвого инвентаря путем расширения и улучшения соответствующего производства на государственных заводах, а также кустарной его выделки и снабжения им крестьянства по доступным ценам; 3) усиленное введение в крестьянское хозяйство сложных машин, в частности тракторов. В тех же целях полного удовлетворения крестьянского спроса на сельскохозяйственные машины и орудия, признать необходимым, на-ряду с максимальным расширением сельскохозяйственного машиностроения в Союзе ССР, соответствующий ввоз недостающих сельскохозяйственных орудий и машин из-за границы.

12. Принять меры к усиленному производству и размножению улучшенных семян в целях общего повышения урожайности и борьбы с засоренностью крестьянских полей. Не ограничиваясь ассигнованными уже на данную цель средствами (2.170.000 р.), признать необходимою дальнейшую усиленную работу в этой области как со стороны государства, так и со стороны кооперации.

13. Продолжать политику снижения цен на производимые государственной промышленностью товары, потребляемые крестьянством, и обеспечить на деле крестьянству возможность продажи продуктов своего хозяйства по таким ценам, которые, покрывая его расходы, давали бы ему возможность развития и укрепления хозяйства. Неизбежное и необходимое регулирование цен со стороны государства ни в коем

случае не должно приводить к установлению разорительных обязательных цен для продавцов-крестьян; тем более недопустимо применение принудительных мер при торговых сделках государственных органов с крестьянами-продавцами.

14. В виду того, что повышение доходности крестьянского хозяйства связано с возможностью продажи продукции сельского хозяйства на внешнем рынке, поставить задачей соответственных государственных органов обеспечить продуктам крестьянского хозяйства сбыт на заграничных рынках. Монополия внешней торговли, установленная Советской властью, дает при этом возможность обеспечить продуктам сельского хозяйства Союза ССР наиболее выгодные условия. Сама же организация продажи сельскохозяйственной продукции на заграничных рынках, при помощи монополии внешней торговли, должна быть построена таким образом, чтобы предоставить крестьянству все большую долю из выручки при продаже этой продукции, заинтересовать крестьянство в увеличении вывоза и содействовать развитию соответствующих отраслей сельского хозяйства (зерна, льна, масла, свинины, птицы, табака, и т. д.), в частности, путем привлечения к делу экспорта и импорта сельскохозяйственной кооперации.

15. В виду того, что доходность крестьянского хозяйства значительно повышается, если в продажу поступают уже переработанные продукты сельского производства, признать необходимым всемерное содействие государства в деле восстановления и организации заводов, перерабатывающих крестьянское

сырье (маслодельных, картофельных, по обработке льна, бэконных и т. д.), хранения и транспортировки продуктов сельского хозяйства (холодильников, элеваторов), имея в виду также, что вывоз за границу крестьянских продуктов в подобном уже переработанном виде предоставит крестьянству гораздо большую выгоду, чем вывоз сырья.

16. Признать особо настоятельным проведение планомерных мероприятий по восстановлению и развитию сельского хозяйства в засушливых районах.

На указанные мероприятия должны быть отпущены средства в таком размере, которые дали бы возможность закончить необходимые работы в 5—6-летний срок, и по такому плану, который действительно гарантировал бы крестьянство соответствующих районов от повторения бедствий неурожая, и исходил бы из предварительного плана, исчисленного в 77 миллионов рублей.

17. Облегчить условия применения рабочих сил крестьянства в области кустарных промыслов и ремесла. В этих целях одобрить закон от 10 апреля 1925 года о льготах для кустарей и ремесленников, облегчающий их налоговое обложение и допускающий в большей мере, чем до сих пор, применение рабочей силы в кустарной промышленности. Признать необходимою сверх того дальнейшую разработку мер по облегчению кустарной и ремесленной промышленности путем организации для кустарей льготного кредита, а также снабжения их необходимыми материалами. Разработать меры, поощряющие ученичество, в том направлении, чтобы крестьянская молодежь в большей мере, чем до сих пор,

могла в нем находить приложение своих сил, а также путем развития мастерских, школ и проч. содействовать технической подготовке крестьянской молодежи.

18. Устранить административные препятствия к мелкой крестьянской торговле на базарах, рынках, пристанях, станциях железных дорог и т. п.

19. В целях предоставления возможности крестьянству малоземельных районов переселяться на свободные земли, усилить работу по подготовке этих земель, а также по снабжению переселенцев необходимым инвентарем, увеличив отпуск государственных средств на эти цели.

20. Признавая, что добровольные кооперативные объединения крестьян-производителей являются наиболее мощным и самым правильным способом поднятия крестьянского хозяйства, признавая также, что только путем подобного кооперативного объединения мелкое крестьянское хозяйство может избежать закабаления его капиталом и принять активное участие в социалистическом строительстве, Съезд обращает внимание всех органов Советской власти сверху до низу на необходимость всемерной поддержки делу кооперативного объединения крестьянского хозяйства. Съезд требует строжайшего соблюдения тех законов, которые гарантируют кооперации действительно добровольный ее характер, действительную выборность ее органов, неприкосновенность ее капиталов и самодеятельность ее членов. Сельскохозяйственная кооперация должна сосредоточить все свое внимание на своей основной задаче: действительном объединении многомиллион-

ных масс крестьян, в особенности середняков и бедняков, в целях укрепления их хозяйства; поднятии его технического уровня; постепенном переходе их от раздробленного отсталого производства, из которого растет капитализм, к крупному коллективному хозяйству, которое при Советской власти неизбежно станет основой социализма.

Ставя своей задачей всестороннее объединение крестьянского хозяйства (в области сбыта, переработки, снабжения и кредита) и, в частности, оказывая поддержку коллективизации сельского хозяйства в форме коллективных хозяйств, сельскохозяйственная и кредитная кооперация, в соответствии с современным положением хозяйства широких масс крестьянства, должна обратить особое внимание на наиболее доступные, понятные и прямо улучшающие положение бедняков и середняков простейшие формы крестьянских объединений (машинные товарищества, семеноводческие, зерноочистительные, бычьи, мелиоративные и т. п.).

В целях выполнения кооперацией своей основной задачи, кооперативным объединениям середняцких и бедняцких слоев крестьянства и в дальнейшем должна быть обеспечена материальная помощь и поддержка со стороны советского государства. Возлагаемые на кооперацию государственные задания должны быть проводимы не в порядке административном, а в порядке согласования с оказываемой государством финансово-экономической поддержкой. Вместе с тем Съезд требует от всех видов кооперативных объединений и от их руководителей действительно хозяйственной постановки работы,

строжайшей и правильной отчетности, беспощадной борьбы со злоупотреблениями и т. д.

21. В виду того, что дальнейший подъем всей массы крестьянских хозяйств возможен только на основе широкого, дешевого и соответствующего условиям сельского хозяйства кредита, признать основной задачей в деле организации кредита для крестьян в данный момент удлинение срока кредитования и удешевление кредита. В этих целях необходимо, с одной стороны, увеличение средств Центрального и республиканского сельскохозяйственных банков, для чего они должны быть увеличены из государственных средств в настоящем бюджетном году не менее, чем на 100 миллионов рублей, а с другой — всемерное привлечение сбережений населения в низовые сельскохозяйственные кредитные кооперативы и в сельскохозяйственные банки, при чем вкладчикам должна быть гарантирована наибольшая выгодность подобного способа помещения своих сбережений. При этом средства, находящиеся в распоряжении сельскохозяйственных кредитных учреждений, не могут быть направляемы на иные цели, кроме кредитования крестьянского хозяйства. Направление кредитных средств должно быть тесно увязано с производственными планами земельных органов и рассчитано на преимущественное удовлетворение хозяйственных нужд середняцких и бедняцких слоев деревни и их объединений.

22. Признать, что при распыленности крестьянского хозяйства наиболее целесообразным способом его поднятия и внедрения лучших методов ведения хозяйства являются массовые мероприятия, рассчи-

танные на воздействие на всю массу крестьянского хозяйства и осуществляемых через кооперирование крестьянства, положенные в основу работы Народного Комиссариата земледелия РСФСР, и признать желательным их применение на всей территории Союза ССР, оказывая этим мероприятиям соответствующую финансовую и организационную поддержку.

23. В виду особо низкого уровня состояния сельского хозяйства в некоторых районах Союза ССР, обратить особое внимание на развитие производительных сил, поднятие сельского хозяйства и оказание специальной материальной помощи для поднятия культурного уровня населения этих районов, оказывая особое содействие развитию тех отраслей сельскохозяйственного производства, которые наиболее соответствуют климатическим, экономическим и бытовым условиям этих районов, и усилению путей сообщения, связывающих эти районы с промышленными центрами, а также оказывая специальную материальную помощь на культурные нужды населения этих районов.

24. Возложить наблюдение за проведением указанных выше мер и разработку соответствующих законов и мероприятий на народные комиссариаты земледелия союзных и автономных республик. С целью усиления земельных органов, а также установления более близкой связи их с самим крестьянством:

1) Увеличить долю бюджетных ассигнований по сметам народных комиссариатов земледелия и земельных органов в государственных и местных бюджетах.

2) Усилить кадр ответственных земельных работников и обратить внимание соответствующих исполнительных комитетов на недопустимость частых смен руководителей земорганов.

3) Разработать мероприятия по усилению выпуска из соответствующих учебных заведений основной категории специалистов по сельскому хозяйству, особенно агрономов, землеустроителей, ветеринарных врачей и лесоводов, обратив внимание на ознакомление их с подлинными условиями крестьянской жизни.

4) Обратить усиленное внимание на привлечение в состав земельных органов крестьян, непосредственно связанных с землей.

5) Признать первоочередной задачей доведение количества агрономических, ветеринарных и землеустроительных участков до количества укрупненных волостей.

6) В целях осуществления связи земельных органов с крестьянством признать необходимыми: усиление участия земельных работников в крестьянских конференциях, регулярные доклады их волостным (районным) исполнительным комитетам и сельским советам, установление тесной взаимной связи участковой агрономической организации с сельскохозяйственной кооперацией и т. д.

25. Все эти мероприятия, рассчитанные на поднятие и укрепление крестьянского хозяйства, увеличение его доходности и улучшение материального положения широких масс крестьянства, должны сопровождаться установлением строгой законности и усиленной работой по поднятию общего культур-

ного уровня населения. Ликвидация безграмотности, повышение самодеятельности, усиление инициативы, усиление общественных навыков в работе, осуществляемое в первую голову через советские и кооперативные организации, являются необходимым условием скорейшего успеха общей работы по поднятию и укреплению крестьянского хозяйства.

Председатель III Съезда Советов
Союза ССР *М. КАЛИНИН*.

Секретарь III Съезда Советов
Союза ССР *А. ЕНУКИДЗЕ*.

20 мая 1925 г., Москва.

Постановление пленума ЦК РКП(б).

от 10-го октября 1925 г.

1. Решения XIV партконференции имеют своей непосредственной задачей проведение под руководством пролетариата политики высвобождения среднего крестьянства из-под влияния кулачества и укрепления союза пролетариата и беднейших слоев крестьян со средним крестьянством путем, прежде всего, оживления советов и массового кооперирования крестьянства на основе ликвидации пережитков военного коммунизма и развязывания товарооборота.

Успех этой политики обусловливается более или менее полным овладеванием командными экономическими высотами, укреплением и ростом национализированной крупной промышленности, транспорта, государственных финансов и кредитной системы. Лишь постольку делается возможным постепенное вовлечение хозяйств основной массы крестьянства на путь социалистического развития, через кооперацию, в первую голову.

2. Точно также, как развитие нашей экономики, вообще, в условиях нэпа, проходит в противоречивых

формах и в борьбе различных хозяйственных систем (частный капитал и государственное хозяйство, индивидуальные и коллективные формы хозяйства), так и в области сельскохозяйственного производства, в частности, совершенно неизбежен одновременный рост и капиталистических элементов (кулацкие земледельческие хозяйства, торговцы и т. д., неизбежно выделяющиеся из более зажиточных слоев крестьянства) и элементов, развивающихся в сторону социализма (коллективные хозяйства, кооперация и т. д.). Такие противоречивые тенденции неизбежно должны наблюдаться даже внутри самой кооперации, и вопрос окончательно решит лишь борьба этих тенденций.

3. В этой борьбе победу социалистических элементов в возрастающей степени будут обеспечивать растущая мощь стоящего у власти пролетариата, рост государственной промышленности и развитие государственной и кооперативной кредитной системы. Вместе с общим процессом развития производительных сил страны развитие деревни в этих условиях все более и более будет направляться в сторону социализма, главным образом, через развитие кооперации.

4. Намеченная XIV партконференцией политика по отношению к деревне только начала проводиться в жизнь. Партия все больше развертывает работу как в деле массового кооперирования крестьянства, так и в деле вовлечения широких крестьянских масс во все советское строительство (оживление советов). Положительные результаты этой политики уже успели сказаться в укреплении авторитета партии

и Советской власти в деревне. Однако, проведение решений XIV партконференции встречает в отдельных случаях такого же рода возражения, какие наблюдались при переходе к нэпу в 1921 г. В связи с этим создается опасность искажения этой политики в двух направлениях: в направлении недооценки отрицательных сторон нэпа и в направлении непонимания значения нэпа, как необходимого этапа к социализму.

5. Первая опасность—опасность недооценки отрицательных сторон нэпа—ведет к забвению интересов деревенской бедноты и недооценке кулацкой опасности. Вторая опасность—непонимание всей необходимости нэпа—ведет к забвению важнейшего в данный период значения основной середняцкой массы крестьянства, к разрыву союза рабочих и крестьян и, следовательно, к ослаблению пролетарской диктатуры в стране. Решительная борьба с обеими этими опасностями есть непременное условие для предотвращения срыва принятой партией политики в деревне и для правильного проведения в жизнь решений XIV партконференции.

6. Проведение решений XIV партконференции, особенно развертывание массового кооперирования крестьян и оживление советов и связанные с этим организация бедноты и борьба за среднее крестьянство, приобретает особо важное значение в данный момент в виду ускоряющегося развития товарных отношений вследствие хорошего урожая и неизбежного для ближайшего времени усиления процессов социального расслоения (дифференциации) крестьянства.

В связи с этим особо выдвигаются вопросы о сплочении бедноты и батрачества вокруг партии и Советской власти, о методах руководства и формах организации этих слоев деревни, а также и о различных видах материальной, культурной и политической помощи им со стороны партии государственной власти.

Исходя из этого, признать необходимым:

А. При проведении политики *оживления советов*, вовлечения в их работу широких масс бедняков и середняков, партия должна особое внимание уделить на то, чтобы при этом сплотить вокруг себя бедноту и вести за собой среднее крестьянство. Для этого во время перевыборов и в дальнейшей работе советов (а также в кооперации, крестпомах) необходимо проводить особое собрание бедноты, приступить к организации в селах, волостях и районах групп бедняков (с непременным втягиванием в них батрачества), всемерно стремясь при этом к *совместному с середняками* отстаиванию практических мероприятий в работе советов, кооперации, крестпомов и к *совместному с середняками* выдвижению кандидатов при перевыборах.

Б. *В работе кооперации* усилить внимание к вовлечению бедноты, разработав дополнительные меры по облегчению доступа бедняков в сельскохозяйственную и кредитную кооперацию (помощь государства при внесении паев и т. д.) и по увеличению материальной помощи беднейшим слоям деревни путем расширения сельхозкредита (удлинение сроков кредитования для бедноты, организация при сельхозтовариществах предприятий, обслуживаю-

ших, главным образом, бедноту, как, например, прокатных пунктов и т. п.).

В. В целях оказания помощи в деле поднятия бедняцких хозяйств, наряду с усилением внимания к кредитованию этих хозяйств из средств сельскохозяйственного кредита на общих основаниях, необходимо образовать постоянный специальный фонд в составе Центрального Сельско-Хозяйственного банка.

Предназначить этот постоянный фонд специально на цели кредитования бедноты и, в частности, коллективов на особо льготных условиях (льготные сроки, особо льготные условия обеспечения и т. п.).

Г. Всемерно содействовать *строительству колхозов* (с.-х. коммун, с.-х. товариществ) маломощного и среднего крестьянства, усиливая кредитную помощь и особенно облегчая им приобретение сел.-хоз. машин (в частности тракторов), стремясь связать работу колхозов с помощью окрестному маломощному и среднему крестьянству. Наряду с этим необходимо усилить поддержку развития простейших видов коллективизации (артели, машинные товарищества, товарищества по совместной обработке земли, по совместному использованию скота и т. п.), особенно обращая внимание на вовлечение в эти товарищества маломощных хозяйств.

Д. Отмечая недостаточное внимание к *работе крестпомов*, обязать парторганизации, согласно решению XIII партсъезда о работе крестпомов, усилить содействие их работе. Организации крестпомов необходимо строить на основе существующего положения ВЦИК, а именно на основе коллективно-добро-

вольного членства всех крестьян, имеющих право избирательного голоса при выборах в советы, добиваясь более активного участия в их работе беднейших слоев деревни. Наряду с развитием работы по индивидуальной и общественной взаимопомощи в деревне, крестпомы должны усилить связь с работой советов и кооперации, содействуя облегчению доступа маломощных в кооперацию, получению ими кредита для своего хозяйства, защищая и наблюдая за предоставлением бедноте установленных законами льгот и т. п.

Е. Утвердить решение пленума ЦК КП(б)У (от 23—25 июля с. г.) о *реорганизации комнезамов* с превращением их в организации общественные и добровольные. В дальнейшей работе комнезамы должны направить свою деятельность на сплочение бедняков и середняков, на отстаивание интересов маломощных (незаможных) в советах, кооперативах, крестпомах, на сосредоточение главного внимания на задачах поднятия хозяйств деревенской бедноты. С реорганизацией комнезамов и выдвижением в их работе новых задач парторганизации должны еще большее внимание сосредоточить на деле руководства их работой.

Ж. В связи с проведением «временных правил о применении наемного труда в сельском хозяйстве» особенное значение приобретает *работа Всеработземлеса*, как органа сплочения и защиты интересов пролетарских слоев в деревне. Всеработземлес должен, всемерно укрепляя связь беднейших слоев деревни с промышленными рабочими города, на деле стать организацией широких пролетарских и полупроле-

тарских масс: сел.-хозяйственных рабочих, батраков и полупролетарских элементов деревни, основным занятием которых является работа по найму. При этом необходима дальнейшая всемерная поддержка партийными силами органов Всеработземлеса и усиление его материальных средств.

3. Парторганизации должны добиваться действительного *проведения в жизнь законов, охраняющих интересы беднейших слоев деревни,* и предоставленных им по этим законам льгот (освобождение от налогов или понижение их для маломощных, льготы по проведению землеустройства, льготный отпуск леса и т. п.). Во всей работе советов, кооперации, крестпомов, парторганизации, при активном участии комсомола, должны брать на себя инициативу в деле организации беднейших слоев и обеспечения их интересов в работе соответствующих органов (прием в школы детей бедноты, защита бедняков в судах, облегчение беднякам доступа в кооперацию, поддержка селькоров из беднейших слоев и т. п.).

И. Задача помощи и организации деревенской бедноты на основе укрепления руководства пролетариата выдвигает перед партией необходимость дальнейшего укрепления *партийных и комсомольских организаций в деревне.* Необходимо на основе принятых партией решений больше внимания уделять привлечению в партию и в комсомол беднейших элементов деревни, в особенности сел.-хозяйственных рабочих и батраков, всячески поддерживая выдвижение из их среды работников для руководящей работы во всех общественных органах деревни, вовлекая наи-

более активные силы из них в парторганизацию, памятуя, что наиболее крепкой опорой коммунистической партии в деревне могут быть только пролетарские и полупролетарские слои деревни.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Н. К. Крупская.— Из речи на XIII съезде РКП(б) 5—7

А. И. Рыков.— Подход к деревне (8) — Оживление работы советов предотвратит кулацкую опасность (11) — не забывать интересов бедняцких элементов (13) . . . . . 8—14

М. И. Калинин. — I (15) — Расслоение деревни (18) — Беднота (20) — середняки (21) . . . . 15—22

А. П. Смирнов. — О крепком трудовом крестьянстве (23) — Еще о крепком трудовом крестьянстве (37) . . . . . 23—55

Н. Осинский. — На тему о кулаке . . . . . 56—66

Ю. Ларин. — О деревенском НЭП'е и линии партии 67—74

„ — Речь на XIV Всесоюзной конференции РКП(б) . . . . . 75—87

А. Рыков. — Заключительное слово на XIV всесоюзной конференции РКП(б) . . . . . 88—92

В. И. Молотов. — Об отношении к кулачеству . 93—97

Н. И. Бухарин. — Развязывание оборота в деревне (98) — Развязывание капиталистических элементов в деревне и помощь основной массе крестьянства (103) — Перспективы развития в деревне (105) — „Ставка на кулака"? (110) . . . . . 98—112

Л. Б. Каменев. — Какая нам нужна деревня? (113) — Кого считать кулаком (114) . . . . . 113—117

Стр.

И. Сталин. — Политика партии в деревне . . . . 118—125

„ — Какие меры и какие условия должны способствовать укреплению смычки (126) — Как вести борьбу с кулачеством (134) — Наша политика истолковывается как расширение демократии. Верно ли это истолкование (143) 126—148

Н. И. Бухарин. — Столбовой путь к социализму в нашей стране (149) — Рост кооперации и классовая борьба в деревне (163) — Строительство социализма и формы классовой борьбы (170) — На кого нам нужно ставить свою ставку (184) — Политическое неравенство, его преодоление (208) . . . . . 149—215

Г. Зиновьев. — **Еще о политике партии в деревне.** — О неверном толковании нашей политики в деревне (216) — Лицом к бедняку и середняку (221) — Пешехонов о деревне (228) — Классовая борьба в деревне до и после революции (233) — Наши задачи в деревне (237) — О кулаке. Есть ли у нас полный социализм (239) . . . . . 216—241

В. М. Молотов. — **О работе партии среди деревенской бедноты.** — Новые задачи партии в деревне и организация бедноты (244) — Основная линия партии и вопрос о середняке (251) — Два уклона от правильной политики (256) — Меры помощи бедноте и работа партии (265) . . . . . 242—269

Л. Б. Каменев. — Два уклона в крестьянской политике — Недооценка середняка (270) — Есть ли у нас кулак? (274) — Надо укрепить связь с бедняками (283) — Два пути развития деревни (289) . . . . . 270—296

В. Богушевский. — О деревенском кулаке или о роли традиции в терминологии . . . . . 297—309

Ф. Стулковский. — Не терминологическая, а просто путаница . . . . . 310—327

Стр.

Приложения

О партийном строительстве — Из резолюции 14 конференции РКП(б) . . . . . 331—343
Из резолюции XIV Конференции о кооперации . . 344—358
Постановление III съезда советов СССР. О мероприятиях по поднятию и укреплению крестьянского хозяйства . . . . . 359—372
Постановление пленума ЦК РКП(б) от 10/X — 1925 г. 373—380

БИБЛИОТЕКА
КРАСНОЙ ПРОЛЕТАРИИ
Инв №